

**ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ
ЛИНГВИСТИКИ И ИЗУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА**

**Сборник научных трудов
Международного научного форума,
посвященного Всемирному дню науки
за мир и развитие**

Москва, 10–12 ноября 2020 г.

УДК 81:372.881.1:004.8(063)
ББК 81+74.268.1+32.813
В74

У т в е р ж д е н о
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

*Издание подготовлено при финансовой поддержке РФФИ
(проект № 20-012-22046)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ответственные редакторы:

доктор философских наук, профессор *Н.С. Кирабаев*;
доктор педагогических наук, профессор *Н.Н. Гавриленко*;
кандидат педагогических наук, профессор *Н.Г. Валеева*

Члены редколлегии:

кандидат филологических наук, доцент *А.В. Гуслякова*;
кандидат филологических наук, доцент *Ю.Л. Закирова*;
кандидат филологических наук, доцент *М.А. Руднева*;
кандидат филологических наук, доцент *К.Л. Уланова*;
кандидат филологических наук, старший преподаватель *Е.Б. Павлова*

В74 Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта :
сборник научных трудов Международного научного форума, посвященного Всемирному дню науки за мир и развитие. Москва, 10–12 ноября 2020 г. – Москва : РУДН, 2020. – 325 с. : ил.

Сборник содержит материалы Международного научного форума «Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта» (посвященного Всемирному дню науки за мир и развитие), который прошел 10–12 ноября 2020 г. в Москве. Мероприятие было проведено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-012-22046). В работе форума принимали участие ученые, докторанты и аспиранты российских и зарубежных вузов.

ISBN 978-5-209-10380-6

© Коллектив авторов, 2020
© Российский университет
дружбы народов, 2020

1. ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ АСПЕКТЕ В ЭРУ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

И.С. КАРАБУЛАТОВА

(Российский университет дружбы народов)

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ЦИФРОВОЙ БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ОЦЕНКИ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ТЕКСТОВ (ПОТ) В СОВРЕМЕННОМ НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ

Исследование затрагивает проблему использования технологий искусственного интеллекта (ИИ) в оценивании ПОТ и разработки принципов классификатора для семантической разметки для ИИ. Автор проводит градацию ПОТ с учетом групп медиаторов по распространению потенциальных опасностей в общественном сознании. Обучение ИИ узнаванию признаков потенциальных опасностей в тексте основывается на работе экспертов, занимающихся психолингвистическим оцениванием социальных опасностей в текстах. Новостной дискурс выбран в силу того, что он является общепризнанным индикатором социальных проблем миграции, пандемии коронавируса, криминальности, этничности, оплаты труда и т. д.

Ключевые слова: потенциально опасный текст (ПОТ), психолингвистика, экспертиза, ИИ, цифровые гуманитарные науки, новостной дискурс

Сохранность человеческой психики в современных условиях агрессивной информационной среды, когда инструментарий привлечения внимания потенциального реципиента становится все более изощренным, становится социально значимой проблемой не только ученых медицинского профиля, но и смежных социальных направлений [Балабанова, 1998; Челпанов, 2018].

Информационные и психоэмоциональные нагрузки, которые испытывает современный реципиент, из-за использования масс-медиа максимально экспрессивных средств, разрушают личностные границы, провоцируя всеерный рост девиаций и противоправного массового поведения, вписывающихся в так называемую социальную шизофрению [Charernboon, Patumanond, 2017].

Потенциально опасный текст (ПОТ) – это такой вид текста, который меняет отношение человека к тому или иному событию, явлению, объекту или субъекту в отрицательный модус. Сегодня ПОТ выступает как совокупность слайсов этнокультурологического, социально-политического, психолингвистического, судебно-медицинского и правового макроблоков потенциальных опасностей с явным или скрытым «окном Овертона» как для отдельного индивидуума, так и для всего социума.

Для ПОТ в современном новостном дискурсе «окно Овертона» [Карабулатова, Савчук, 2019] является первоочередным приёмом воздействия на психоэмоциональную сферу реципиентов, который становится чрезвычайно востребованным в условиях информационной войны в цифровом обществе [Барсуков и др., 2015; Barabash et al, 2019].

Специалисты по современной юридической психолингвистической экспертизе считают, что социально опасный человек априори является экстремистски настроенной личностью, что выражается в его публично ориентированной речи, где особо четко демонстрируются цели и намерения [Палеха, Садыкова, 2018]. Однако такая трактовка автора ПОТ ставит нас в преднамеренную ситуацию присваивания социального ярлыка ксенофобии, что может стать причиной неправомерного осуждения и/или применения карательного инструментария судебной практики.

ПОТ активизирует в сознании реципиентов многочисленные архетипические страхи и социостереотипы [Ермакова, Джилкишиева и др., 2016; Karabulatova, 2020], поэтому потенциальная опасность – это универсальное свойство взаимодействия человека с окружающим миром при выходе из зоны комфорта в познании действительности. Потенциальная опасность является движущей силой эволюции человеческой цивилизации, заставляя отбирать приемлемые адаптивные средства для собственного развития.

Разнообразие ПОТ затрудняет провести своевременную оценку потенциальной опасности, поэтому обучение ИИ для проведения оценки потенциальных социальных опасностей может стать реальным инструментом скрининга новостных дискурсов с последующим адекватным быстрым реагированием в здоровьесберегающих целях. Алгоритм использования ИИ в оценке ПОТ видится в виде следующей схемы.

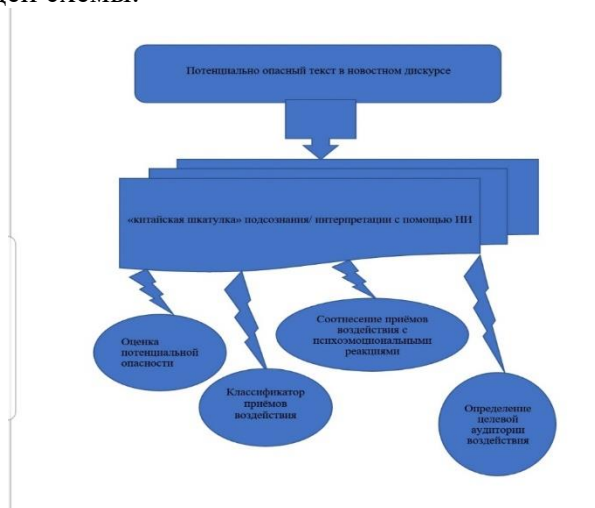

Схема 1. Алгоритм использования слайсов ИИ в оценке ПОТ в новостном дискурсе

Не всегда ПОТ ставит своей целью изменение социостереотипа в обществе, однако в погоне за хайпом,

использование экспрессивной лексики, меняет отношение к людям и событиям. Так, в публикации Е. Петровой о якобы разбойном нападении на блогера-певицу Ольгу Бузову в июле 2020 г в «Комсомольской правде» используется много устойчивых выражений и лексем с негативным коннотатом [Петрова, 2020]. Вместе с тем количество слов с ярко выраженной позитивной окраской незначительно, однако такие слова призваны лишь «оттенить» отрицательное событие. В самой заметке всего 409 слов, из них много клише, типа: «дерзкие налетчики», «королева хайпа», «оставаться в неведении», «впечатлительная публика», «прийти в себя» и т.п. Разметка по воздействию на психоэмоциональную сферу реципиента включает в себя фиксацию лексем по таким параметрам эмоций, как «+» выделено голубым цветом, нейтрально «выделено зеленым цветом, « - » выделено желтым. Для того чтобы обучить ИИ сначала необходимо разметить вручную как можно больше текстов, чтобы ИИ смог в дальнейшем самостоятельно выделять и различать такие ПОТ. Иными словами, группа экспертов должна обучить ИИ также, как мы обучаем учащихся другой картине мира [Valeeva, Pavlova, Zakirova, 2019].

Фрагмент такой обучающей разметки для ИИ можно увидеть на рисунке 1.

Нападение на Ольгу Бузову: звезда "Дома-2" может остаться без голоса после пережитого стресса

перлы

Ольга Бузова, как известно, королева хайпа: то на красной дорожке появляется перлом на верблюдах, то снимает клип с самым красивым преступником в мире, то с помощью открывает ресторан, где из-за бесплатного фастфуда все заканчивается давкой...

Поэтому, когда накануне в Сети появилось видео от очевидца, как на звезду "Дома-2" нападают неизвестные, большинство приняло это за очередной перформанс Ольги. Слишком уж постановочным выглядели все кадры: лавина хайпа, на которую Бузову атакуют дерзкие налетчики, ведущую резко хватают, надевают мешок на голову и, засунув в багажник, увозят в неизвестном направлении.

Однако, напавши и то, кто поверил в криминальную историю и не на шутку испугался за знаменитость. Новость о том, что Бузову похитили в центре Москвы, в интернете даже облетела биржевая биржа: инвесторы подозревают потенциальную панику. А так как все происходило уже в ночь, инвесторы долго оставались в неведении, пустую отправляя звезды сотни сообщений. Пришлось Бузовой поутру оправдываться:

- Я только пришла в себя, просыпаюсь, а телефон разрывается от звонков друзей и

Рис. 1. Фрагмент работы над текстом для обучения ИИ по ПОТ

Казалось бы, новость о съемке клипа О. Бузовой безобидна, но она подана в криминальном ключе для читателя с подачей достоверности, допустимости и даже

образца для подражания. Цель этой новости – привлечение внимания потенциального реципиента к новому видеоклипу О. Бузовой. Вместе с тем для увеличения количества просмотров блогер-певица использует «грязные приемы» манипулирования общественным сознанием, что сродни манипулятивным практикам продаж в рекламе товаров и услуг [Karabulatova et al, 2020], что говорит о наличии скрытого побуждения к такому поведению для увеличения хайпа и зарабатывания «легких денег».

Семантическая разметка для понимания ПОТ в новостном дискурсе отвечает на семь основных вопросов, которые ставит перед экспертом судебная система, чтобы определить значимость такой публикации для отрицательной трансформации общественного сознания. Среди этих вопросов краеугольным является выявление наличия призыва к противоправным действиям и т.п. [Балабанова, 1998; Сафуанов, Секераж, 2018]. Сам репертуар вопросов строго определен и задан плоскостью судебной практики, что позволяет вывести такую экспертизу в плоскость ИИ. При этом вопросы акцентированы на выявление присутствия/отсутствия специфических признаков выражения негативного значения, побуждающего реципиента к асоциальному поведению.

Понятно, что потенциальная опасность проявляется через когнитивные искажения, которые проводят в общественном сознании социально значимые акторы для усиления некоего желательного с позиции движущей силы поведения. Эти трансформирующие движущие силы потенциальных опасностей можно представить в виде четырех основных групп.

Сообщества	Публичные люди	Эксперты	ИИ	Основные акторы
НКО, социальные группы, национально-культурные автономии, отдельные государственные структуры и ведомства, органы власти и самоуправления, СМИ и т.п.	конкретные личности, пассионарии, государственные деятели, общественные деятели, деятели искусства, блогеры, журналисты, политики, и проч.	Профессионалы-аналитики, аккредитованные эксперты, ученые-исследователи, чиновники по направлениям, признанные специалисты, профессионально ориентированные журналы, программы, сайты и др.	Таргетинг, Парсинг некачественно проведенная разметка и некорректный классификатор и т.п.	

Табл. 1. Классификация основных акторов потенциальных опасностей в современном новостном дискурсе

Все акторы проводят свою линию в публичных текстах, оказывающих влияние на все общество. Мы рассматриваем сами тексты, а не специфику личности героя публикации или автора, что унифицирует сам подход к выявлению потенциальных опасностей в новостном дискурсе. В рассматриваемом примере о клипе О. Бузовой встречаются такие акторы, как популярная в молодежной среде телепрограмма «Дом-2», блогер-певица с многомиллионными доходами О. Бузова, популярные сети Инстаграм, ТикТок, блогер и продюсер Давид Манукян.

Каждый шаг в определении потенциальной опасности требует проведения новой семантической разметки. В чем заключается ПОТ о «нападении на Бузову»? Прежде всего, в обесценивании самого понятия «разбойное нападение», перевод в смеховой дискурс, с применением приема эвристики доступности, когда в центре находится яркое запоминающееся событие, которое легко извлекается из памяти. Вместе с тем само описание события уклоняется в сторону эмоций, что «впечатывает» событие в память реципиента. Использование шкалы тональности дало

основание утверждать, что негативные эмотивы запоминаются на 96% сильнее, чем нейтральная лексика [Нушикян, 1987]. Следовательно, игнорирование механизма фиксации эмоционально заряженного текста в контексте выявления потенциальных опасностей может играть негативную роль при оценке ПОТ.

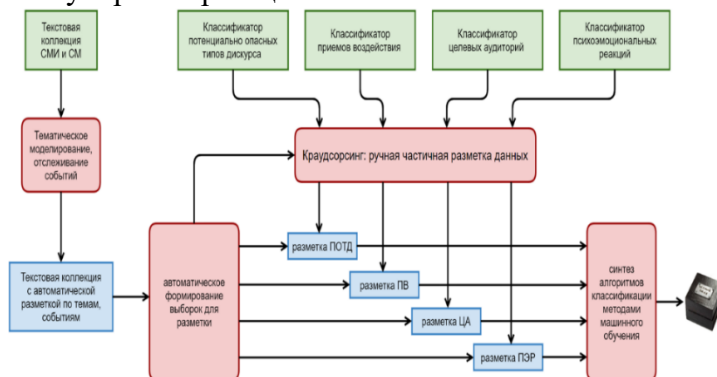

Рис. 2. Предлагаемый алгоритм составления цифровой платформы для выявления и оценки ПОТ (разработан совместно с д-ром физ.-мат.н., проф. РАН К.В. Воронцовым, МФТИ)

ПОТ включает в сознании реципиента поступательно механизм провокации, состоящий из трех шагов: 1) обнаружение «подвала личности», т.е. подсознательных установок, которые не осознаются адресатом; 2) принятие на себя роли деятеля, т.е. фаза реализации с последующим осознанием; 3) «возврат к исходной точке», или регресс осознанности, с принятием автоматизации действий. Исходя из этого, ПОТ по типу кодирования может быть охарактеризован, как мягкий, нейтральный или жесткий.

Таким образом достигается высокая степень манипулирования сознанием адресата речи, когда автор ПОТ провоцирует трансформацию социального поведения реципиента текста в плане актуализации некоторых психосостояний для достижения цели управления как отдельного индивида, так и общества в целом.

Предлагаемые параметры системы интерпретаций потенциально опасного текста повышают шансы на определение прогностического уровня о степени склонности к противоправным поступкам, поэтому создание цифровой библиотеки будет способствовать быстрому анализу уровней потенциальных опасностей для реципиента. Вместе сама разработка классификаторов разного рода семантических разметок сложна в связи с неразработанностью семантического объема ключевых терминов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-04-00607-ОГН.

Литература

1. Балабанова Л. М. Судебная патопсихология (вопросы определения нормы и отклонений). – Донецк: Сталкер, – 1998. – 432 с.
2. Барсуков П.В., Карабулатова И.С., Некрасов С.В., Ахметов И.В., Мамателашвили О.В., Хизбуллин Ф.Ф. Трансформация социального поведения в контексте современных политических кризисов начала XXI в. как результат этнополитического дискурса «сетевых войн» // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. – Москва: Уфа: Ростов-на-Дону. – 2015. – Т.3. – С. 60-70.
3. Ермакова Е., Джилкишиева М., Файзуллина Г., Карабулатова И., Шагбанова Х. Постмодернистский дискурс современного терроризма в контексте риторики Апокалипсиса масс-медийной продукции и художественной литературы // Центральная Азия и Кавказ. – 2016. – Т.19. – Вып.2. – С. 71-79.
4. Карабулатова И.С., Савчук И.П. Информационно-маркетинговая война в современном рекламном дискурсе: трансформация гендерных стереотипов // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2019. – №1-2. – С. 51-65.
5. Нушикян Э. А. Просодическая организация эмоциональной речи. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук. – Л. – 1987. – 32 с.

6. Палеха Е.С., Садыкова Е.А. Комментарии пользователей социальных сетей: еще раз к вопросу об агрессивном тексте // Филология и культура. – 2018. – №2. – С. 98-101.
7. Петрова Е. Нападение на Ольгу Бузову: звезда «Дома-2» может остаться без голоса после пережитого стресса, 10 июля 2020 // Комсомольская правда – URL: <https://www.kp.ru/daily/27154.5/4251316> (Дата обращения 15.10.2020).
8. Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н. Деятельность, направленная на побуждение детей к суицидальному поведению: возможности судебно-психологической экспертизы // Психология и право. – 2017. – № 2. – С. 33-45.
9. Челпанов В.Б. Психологическая и лингвистическая экспертиза текста. – М.: Международная академия исследования лжи. – 2018. – С. 420.
10. Barabash V.V., Kotelenets E.A., Karabulatova I. S., Lavrentyeva M. Y., Mitina Yu. S. The confrontation between the Eastern and Western worldviews in the conceptual space of the information war against Russia: the genesis and evolution of the terminological apparatus // Amazonia investiga. – 2019. – Vol. 8 (19). – Pp. 246-254.
11. Charernboon Th., Patumanond J. Social cognition in schizophrenia // Mental Illness. – 2017. – № 9 (7054). – Pp. 16-19.
12. Karabulatova, I.S. The Manipulation of the Public consciousness through Russian Press Coverage of Events around the Paris Peace Conference, 1918-1920 // The Paris Peace Conference (1918-1920) and Its Aftermath: Settlements, Problems, Perceptions. – Ed. by Sorin Arhire and Tudor Roşu. – London: Cambridge Scholars Publishing. – 2020. – Pp. 209-227.
13. Karabulatova, I.S., Vykhrystyuk, M.S., Dolzhenko, N.G., Mychko, E.I., Potmenskaya, E.V. The Use of Stable Expressions in Modern Economic Discourse as an Emotional Increase in the Potential Impact on Purchasing Power // Space and culture. – 2020. – № 7(4). – Pp. 283-292.
14. Valeeva N. G., Pavlova E.B., Zakirova Yu. L. M-learning in teaching ESP: case study of ecology students // European Journal of Contemporary Education. – 2019. – № 8(3). – Pp. 920-930.

PROBLEMS OF CREATING A DIGITAL LIBRARY FOR EVALUATING POTENTIALLY DANGEROUS TEXTS (PDT) IN MODERN NEWS DISCOURSE

The research addresses the problem of using AI technologies in evaluating PDT and developing the principles of a classifier for semantic markup for AI. The author conducts a gradation of PDT with consideration for groups of mediators on the spread of potential dangers in the public consciousness. Training AI to recognize signs of potential dangers in the text is based on the work of experts engaged in psycholinguistic assessment of social dangers in texts. The news discourse was chosen because it is a generally recognized indicator of social problems of migration, the coronavirus pandemic, criminality, ethnicity, remuneration, etc.

Key words: potentially dangerous text (PDT), psycholinguistics, expertise, Digital Humanities, news discourse

В.В. КАТЕРМИНА, А.А. ГНЕДАШ

(Кубанский государственный университет)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

На основе комплексного анализа сетевых данных выявлены и описаны лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве в США, Франции, Индии и Пакистане.

Ключевые слова: сетевая лингвистика, сетевой дискурс, лингвистический паттерн, online-пространство, дискурсивные поля, когнитивная прагматик

Интернет представляет собой мультимодальную, мультикультурную и мультязыковую площадку дискурсивных интеракций различных групп пользователей, а также социальных и традиционных медиа. Как показывает анализ сетевого дискурса, в настоящий момент 51,2% всех веб-сайтов и веб-страниц по-прежнему используют английский язык как основной, при этом регионами с максимальным количеством Интернет-пользователей являются Азия (48,7%), Европа (17,0 %) и Африка (10,9%) [Internet World Stats, 2020]. Таким образом, все большее значение приобретают лингвокогнитивные и лингводискурсивные аспекты дискурсивных взаимодействий в online-пространстве [Feezell, 2018, с. 482–494; Jaidka, 2019, с. 345–372; Jones, 2015; The age of perplexity, 2018].

Рассмотрим три примера формирования лингвистических моделей социально-политической коммуникации в онлайн-пространстве, образовавшихся вследствие развития манипулятивных дискурсивных полей и новых лингвистических паттернов. Результатом данных коммуникаций в трех разных странах стало формирование массовых и индивидуальных деструктивных социально-политическим действий. Данные модели были получены на основе комплексного анализа сетевых данных и разработанной авторами методики [Рябченко, 2020; Рябченко, 2019], сочетающей теории и методологии нескольких областей научного знания: лингводискурсивный, интерпретативный, сетевой, фолксономический, контент-анализ, глубокий анализ текста, метод объектно-ориентированного программирования.

Рассмотрим первый кейс: модель «Али Жюппе» и лингвопрагматический паттерн «Аллан Жюппе – пособник исламских экстремистов».

Под влиянием журналистов желтой прессы мэр Бордо Ален Жюппе отказался участвовать в выборах 2016-2017 гг. из-за созданного журналистами дискурсивного

информативного поля о его связи с организациями, близкими к радикальным исламистам. Журналисты желтой прессы, используя хештеги, создали дискурсивное поле «Ален Жюппе – пособник исламских экстремистов». Отметим, что хештеги содержали приемы каламбура и аллюзии, состоявшие в замене имени кандидата – Ален – на одно из самых распространенных в мусульманских странах мужских имен – Али. Данный прием привел к получению дополнительных текстовых оттенков и новых смысловых слоев. В результате этого лингвосемиотическая единица #allainjuppé трансформировалась в единицу #alijuppé, которой маркировались все порочащие Алена Жюппе материалы, размещаемые в online-пространстве. Это и стало основой формирования дискурсивного поля «Ален Жюппе – пособник исламских экстремистов». Пользователи сети Интернет, включающиеся в это дискурсивное поле, потребляя продуцируемый данным полем контент, приходили к выводу, что потенциальный кандидат на пост президента Франции – А. Жюппе – является пособником экстремистов. Таким образом, мы говорим о том, что дискурсивное поле породило лингвопрагматический паттерн – «Не голосуй за Алена Жюппе», результатом чего было определенное социальное действие: избиратели принимали решение не голосовать за него.

Второй кейс: модель «Пиццагейт» и лингвопрагматический паттерн «Не голосуй за Клинтон, Голосуй за Трампа» + побочный паттерн «Спасай детей от педофилов».

В ходе предвыборной гонки в США 2016 года в online-пространстве было сформировано дискурсивное поле «Пиццагейт», основой которого стала конспиративная теория о причастности Джона Подесты, начальника штаба Х. Клинтон, к торговле детьми. Дискурсивное поле «Пиццагейт» охватило не только платформы 4chan, Twitter и Reddit, но и мейнстримные новостные сайты – Godlike

Productions, YourNewsWire, SubjectPolitics, Conservative Daily Post, The New York Times. Данное дискурсивное поле имело целью дискредитировать Х. Клинтон за счет формирования лингвопрагматического паттерна «Не голосуй за Клинтон...». Сформированный паттерн мотивировал и другое социальное действие – борьбу за права детей, в том числе и с помощью вооруженного самосуда над предполагаемыми насильниками.

Третий кейс: модель «Мигранты-киднепперы» и лингвопрагматический паттерн «Пакистанские мигранты/незнакомцы на улицах ваших городов представляют угрозу».

Рекламное агентство «Spectrum Y&R» в 2016 г. создало социальный ролик для некоммерческой организации «Roshni Helpline», который ориентировал на формирование паттерна «Следи за своим ребенком!», потребление которого повышало бы уровень ответственности у родителей. Ролик демонстрировал, как легко похищать детей с улиц пакистанских городов. Спустя два года версия этого ролика в Индии благодаря Интернет-технологиям создала условия для формирования информационного дискурсивного поля «Пакистанские иммигранты в Индии похищают детей». Продуктом данного дискурсивного поля стал лингвопрагматический паттерн «Пакистанские мигранты/незнакомцы на улицах ваших городов представляют угрозу», отличавшийся от того, который изначально задумывался агентством «Spectrum Y&R», и спровоцировавший волну насилия против мигрантов.

Приведенные примеры показывают, как информационно-коммуникационные технологии трансформируют социальную действительность и ставят перед наукой новые исследовательские вопросы, связанные с тем, как именно лингвистические модели (дискурсивные поля и контент, содержащиеся в них) и продуцируемые ими лингвистические паттерны иницируют социальное

действие, влияющее на развитие и трансформации социально-политических систем современных государств.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00033.

Литература

Рябченко Н. А. Региональный политический дискурс: теоретическая модель, методология исследования и практики управления политическим контентом в online-пространстве субъектов РФ // Политическая лингвистика. – 2019. – № 5 (77). – С. 114-131.

Рябченко Н.А., Малышева О.П. Характеристики современной политической коммуникации в онлайн-пространстве // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 2. – С. 101-113.

Feezell J. T. Agenda Setting through Social Media: The Importance of Incidental News Exposure and Social Filtering in the Digital Era // Political Research Quarterly. – 2018. – № 71 (2). – Pp. 482–494.

Internet World Stats. 2020. – URL: <https://www.internetworldstats.com/#links4>

Jaidka K., Zhou A., Lelkes Y. Brevity is the Soul of Twitter: The Constraint Affordance and Political Discussion // Journal of Communication. – 2019. – № 69 (4). – Pp. 345–372.

Jones R.mH., Chik A., Hafner C. A. Discourse and digital practices: Doing discourse analysis in the digital age. – New York: Routledge, 2015.

The age of perplexity: rethinking the world we knew. – New York: Penguin, 2018.

LINGUISTIC MODELS OF SOCIOPOLITICAL COMMUNICATION IN THE ONLINE SPACE: COGNITIVE AND PRAGMATIC ASPECT

Based on a comprehensive analysis of network data, linguistic models of socio-political communication in the online space in

the USA, France, India and Pakistan have been identified and described.

Key words: network linguistics, network discourse, linguistic pattern, online space, discursive fields, cognitive pragmatics

А.В. КОЛМОГорова, А.А. КАЛИНИН

(Сибирский федеральный университет)

РАДИКАЛЬНОСТЬ ОЦЕНКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ КАК ИЗМЕРЯЕМАЯ ВЕЛИЧИНА В СЕНТИМЕНТ-АНАЛИЗЕ ТЕКСТОВЫХ ДАННЫХ

В статье рассматривается понятие радикальности оценки эмоциональной тональности. Под ним понимается усредненное значение субъективно оцененной информантом силы различных эмоций в тексте, которая объективно соответствует тому, насколько далеко от нулевой отметки на шкале оценивания (влево или вправо) информант переместил ползунок в процессе эмоциональной оценки текста.

Ключевые слова: сентимент-анализ, интернет-тексты, эмоциональная тональность, радикальность оценки эмоции, социальные сети.

В рамках проводимого нами исследования решается задача разработки компьютерного классификатора интернет-текстов на русском языке по критерию их эмоциональной тональности. Выделяется девять тональностей: 8 из них – согласно модели эмоций Г. Лёвхейма [Lövhelm, 2012], девятая тональность – нейтральная.

Подготовка тренировочного датасета для последующего машинного обучения по прецедентам – один из важных этапов работы по проектированию классификаторов в рамках технологии сентимент-анализа [Nasukawa et al., 2003; Pang et al. 2002]. На этом этапе требуется аннотирование каждого текста из датасета.

Широко распространена методика дискретного аннотирования: информанты соотносят каждый текст с одним или несколькими классами эмоций, из списка, предложенного исследователями [Blinov et al., 2015; Chetviorkin et al., 2013]. Однако в таком случае мы не можем учесть ни степень выраженности эмоции, ни оценить текст с точки зрения вербализации в нем сразу нескольких эмоций.

Опираясь на модель куба Г.Лёвхема, мы разработали процедуру недискретной оценки эмоциональной тональности.

В модели Левхейма 8 эмоций локализованы в 8 углах куба в зависимости от сочетания трех моноаминов – дофамина, серотонина и норадреналина, уровень которых в крови человека или животного, согласно шведскому биофизику, определяет характер переживаемых человеком эмоций. Проведя диагонали из углов куба, мы получили 4 шкалы, на крайних полюсах которых расположены «противоположные» по принципу заинтересованных моноаминов эмоции: грусть – радость, злость – отвращение, стыд – воодушевление, страх – удивление.

Был разработан интерфейс, благодаря которому информантам при оценке каждого текста предоставлялась возможность перемещать ползунок на 4 упомянутых шкалах от -5 до 5, при условии, что середина каждой шкалы считалась точкой «нуль эмоций». Оценке подверглась коллекция текстов, представляющих собой короткие (80-100 слов) истории от первого лица, в которых авторы анонимно и откровенно делятся своими переживаниями, не боясь потерять социальное лицо: рассказывают о страхе, стыдных и отвратительных моментах своей жизни, о моментах счастья и радости, о своих страданиях и черных мыслях. Источником текстов стала публичная группа «Подслушано» в одной из наиболее популярных русскоязычных социальных сетей ВКонтакте.

Из предварительно оцененной 34 информантами выборки для эксперимента мы отобрали случайным образом 48 текстов – по 6 из каждой категории.

Наконец, данные 48 текстов были выложены на специально созданном для этого электронном ресурсе.

Группа ассессоров была сформирована из 172 человек (34 – мужчины, 138 – женщины) в возрастном диапазоне от 15 до 48 лет. Средний возраст ассессоров составил 22.06 года. Все информанты – носители русского языка.

Во время разметки после нажатия информантом кнопки «начать» на экране появлялся 1 текст из выборки и 4 шкалы с ползунками. Информанту предлагалось поставить ползунок на шкале так, чтобы его положение отражало эмоцию и степень ее выраженности в тексте. После расстановки ползунков на 4 шкалах, информант должен был нажать кнопку «Продолжить» и процедура повторялась снова.

Таким образом, для каждого текста от каждого информанта было получено по 4 вектора, которые затем после определенной конвертации значений накладывались на соответствующие диагонали куба. Это позволяло, во-первых, определить «расположение» текста, согласно его общей эмоциональной тональности, в пространстве куба Лёвхейма. А во-вторых, появлялась возможность вычислить их усредненный вектор. Числовое значение такого усредненного вектора является той величиной, которую мы назвали радикальностью оценки эмоциональной тональности. Благодаря разработанной процедуре недескретной оценки эмоциональной тональности текстов мы получили возможность работать с новой измеряемой величиной – радикальностью эмоциональной оценки текста у каждого информанта.

Под радикальностью оценки эмоциональной тональности текста нами понимается усредненное значение субъективно оцененной информантом силы различных

эмоций в тексте, которая объективно соответствует тому, насколько далеко от нулевой отметки на шкале оценивания (влево или вправо) информант переместил ползунок в процессе эмоциональной оценки текста.

Такая измеряемая величина, как радикальность оценки необходима по нескольким причинам: 1) появляется возможность выделять новые категории текстов, а именно – слабоэмоциональные, среднеэмоциональные и сильноэмоциональные; 2) мы можем анализировать корреляции между различными переменными, связанными с возрастом, полом, эмпатичностью (в перспективе перечень подобных переменных может быть расширен) информантов и радикальностью их оценок, производя отбор более надежных из них для проведения аннотирования. Под «надежными» информантами мы понимаем тех, чья радикальность оценки соответствует средним показателям в генеральной совокупности оценок.

Опираясь на данные о радикальности оценки, исследователи могут не только получать сведения о тональности текстов для дальнейшего использования их в машинном обучении, но и формировать различные группы потенциальных реципиентов текстов по их половозрастным и психофизиологическим характеристикам на основе наблюдений за значениями радикальности оценки у этих информантов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00205.

Литература

1. *Blinov P.D., Kotelnikov E.V. Semantic Similarity for Aspect Based Sentiment Analysis // Russian Digital Libraries Journal. – 2015. – №18 (3-4). – С. 120-137.*
2. *Chetviorkin I.I., Loukachevitch N.V. Sentiment Analysis Track at ROMIP-2012 // Computational Linguistics and Intellectual Technologies. – 2013. – № 2. – С. 40-50.*

3. *Lövheim H.* A New Three-Dimensional Model for Emotions and Monoamine Neurotransmitters // *Medical Hypotheses*. – 2012. – № 78. – С. 341-348. <https://doi.org/10.1016/j.mehy.2011.11.016>
4. *Nasukawa T., Yi J.* Sentiment Analysis: Capturing Favorability Using Natural Language Processing // *Proceedings of the Conference on Knowledge Capture (K-CAP)*. – 2003. – С. 70-77.
5. *Pang B., Lee L., Vaithyanathan Sh.* Thumbs up? Sentiment Classification Using Machine Learning Techniques // *Proceedings of the Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP)*. – 2002. – С. 79-86.

EMOTION ASSESSMENT MAGNITUDE AS A MEASURABLE VALUE IN SENTIMENT ANALYSIS OF TEXTS

The article deals with the notion of emotion assessment magnitude. The term means the average value of subjective assessment of the strength of all emotions felt in the text by informant. Objectively it corresponds to how far from zero point on the grading scale (to the left or to the right) the informant moved the slider while assessing emotions in text.

Key words: sentiment-analysis, internet-texts, emotional tonality, emotion assessment magnitude, social networks.

Е.В. ТЕРЕНТЬЕВА, М.В. МИЛОВАНОВА

(Волгоградский государственный университет)

Е.Б. ПАВЛОВА

(Российский университет дружбы народов)

Н. ВЕНДТ

*(Мюнхенский институт иностранных языков
и перевода (SDI München), Германия)*

Р.Г. КАДЕРОВА

(Российский университет дружбы народов)

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫЕ И РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ БЛОГИ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОТЕСТНАЯ ПРАКТИКА

В статье на основе системно-коммуникативного анализа немецкоязычных и русскоязычных блогов выявлена их полифункциональность, дискурсивная гибридность, установлены релевантные коммуникативные стратегии адресанта, определены регулярно воспроизводимые тематизирующие сферы, получающие индекс «угроза» и вызывающие у адресата негативную протестную реакцию.

Ключевые слова: протестная коммуникация, политические блоги, системно-коммуникативные характеристики, сопоставительный аспект, немецкий язык, русский язык

Медиатизация современного общества, проявляющаяся в интеграции цифровых медиа во все социальные процессы, в том числе и политические [Lundby, 2014; Luna-Reyes, 2017], создает условия для трансформаций протестных практик и способствует реализации технологий «управляемого хаоса» [Гончаров, 2018, с. 80]. Сопряжение в

современном социуме протестных практик с процессами медиатизации побуждает исследователей обращаться к изучению новейших форматов и механизмов организации коллективных взаимодействий, к рассмотрению процессов изменения коммуникации, возникновению иного коммуникативного опыта субъектов, формированию нового отношения к ценности и достоверности информации [Казимирчик, 2014; Павлова, 2019; Паулов, 2008]. Названные аспекты исследований призваны оценить факторы, влияющие на трансформации протестных практик и помочь в дальнейшем разработать алгоритмы регулирования протестного поведения и управления конфликтными социумами.

Предметом рассмотрения в настоящей работе являются системно-коммуникативные характеристики немецкоязычного и русскоязычного протестного контента в сопоставительном аспекте.

Методология исследования опирается на теоретические положения о принципах системно-коммуникативного подхода, о взаимосвязи социокультурной, политической и медийной сфер [Oniszcuk, 2011; Small, Vorgan, 2009]; о рассмотрении протеста в качестве специфической практики разрешения конфликта [Deutsch, Coleman, Marcus, 2006; Fisher, Ury, Patton, 2011].

Материалом исследования послужил контент немецкоязычных политических блогов (около 2000 оригинальных постов на немецком и русском языках), размещенных на платформе <https://www.cision.de/top-10-blogs-politik>, популярные оппозиционные блоги Вольфганга Прабеля (<http://www.prabelsblog.de>) и Сары Вагенкнехт (<https://twitter.com/SWagenknecht>), а также контент русскоязычных политических блогов, размещенных на платформе <https://www.livejournal.com>, информационном сайте «Эхо Москвы», популярные политические блоги, авторы которых являются представителями оппозиционных

политических движений и платформ (<https://varlamov.ru>; <https://navalny.com>).

Немецкоязычные и русскоязычные блоги отличаются полифункциональностью, проявляющейся во взаимодействии и взаимопроникновении целого ряда функций, которые обеспечивают реализацию сугубо политических целей авторов блогов и в то же время являются средством их публичной самопрезентации через специфическую форму творческой деятельности. Таким образом, в анализируемом контенте немецкоязычных и русскоязычных политических блогов выделяются следующие функции: информационная, информационно-оценочная, рефлексивная, презентационно-пропагандистская, контрпропагандистская, политико-имиджевая, политико-мобилизационная, консолидирующая, директивная, функция социализации, то есть активного включения электората в систему общественно-политических отношений. Полифункциональность политических блогов детерминирует их полидискурсивность, что в свою очередь отражается в полижанровом разнообразии контента. При этом необходимо отметить, что в политическом блоге, представляющем собой гипержанр, объединяются такие субжанры, как пост, петиция, журналистское расследование, открытое письмо, обращение, реплика, комментарий. Кроме того, названные субжанры могут приобретать черты гибридных жанров, обладающих признаками нескольких жанров, представлять собой креолизованные тексты. Далее рассмотрим более подробно некоторые примеры, которые можно считать типовыми.

Для немецкоязычных блогов характерным является сочетание интернет-дискурса и черт политического, публицистического, информационного дискурсов.

Политические блоги Германии демонстрируют опору на актуальную политическую повестку дня, агитаторство и пропагандизм, социально значимую тематизацию. Кроме

того, для них характерны такие черты публицистического стиля, как актуальность, персуазивность, оценочность, экспрессивность, динамичность, доходчивость, тематическое многообразие. Названные дискурсивные черты находят свое проявление в жанровой гибридации политических блогов, детерминированной сочетанием признаков таких публицистических жанров, как дневник, пост, комментарий, расследование, политическое обращение. Для данных жанров характерны аргументированность, интенциональность, мобилизационный потенциал, доминирование адресанта по отношению к адресату, массовый адресат. В качестве иллюстрации высказанных теоретических положений приведем принадлежащий популярному немецкому блогеру В. Прабелю пост, в котором присутствуют черты политического и публицистического дискурсов, а также признаки жанровой гибридации (12.09.2020 von Wolfgang Prabel. Zwischenbilanz nach 3.000 Einträgen). Пост представляет собой текст гибридного характера, включающий элементы дневника, конструирующие Я-образ политика (*Am 13.11.2012 hatte ich den ersten Eintrag auf PB gepostet*) с отсылкой к собственным цитатам (*Damals hatte ich geschrieben: „Viele skandalöse Dinge, die uns alle direkt betreffen, werden von den Medien ausgespart*). Данные пост объединяет черты жанров эмоционального (*Was hat sich seit 2012 geändert? Es gibt zahlreiche Verschlechterungen der Lebensqualität auf Grund von quasireligiösen Obsessionen. An den Altären von Kórona, Klima und Asylkriminalität wird eifriger geopfert, als 2012*) и сатирического комментария (*Gestern schliff Altmaier so einen honeckeresken Halbedelstein, als er von der Unumkehrbarkeit seiner Wirtschaftspolitik faselte. Es erinnert stark an den lustigen Spruch von Ochs und Esel...*), эмоциональной зарисовки (*Ich erinnere mich gerne an einen Herbstabend, als meine Freundin mit mir über das Ende der Breschjeffzeit rätselte und über die Lockerungen danach. Als wir unsere Flasche ausgetrunken*

hatten, war es 22:30 und der Sprecher der Tagesthemen begann seine Moderation: „Guten Abend, die erste Nachricht kommt heute aus Moskau, Seit einer Viertelstunde wird im Fernsehen getragene Musik gespielt, das deutet auf den Tod eines hohen Funktionärs hin...“ Es gibt also Hoffnung). Кроме того, пост включает в себя элементы аналитики и прогноза (*Es ist dieses Mal schwieriger den Endpunkt der Verirrung zu prognostizieren, als vor 30 Jahren, weil die internationalen Kräfteverhältnisse wesentlich komplexer sind*). С точки зрения языковых средств текст отличается широким использованием политических (*das Regime, der Diktatur, der Nationalsozialismus, der Sozialismus*) и экономических (*die Wirtschaftspolitik, der Wohlstand*) терминов, оценочной лексики (*faseln, abgefahrenen, widerlichen, die dümmliche Phrase*), метафор (*der Endpunkt der Verirrung, die Altäre von Kórona*), перифраз (*die finstere Physikerin, die irrlichternde Dr. Merkel*), экспрессивных выражений (*Die Legitimation der Bundesrepublik war das Wirtschaftswunder. Die Zeit ist vorbei. Scholz braucht jetzt „überraschenderweise“ doch zusätzliches Steuergeld für seine Bazooka.*), фразеологизмов (*das Goldene Kalb, läuft immer noch als Laus über die Leber*), окказионализмов (*der Merkelismus*), риторических вопросов (*Was hat sich seit 2012 geändert?*). Текст изобилует фактами, аналогиями, намеками, которые побуждают читателя к собственным размышлениям и инициируют его протестную реакцию по отношению к затронутой проблеме. Таким образом, пост выполняют ресурсно-мобилизационную функцию, а также адресован представителям власти, которые упоминаются в тексте и получают негативно-ироничную оценку.

В целом для русскоязычных политических блогов характерна дискурсивная гибридность, выраженная объединением интернет-дискурса с элементами публицистического, политического, художественного, делового и разговорного дискурсов.

Выявленная гибридность коррелирует с жанрово-стилистической гибридизацией политических блогов [Ребрина, Шамне, 2020; Милованова, Терентьева, 2020]. В текстах постов часто объединяются черты официально-деловой и разговорно-сниженной речи, например: *Так что уважаемый Дмитрий Сергеевич и уважаемый Кремль, мы тоже очень обеспокоены ситуацией и выражаем глубокую озабоченность, но вам глубоко пофигу. Это провал Вася. Или как? Пишите мне Здесь!* [Горный А.]. Приведенный текст представляет собой иронично окрашенное побуждение к воспроизведению массовым адресатом (читателями блога) тех оценок, которые даны автором. В приведенном фрагменте эффект иронии создается за счет контраста между клишированными фразами, свойственными деловой речи (*уважаемый Дмитрий Сергеевич, обеспокоены ситуацией и выражаем глубокую озабоченность*), и жаргонной лексикой (*пофигу*), разговорными оборотами (*Это провал Вася. Или как?*), а также намеренно некорректным использованием официально-деловых формул при обращении (*уважаемый Кремль*). Мобилизационный потенциал поста задается вектором: авторская оценка ситуации → побуждение к эмоциональному отклику в рамках предложенной оценки → привлечение сторонников из числа читателей → «усиление» оценки массовым адресатом – со-адресантом. В приведенном фрагменте текста блогер формально обращается к власти, однако целевым адресатом является массовый читатель. Рассмотрим еще один пример, демонстрирующий формирование мобилизационного потенциала за счет креолизации текста поста, автором которого является популярный русскоязычный блогер И. Варламова «Протесты в Беларуси. На улицы снова никто не вышел» (<https://varlamov.ru/4061327.html>). Данный пост представляет собой совмещение вербального и визуального ряда (фото, видео), которые контрастируют между собой и обеспечивают реализацию ресурсно-мобилизационную функции:

текст – *В Минске и других городах Беларуси люди снова не вышли на протест.*

фото – много митингующих людей на улицах;

текст – *Размеренная жизнь. Велопешеходный переход.*

фото – на переходе военная техника с военными.

Пост завершается кратким авторским выводом, снимающим возможное ошибочное понимание текста: *Белорусские власти продолжают пытаться всех убедить, что протест сдулся, ... вот только это не соответствует действительности* (varlamov.ru). В целом для русскоязычных политических блогов характерно наличие установки на привлечение сторонников, сочетание книжной и разговорной речи.

Анализ контента политических блогов Германии и России позволил выявить тематизирующие области, получающие оценку блогеров как угрожающие. В качестве общих конструируемых проблемных сфер с индексом «угроза» в немецкоязычных и русскоязычных блогах выделяются: социальные вопросы, экономика, власть, международные события. Сказанное свидетельствует о значимости данных тем, что позволяет предположить определенную объективность сопряженности конструирования проблемы-угрозы с манифестируемой реальностью для любого социума. Среди проблемных сфер, которые обсуждаются немецкоязычными блогерами, можно назвать Еврокризис, различные региональные события, проблемы экологии, миграционный кризис. Российских блогеров помимо названных общих проблемных сфер интересуют вопросы выборов, коррупции, чиновничества. Экологическая проблематика, активно используемая в немецкоязычных блогах, в русскоязычной политической блогосфере еще не получила статус темы с индексом «угроза» и часто включается в проблематику сферы «власть – чиновники». При этом стратегемно-тактическая организация немецкоязычных и русскоязычных

политических блогов, их лингвопрагматика совпадает. Для немецкоязычных и русскоязычных блогов релевантными являются стратегии *обоснования статуса «проблема» и подкрепленного / неподкрепленного предъявления оценки*, обеспечивающие конструирование выделенных проблемных сфер.

Таким образом, немецкоязычные и русскоязычные политические блоги как протестная практика характеризуются набором общих системно-коммуникативных характеристик, признаками полидискурсивности, гибридизации жанров, единым вектором формирования мобилизационного потенциала, однотипной стратегическо-тактической организацией и различающимся набором конструируемых проблемных сфер с индексом «угроза».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00193.

Литература

1. Гончаров П.К. Политический процесс: сущность и содержание // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 2. – С. 78-86.
2. Казимирчик Л.В. Феномен медиатизации публичной политики: теоретико-методологический аспект // Политические науки. Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 11. – С. 99-103.
3. Милованова М.В., Терентьева Е.В. Русскоязычные политические блоги как актуальная практика протестной коммуникации : системно-коммуникативные измерения // Научный диалог. – 2020. – № 6. – С. 101-116.
4. Павлова Е.Б. Лингвопрагматическая организация англоязычного экологического интернет-дискурса // Научный диалог. – 2019. – № 1. – С. 88-100.
5. Паулов С.В. Масс-медиа в системе политической коммуникации современного российского общества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2008. – № 2 (42). – Вып. 6. – С. 145-148.

6. Ребрина Л.Н., Шамне Н.Л. Системно-коммуникативные измерения социального протеста : на материале немецкоязычных онлайн-петиций // Научный диалог. – 2020. – № 3. – С. 151-167.
7. Deutsch M., Coleman P. T., Marcus E. C. *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice*. – San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 2006. – 941 c.
8. Fisher R., Ury W., Patton B. *Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving*. – New York: Penguin Books, 2011. – 204 p.
9. Luna-Reyes L.F. Opportunities and challenges for digital governance in a world of digital participation // Information polity. – 2017. – Т. 22. – № 2-3. – Pp. 197-205.
10. Lundby K. (Ed). *Mediatization of Communication*. – Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. – 752 p.
11. Oniszczyk Z. Mediatization of Politics and Politicisation of the Media. Two Dimensions of the Relationship. *Studiów Medioznawczych*. – 4 (47). – 2011. – Pp. 1-15.
12. Small G., Vorgan G. *I-Brain: Surviving the Technological Alteration of the Modern Mind*. – New York: Harper-Collins, 2009. – 256 p.

GERMAN AND RUSSIAN POLITICAL BLOGS AS AN ACTUAL PROTEST PRACTICE

Based on the system and communicative analysis of German and Russian blogs, the paper reveals their multifunctionality and discursive hybridity, establishes relevant communicative strategies of the addresser, and identifies topics for discussion which initiate the addressee's protest reaction.

Key words: protest communication, political blogs, system and communicative characteristics, comparative aspect, German language, Russian language

Л.Н. РЕБРИНА, Н.Л. ШАМНЕ, Е.А. ЕЛТАНСКАЯ

(Волгоградский государственный университет)

Н. ВЕНДТ

*(Мюнхенский институт иностранных языков и
перевода (SDI München), Германия)*

**ОНЛАЙН-ПЕТИЦИИ КАК АКТУАЛЬНАЯ
ПРОТЕСТНАЯ ПРАКТИКА В РОССИИ И ГЕРМАНИИ:
ОБЩИЕ И ЛИНГВОСОЦИОКУЛЬТУРНО
СПЕЦИФИЧНЫЕ
СИСТЕМНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ**

Осмысление феномена современного протеста важно для понимания актуального политического и социального пространства. Цель исследования – комплексное сравнительное системно-коммуникативное изучение на материале отдельной коммуникативной практики (онлайн-петиции) современного протеста в России и Германии в контексте изменений информационно-коммуникативного пространства, параметров удовлетворительности, диалектики общего и лингвосоциокультурно специфичного. Применяются интегративный, системно-коммуникативный, сравнительный подходы. Результаты исследования вносят вклад в дальнейшую разработку положений коммуникативной теории протеста, в осмысление коммуникативной природы социальных явлений, взаимосвязи технологических и социокультурных изменений; могут найти применение для оптимизации управления конфликтными социумами.

Ключевые слова: протестная коммуникация, онлайн-петиции, системно-коммуникативные характеристики, петиционная платформа, медиатизация, немецкий язык, русский язык

Сегодняшние коммуникативные практики протеста иллюстрируют не только новые возможности, но и новые «минусы» и проблемы, связываемые с глобализацией средств информации, современными информационно-коммуникативными технологиями и электронной демократией как актуальным форматом коммуникации граждан и власти; трансформации ретивальной массовой коммуникации, коммуникативного опыта и самого субъекта коммуникации, медиатизацию общественной жизни и личности, новые форматы коллективных взаимодействий [Ребрина, Шамне, 2020].

Онлайн-петиции – мобилизационная практика, реализующая прямую демократию, конвенциональное политическое участие граждан, характеризующееся как партиципация (разные уровни партиципации от «кликтивизма» до инициации акций протеста [Berg, 2017]), конструктивный и активный протест, участники которого отличаются гетерогенностью поведения и мотивации) [Jungherr, Jürgens, 2011; Ребрина, Шамне, 2020; Rebrina, Shamne, Eltanskaya, 2020].

Цель исследования – сопоставление системно-коммуникативных характеристик онлайн-петиций как современных протестных практик Германии и России в контексте изменения информационно-коммуникативного пространства, медиатизации политической сферы, эффективности диалога граждан и власти для определения их общих черт и лингвосоциокультурной специфики. Протест рассматривается как коммуникативная система с типизированными пространственно-временным, предметным, коллективно-личностным измерениями с присущими ей автономией, самовалидацией, комбинированием проактивного и реактивного [Бараш,

Антоновский, 2018]. Протестная коммуникация как вид медиатизированной политической коммуникации функций СМИ «наследует» и функции СМИ, обеспечивая информирование, социализацию, мобилизацию, обратную связь, рекреацию / развлечение [Курбатов, 2017; Kazimirchik, 2014; Luna-Reyes, 2017; Oniszcuk, 2011; Small, Vorgan, 2009].

Материал исследования: 1) размещенные на платформе openPetition немецкоязычные петиции (<https://www.openpetition.de>); 2) петиции на официальной российской платформе «Российская общественная инициатива» (РОИ) (<https://www.roi.ru>).

Пространственно-временное системно-коммуникативное измерение онлайн-петиций Германии и России

Анализ пространственно-временного системно-коммуникативного измерения немецко- и русскоязычных петиций свидетельствует, что их объединяют такие составляющие их интегративную природу признаки, как а) полифункциональность (агитационно-пропагандистская, директивная и информационно-оценочная функции); б) дискурсивная гибридность (комбинирование признаков политического, публицистического, делового и интернет-дискурса); в) стилистический синкретизм: сочетание признаков жанра публицистических жанров (открытые письма) и жанров деловой коммуникации (ходатайство/ прошение/ жалоба), сопоставляемые по критериям аргументированность, категоричность, наличие / отсутствие негативной оценки и обоснования требования / просьбы. На фоне обозначенного сходства исследуемые немецко- и русскоязычные петиции обнаруживают количественные различия состава используемых адресантами отражающих полифункциональность петиций языковых средств: в отличие от русскоязычных стилистический синкретизм немецкоязычных петиций характеризует большая склонность

к признакам жанров официально-делового стилей, большая фактографичность; для русскоязычных петиций типичны более частая апелляция к эмоциям адресата (но при этом единичны случаи призывающих обращений к адресату), частое игнорирование необходимости указания источника информации, тяготение к неформальному регистру общения, большая критичность; большее количество кратких петиций без должного обоснования, ограничивающихся изложением требования.

Коллективно-личностное системно-коммуникативное измерение онлайн-петиций Германии и России

Изучение коллективно-личностного системно-коммуникативного измерения онлайн-петиций Германии и России свидетельствует, что в обоих случаях мотивирующей предпосылкой адресантов является их индивидуальная заинтересованность и компетентность в какой-либо сфере, поскольку практически все адресанты немецко- и русскоязычных петиций выступают инициаторами единственной петиции на рассматриваемых платформах; особенностью данных протестных практик в рамках описываемого измерения становится комплексный адресат с двувекторной адресацией (к пользователям петиционной платформы и к субъекту власти) и комплексный адресант (автор инициативы и подписанты как коллективный ко-адресант) [Ребрина, Шамне, 2020; Rebrina, Shamne, Eltanskaya, 2020]. Акцентирование одного из вышеназванных векторов детерминирует преобладание черт публицистических или деловых текстов, используемых типов аргументов. При этом адресат и адресант получают разную экспликацию в исследуемых текстах петиций двух лингвокультур. В русскоязычных инициативах на РОИ спектр экспликаций массового адресата существенно уже (в отличие от немецкоязычных петиций нерелевантны прямые обращения и призывы к пользователям платформы,

солидаризирующие комплименты коллективному адресату, именование адресатов в зачине или заключении; отсутствуют рубрика «Дебаты» и «Комментарии»). При дискурсивном конструировании конкретного / целевого адресата в русскоязычных практиках также используется ограниченный набор способов экспликации (преимущественно в шапке петиции, единичны случаи экспликации при предъявлении требования, отсутствуют прямые обращения в начальной части петиции); общий прием формирования образа целевого адресата в обеих лингвокультурных протестных практиках – критическая оценка действий власти как фактор солидаризации (олицетворение власти, в отличие от немецкоязычных текстов, представляет собой периферийное явление). В обеих странах для петиций типичен высокий уровень адресации (для Германии – государство; для России – федеральный уровень), что характеризует ожидания граждан и сами поводы обращения при низких ожиданиях в отношении муниципальной власти. Отсутствие на РОИ статистики поданных и успешных петиций по разным уровням адресации затрудняет оценку подтверждения / справедливости ожиданий граждан (статистика на платформе openpetition.de указывает на частичное оправдание ожиданий: низкие показатели частотного адресата «федеральная земля»).

Все составляющие сложного адресанта эксплицированы в исследуемых практиках. При этом идентичность персонального адресанта получает в немецкоязычных петициях существенно более развернутую экспликацию (так, в петициях на русском языке отсутствуют релевантные для сопоставляемых инициатив развернутое самопредставление и индивидуальная подпись автора); изменение статуса подписантов (пользователи платформы → подписанты и со-адресанты) находит в русскоязычных инициативах весьма ограниченное отражение (только в указании на количество голосов «за»; отсутствуют дебаты,

комментарии, имена подписантов, их собирательные обозначения в тексте петиции и статистика на платформе). Способами формирования виртуальной солидарности в рамках обеих лингвокультур выступают, прежде всего, реализуемая, в том числе посредством интерактивного инструментария, «мы-концепция». Однако на немецкоязычной платформе реализуется бо́льшая публичность обмена результатами / продуктами солидаризации и прозрачность процедуры гражданского политического участия, предлагается возможность комбинирования виртуальной и офлайн-активности.

Реализуемые стратегии адресанта на немецко- и русскоязычных петиционных платформах отражают комбинацию тенденций роста индивидуализма и стремления к консолидации и обнаруживают сходство (превалирование аргументационной стратегии (61,8 % и 73,5% соответственно), частотная реализация стратегии самопрезентации и различия: (большая представленность в немецкоязычных петициях стратегии самопрезентации (20,7 % в немецко- и 9,35% – в русскоязычных текстах), чем фатической стратегии (по 17,5% на обеих платформах)). При этом в коммуникативном поведении русскоязычного адресанта преобладает тактика психологической аргументации, что указывает (в отличие от немецких петиций, где тактики фактической и психологической аргументации одинаково частотны) на доминирование установки на мобилизацию сторонников из числа пользователей платформы, что влечет за собой специфику стилистического синкретизма данных петиций (преобладание черт публицистических текстов); логическая аргументация представляет собой периферийное явление в обеих практиках. Самопрезентация немецко- и русскоязычного адресанта осуществляется чаще всего посредством идентификации с пользователями платформы (42,72% и 55,23% соответственно), представления своей

компетентности, осведомленности (29,61% и 27,63%; на РОИ, однако, как правило, отсутствует указание на источники информации, подтверждающие достоверность сообщаемых сведений) и субъективной позиции (11,07% и 17,14%), при этом в отличие от русского немецкоязычный инициатор использует также развернутое самоопределение и контрастивное сопоставление с неодобряемым оппонентом. Фатическая стратегия в петициях на РОИ актуализируется существенно более узким спектром тактик (преобладает тактика обвинения целевого адресата как фактор солидаризации – периферийная для немецкоязычных петиций; нерелевантны частотные тактики немецкого адресанта (косвенный / прямой призыв к массовому адресанту или целевому адресату) и малочастотная тактика солидаризирующего комплимента пользователям платформы). Дефицит интерактивного инструментария на РОИ не позволяет в должной мере изучить коммуникативное поведение русскоязычного массового адресата; на немецкоязычной платформе пользователи платформы преимущественно используют этическую и фактическую аргументацию, консолидирующую широкую идентификацию с другими пользователями петиционной платформы и противопоставление противникам собственного мнения.

Предметное системно-коммуникативное измерение онлайн-петиций Германии и России

Количественные признаки, характеризующие предметное системно-коммуникативное измерение онлайн-петиций двух стран, обнаруживают существенные различия. Наибольшее количество инициатив свидетельствует об интересе активных пользователей к соответствующим сферам и концентрации в них проблемных ситуаций. Совпадающий высокий интерес представителей обеих лингвокультур характеризует транспортную сферу; социальная сфера, привлекающая активное внимание активных граждан Германии, демонстрирует неодинаковую

активность пользователей платформы в России (высокий интерес к теме «потребители и сервис»; низкий интерес к сфере «жилые дома и дворы», «инфраструктура города», «ЖКХ»); в отличие от немецких активистов популярными на русской платформе являются вопросы экономики, управления государством и безопасности, недостатки в работе и негативный образ чиновников; в отличие от российских граждан немецкие адресанты проявляют активный интерес к сферам «образование», «экология», «культура». Наибольшее количество подписантов, указывающее на широкую поддержку пользователей платформы, характеризует разные сферы в Германии и России («культура», «экология», «образование», «строительство» – в Германии; здравоохранение, потребители и сервис, безопасность, экономика и финансы – в России). Факты подтверждают преимущественное несовпадение интересов активной части и широких слоев населения двух стран и разных «индексов проблемности» сфер жизни общества.

Закономерности дискурсивного конструирования проблемы на двух петиционных платформах также обнаруживают сходства и различия. В исследуемых протестных практиках имеет место проактивное формирование проблемы (посредством реализации стратегии проблематизации, стратегии подкрепленного или неподкрепленного предъявления оценки для интенсификации оказываемого воздействия) и самоописание как реактивной практики, решающей сконструированную проблему. Стратегия проблематизации в русскоязычных онлайн-петициях реализуется ограниченным спектром тактик (не релевантны тактики акцентирования длительности современного неблагоприятного положения и контрастирующего положительного представления предшествующего состояния); обоснование статуса проблемы в петициях Германии чаще всего реализуется

посредством указания на негативные последствия сегодняшней ситуации и обвинение оппонента (субъекта власти); в петициях на РОИ – посредством положительной оценки предлагаемых адресантом изменений и отрицательной оценки положения дел (обвинение оппонента в петициях на РОИ наименее частотная тактика). Немецкие адресанты преимущественно предъявляют оценку как разделяемую многими или как моральную аксиому (т.е. опора на мнение широкого круга лиц, предшествующий опыт и традицию); русские адресанты чаще всего представляют оценки как разделяемые многими или собственную оценку (последняя тактика наименее частотна в немецких петициях), т.е. сочетают подкрепленное и неподкрепленное предъявление оценки, склонны приписывать больший вес собственной позиции; опора на авторитет – периферийная тактикой в обеих лингвокультурах.

Онлайн-петиции Германии и России как актуальная практика протеста в контексте медиатизации общества и личности

Медиатизация как атрибут современной политики находит свое отражение в исследуемых практиках [Бодрийяр, 2015; Степанов, 2016; Kazimirschik, 2014; Lundby, 2014]. Метаконцепт «медиатизация» позволяет осмыслить взаимообусловленные трансформации технологического и социокультурного. К проявлениям медиатизации в исследуемых практиках двух стран относятся [Ребрина, Шамне, 2020; Rebrina, Shamne, Eltanskaya, 2020]: 1) симплифицирующая редукция конструируемой и предъявляемой массовому адресату реальности (частотность психологических доводов, необязательность фактологического обоснования эмоциональных аргументов, выведение из коммуникативного фокуса недостатков предлагаемых решений, позиции и аргументов оппонента, усиление эмоциональной приверженности); 2) расширение

имплозии социального [Бодрийяр, 2015] (диффузность статуса адресанта и адресата, субъекта и объекта воздействия, виртуализация солидарности, сетевая структура сообщества как новая форма социальности, совмещение публичного и приватного, публичная субъективность, расширяющееся производство интернет-контента как Я-ресурса личности и компонента идентичности автора, технический детерминизм данных процессов); 3) умножение и усложнение субъекта протестной коммуникации как отражение социально-психологических причин медиатизации общества и личности (свобода продуцирования публичного продукта как отражение потребности быть услышанным и стремления к расширению «Я-ресурсов», реализация роли адресанта без наличия медийного опыта и/или компетенций; сложная категория адресанта и адресата); 4) посредническое персонализированное предъявление и «мягкое» разрешение конфликтов (петиции как «мягкий» вариант юридических практик и функция медиации петиционных платформ; индивидуализация предложений и рекомендаций на платформе, возможности индивидуального «менеджмента» личной активности пользователя); 5) трансгрессивность как обусловливаемый растущим темпом жизни и медиатизацией атрибут коммуникативного поведения коммуникантов и конечного продукта солидаризации, получающий отражение в информационной структуре, композиции, языковых и стилистических средствах текстов и заключающийся в ориентированности на максимальное повышение целенаправленной «силы текста», «коммуникативной воли» адресанта [Ребрина, Шамне, 2020; Lundby, 2014; Rebrina, Shamne, Eltanskaya, 2020; Stepanov, 2016].

Современные глобализированные информационные и коммуникативные процессы, сочетание разнонаправленных тенденций расширения коллективных взаимодействий и индивидуализма, единство публичности и субъективности,

трансгрессивность воздействия обуславливают в современных условиях медиации и медиатизации протеста изменение субъекта коммуникации, необходимость адаптивного механизма сознания, в качестве которого, по мнению ряда исследователей, выступает формирующееся Net-мышление, характеризуемое ими как многовекторное нелинейное, сетевое [Курбатов, 2017; Пронина, 2001; Small, Vorgan, 2009]. Данные изменения находят отражение в анализируемых практиках двух стран: 1) ожидаемое наличие готовности коммуникантов обращаться с синкретизмом языковых манифестаций и симультанной информации разной модальности; 2) доминирование «комбинаторики над силлогистикой»: значимость комбинирования композиционных элементов и аргументов в условиях дефицита логических построений; 3) ожидаемые навыки гибкого, варьируемого (индивидуального) алгоритма обработки информации; 4) новая рациональность, проявляющаяся в ожидаемой готовности с неполной / избыточной информацией и толерантности к неопределенности [см. Пронина, 2001; Small, Vorgan, 2009]; 5) некоторая неавтономность и склонность к полифоничности (ориентация на дополнение со стороны сообщества, взаимодействие ретивальной коммуникации и массовой самокоммуникации) [см. Курбатов, 2017; Пронина, 2001].

Анализ онлайн-петиций на немецко- и русскоязычной платформах указывает на общую для них интегративную природу, проявляющуюся в их полифункциональности, дискурсивной гибридности и стилистическом синкретизме. Русскоязычные онлайн-петиции отличаются большим тяготением к чертам публицистического стиля, менее строгая модерация петиционной платформы и, как следствие, меньшие фактографичность и значимость установки на достоверность, большая эмоциональность, неформальность и критичность общения, а также, в силу предлагаемого шаблона, большее

композиционное единообразие. Исследуемые практики объединяют общие мотивы адресантов; комплексный характер категории адресанта и адресата; использование разных способов формирования их образов, использование критической оценки при конструировании образа субъекта власти и как фактора солидаризации; доминирующий высокий уровень целевой адресации; схожие способы формирования и жизненный цикл виртуальной солидарности; доминирование в коммуникативном поведении адресанта аргументационной стратегии; периферийный характер логической аргументации адресанта; преимущественная самопрезентация адресанта посредством идентификации с пользователями платформы. Русскоязычные платформы характеризуются более узким спектром экспликаций адресатов и адресантов; меньшими прозрачностью процедуры и публичностью обмена продуктами солидаризации; меньшей частотностью стратегии самопрезентации и большей частотностью фатической стратегии адресанта наряду с явным доминированием психологической аргументации (превалирование установки на мобилизацию сторонников); более узким спектром фатических тактик при преобладании тактики обвинения оппонента; непредставленностью ответной коммуникации массового адресата. Анализ предметного измерения свидетельствует об отражении в исследуемых практиках двух стран проактивного и реактивного характера протестной коммуникации; об общих стратегиях дискурсивного конструирования проблемы; о превалирующем несовпадении групп объектов тематизации и проблематизации в России и Германии; о качественно и количественно различающемся спектре тактик стратегий проблематизации и предъявления оценки в немецко- и русскоязычных петициях, о большей значимости для русскоязычных адресантов своей субъективной позиции и фокусирования внимания на собственных предложениях,

необязательности подкрепления предъявляемых оценок. В протестных практиках обеих лингвокультур находит широкое отражение медиатизация как атрибут современной политики и характеристики формирующегося Net-мышления как адаптивного механизма сознания.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00193.

Литература

1. *Бараш Р.Е., Антоновский А.Ю.* Системно-коммуникационное исследование радикальных движений, или как возможна научная теория протеста // *Философский журнал.* – 2018. – Т. 11. – № 2. – С. 91-105.
2. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. – Пер. с фр. А. Качалова. – М.: Издательский дом «Постум», 2015. – 240 с.
3. *Казимирчик Л. В.* Феномен медиатизации публичной политики: теоретико-методологический аспект // *Политические науки. Теория и практика общественного развития.* – 2014. – № 11. – С. 99-103.
4. *Курбатов В.И.* NET-мышление: новые реалии информационной эры // *Гуманитарий Юга России.* – 2017. – Т. 6 № 6. – С. 173-181.
5. *Мэдсен П.* Железные аргументы. Победа, даже если ты не прав. – СПб.: Питер, 2013. – 192 с.
6. *Пронина Е.Е.* «Живой текст»: четыре стиля сетевого мышления: // *Вестник Московского университета.* – Серия. 10, Журналистика. – 2001. – Т. 6. – С. 74-80.
7. *Ребрина Л.Н., Шамне Н.Л.* Системно-коммуникативные измерения социального протеста : на материале немецкоязычных онлайн-петиций // *Научный диалог.* – 2020. – № 3. – С. 151-167.
8. *Степанов В. Н.* Трансгрессивность как сущностная характеристика современного медиатекста в мировой сети // *Актуальные проблемы стилистики.* – 2016.– № 2. – С. 149-158.
9. *Berg J.* Political Participation in the Form of Online Petitions: A Comparison of Formal and Informal Petitioning / J. Berg // *International journal of e-politics.* – 2017. – № 8 (1). – Pp. 14-29.

10. *Jungherr A.* E-Petitionen in Deutschland: Zwischen niedrigschwelligem Partizipationsangebot und quasi-plebiszitärer Nutzung / A. Jungherr, P. Jürgens // *Zeitschrift für Parlamentsfragen.* – 2011. – Heft 1. – S. 521-534.
11. *Luna-Reyes L.F.* Opportunities and challenges for digital governance in a world of digital participation // *Information polity.* – 2017. – T. 22. – № 2-3. – Pp. 197-205.
12. *Lundby K.* (Ed). *Mediatization of Communication.* –Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. – 752 p.
13. *Oniszczyk Z.* Mediatisation of Politics and Politicisation of the Media. Two Dimensions of the Relationship. *Studiów Medioznawczych.* – 2011. – 4 (47). – Pp. 1-15.
14. *Rebrina L. N., Shamne N. L., Eltanskaya E. A.* Modern protest communication in Russia and Germany: important issues in research methodology // *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS.* – 2020. – Pp. 1505-1514.
15. *Small G., Vorgan G.* *I-Brain: Surviving the Technological Alteration of the Modern Mind.* – New York: Harper-Collins, 2009. – 256 p.

ONLINE PETITIONS AS ACTUAL PROTEST PRACTICE IN RUSSIA AND GERMANY: GENERAL AND LINGUISTIC SOCIO-CULTURAL SPECIFIC SYSTEM-COMMUNICATIVE CHARACTERISTICS

Conceptualization of the phenomenon of modern protest is important for understanding the current political and social space. The aim of the research is a comprehensive comparative system-communicative study based on a separate communicative practice (online petition) of modern protest in Russia and Germany in the context of changes in the information and communication space, parameters of satisfaction, dialectics of the general and linguo-sociocultural specific.. In their research the authors use such approaches as integrative, system-communicative, and comparative. The results obtained contribute to the further development of the provisions of the communicative theory of

protest, to the comprehension of the communicative nature of social phenomena, the interaction of technological and socio-cultural changes; they can be used to optimize the management of conflict societies.

Key words: protest communication, online petitions, system-communicative characteristics, petition platform, mediatization, German language, Russian language

L. GIULIODORI

(University of Perugia, Italy)

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ART TRANSLATED INTO POETRY: THE SURREALIST EKPHRASIS

This paper aims at introducing an alternative version of the ekphrasis, i.e. the surrealist ekphrasis. The latter differs from the traditional ekphrasis in virtue of its peculiar implementation process which, in addition to the conscious, involves the unconscious too. This study specifically takes into account poetry inspired by paintings, therefore art translated into poetry through a surrealist procedure which, as such, seeks to avoid the contribution of rationality, keeping the conscious aloof. This conscious detachment is facilitated by dint of the Jungian concept of “collective unconscious” which allows the two unconscious to merge, setting up a stronger connection between them. Moreover, on the basis of this strong unconscious connection, the surrealist ekphrasis turns out to be a sophisticated tool of inner knowledge as well.

Key words: art, poetry, surrealist ekphrasis, conscious, collective unconscious

Introduction

An ekphrasis is a vivid artistic «description» of a work of art: music, painting, sculpture, literature. Any form of art can describe any other: a poem or a sculpture can depict a painting or a song and vice versa. Nevertheless, the most common form of ekphrasis consists of a poem inspired by paintings.

The word ekphrasis comes from the Greek ἐκ: ek and φράσις: phrásis, “out” and “speak” respectively, and the verb ἐκφράζειν: ekphrázein, «to proclaim or call an inanimate object by name».

It comes down to a rhetorical device in which one medium of art tries to relate to another medium by defining and describing its quintessence.

Here is an example: in the celebrated and beautiful work *The Idiot* by Dostoevsky, we can read the famous description of the painting *The body of the dead Christ in the tomb* by Hans Holbein [Dostoevsky, 2004]. The author, through Rogozin’s words, a character, claims the painting has the power to take away a man’s faith, only by looking at it as there is no divinity whatsoever in that body which is instead, looks “human, all too human”. Usually this part of the book is officially recognized as an Ekphrasis.

The ekphrasis may enhance the original art and by doing that it may take on a life of its own through its unusual “description”.

The synergy between the two forms of art is essential: the deepest it is, the greatest is the final result in terms of expressiveness. The aim of an ekphrasis is not restricted to convey the core of a work of art. Let us consider a poem or a novel, these very descriptive ways of expression can not only manage to portray the core of a painting, they can also add – or discover – further layers of meaning, layers unknown even to the painter himself and this is undoubtedly an extraordinary achievement the ekphrasis attains. The ekphrasis is at once a way to be inspired and a way to describe: when a poet admires a

painting, the latter inspires him new ideas, images, concepts which, just in the moment of inspiration are translated into words. It is a powerful artistic process where the poet, like in a channeling process, connects to “hyperuranic dimensions” and to this regard, this experience, which is not only poetic, recalls Bachelard’s definition of poetry: “instantaneous metaphysics”.

1. Objects and Methods

1.1. The ekphrastic poetry

The ekphrasis can be mistaken as a description tout court, however, as a matter of fact, it is not and this is a crucial point my paper wants to challenge. Let us consider the ekphrastic poetry, i. e. writing a poem inspired by a work of art, usually a painting. By virtue of what previously stated concerning the combination of inspiration and expression, we certainly could come to the conclusion that the ekphrasis is not only a “description”.

A major poem of the English Romantics, *Ode on a Grecian Urn* by John Keats, could be certainly deemed as a great example of ekphrasis: “Beauty is truth, truth beauty, – that is all /Ye know on earth, and all ye need to know” [Keats, 2018]. These verses actually don’t describe the pottery, rather grasps what the pottery evokes on the writer’s mind; the poet is struck by that object, that’s why the latter takes out words from his sensitivity. Here it is the creative ekphrastic process: images, ideas, feelings translated into a kind of new language able to speak about two different inner worlds, the receiver’s and the received, the artist’s and the art. This creative marriage is carried out by the ekphrastic poetry.

1.2. The ekphrastic surrealist poetry

An interesting example of ekphrasis consists of the surrealist ekphrasis, the latter stands as a poem inspired by a surrealist painting, written through a surrealist method. With a view to fathom out why the surrealist ekphrasis is relevant for the matter in hand, let us delve deeper its main features.

Usually what we call a surrealist painting carves itself out as a work of art which lays bare the unconscious of the related painter; the latter resorts to paint for the purpose of glimpsing the meanders of his unconscious. The canvas then, is set up as a tool of investigation as it often seems to resemble as a picture of the painter's unconscious.

Surrealists' aim, on the other hand, was just set to unveil the unconscious' vultus.

As Nadia Choucha puts it: "The early 1920s are known as "the period of trances" in the surrealist group. At this point art was not really a concern. Efforts were mainly directed towards literary and verbal experiments in releasing the contents of the unconscious without significantly distorting the form of those contents by the conscious" [Choucha, 1992, p. 54].

In any ekphrasis, the inspiration phase and the elaboration phase happen at unison: the painting inspires the poet who writes riding that inspiration, transferring in words what he sees in the painting – as he sees it.

Consequently, there is no separation between inspiration and elaboration as they come to happen right at the same time.

This kind of "cooperation" – which de facto eludes the conscious sphere – is what makes the process surrealist too court.

2. Results

2.1. Conscious and unconscious

Writing in a surrealist way cannot but bring about a surrealist experience, what I'm referring at is that by writing in a semi unconscious way (in terms of a stream of consciousness), the poet may tune in with the image of the painter's unconscious. This is the early surrealists' way. As Choucha states: "The surrealists, in the early stages, were trying to omit the role of the conscious altogether" [Choucha, 1992, p. 54].

The result overcomes literary commitment itself as it could assume the outline of a profound archetypal connection, almost

an ontological coagulation of the two unconscious, a “chemical wedding” whose son is the final poem.

It is a surrealist exercise (and then a surrealist experience) since both in the phase of inspiration and in that of poetic elaboration, the conscious sphere is less active than the unconscious one. Let me clarify this better: it is not about “being unconscious”, being in trance or in an altered state of consciousness, it is about prevent the conscious mind from interfering, avoid the conscious to be involved in the whole process.

2.2. Collective unconscious

In the previous paragraph it has been ascertained that two unconscious are joined together by dint of poetry, the tool that verbally translates the surrealist painting through a process that doesn’t let the conscious side being involved.

Now, considering Jung’s theory of collective unconscious, the whole thing holds a deeper dimension: not only two different unconscious are involved but in fact even three.

A hypothesis this paper aims to form is the following: the two unconscious are connected in virtue of a broader one which stands in the background, the collective unconscious, as postulated by Jung.

Jungs stated: “A more or less superficial layer of the unconscious is undoubtedly personal. I call it the personal unconscious. But this *personal unconscious* rests upon a deeper layer, which does not derive from personal experience and is not a personal acquisition but is inborn. This deeper layer I call the *collective unconscious*. I have chosen the term “collective” because this part of the unconscious is not individual but universal” [Jung, 1981, p. 3].

I argue that the collective unconscious, as a shared unconscious that link any unconscious, acts as “invisible enabler” that strengthen the relationship between the two unconscious at work during the surrealist ekphrasis. In other words, the

collective unconscious facilitates the surrealist process, standing as its foundation.

Jung, as we know, formulated this concept by finding recurring archetypes during the analysis of countless patients, visions and concepts of perennial nature, which recurred precisely in the history of humanity itself.

Franco Manzoni states: “Art and psychoanalysis cross where the distinction between real and fantastic does not yet exist, rather pure energy of the unconscious. The poet draws from this source, from his own unconscious and from the collective one, to create and make the primal word resonate within himself, so that, emotionally, this process can later be repeated in the reader or listener. Consequently, poetry can become unconscious, capable of saying only the unspeakable” [Manzoni, 2011. My translation].

In the work *Psychology and Poetry*, Jung writes: “I have considered here, as I have already said, the case of a symbolic work of art, and moreover, of a work of art whose origins are not to be sought in the “author’s personal subconscious”, but in that sphere of unconscious mythology, whose primordial images are the common property of humanity. For this reason, I have defined this sphere with the term of collective unconscious” [Jung, 2007, p.44. My translation].

It is precisely by virtue of this “common property of humanity” that the symbolism of some works can sometimes be grasped with particular depth.

In *The Psychology of the Unconscious* Jung is even more peremptory and clearly explains how a single personal unconscious, precisely by virtue of artistic inspiration, is able to connect to the collective one, and how this connection is similar to landing on a “new dimension”, the Swiss psychiatrist even speaks of death and rebirth in relation to the passage (immersion) from the personal to the collective: “The unconscious, buried in the structure of the brain, which reveals its living presence only through the mediation of the creative fantasy, is the superpersonal

unconscious. It comes to life in the man endowed with creative faculties, it reveals itself in the artist's vision, in the inspiration of the thinker, in the intimate experience of the mystic. The personal unconscious, immanent in the entire brain structure, is like an all-pervading, all-powerful, all-knowing spirit. It knows man as he has always been, not as he is in this instant; it knows him as a myth. Also for this reason, the link with the suprapersonal or collective unconscious represents an extension of man beyond himself; it means death for his individual being, but rebirth in a new dimension, which was literally represented in some ancient mysteries" [Jung, 2006, p. 142. My translation].

2.3. Inner knowledge

Taking everything into account, especially concerning the collective unconscious hypothesis, the surrealist ekphrasis may also qualify as a tool of inner investigation.

Trying to grasp the meaning and the symbols of a surrealist painting (which usually displays the painter's unconscious) we may enter in resonance with our single unconscious, in turn. The consequence is ending up discovering sides of ourselves which are totally unknown to us.

In this regard, the surrealist ekphrasis, is characterized by a substantial innovation compare to the traditional ekphrasis. If Surrealism deals with the unconscious, the surrealist ekphrasis is then inevitably related to it as well. This element addresses poetry towards a psychologically-oriented challenge.

This specific experience of poetry does qualify as a tool of inner investigation as in fact new sides of ourselves could be unveiled practicing this kind of writing.

Conclusion

The studies on the unconscious are still under development, it's a huge mysterious field and objective results are still yet to come.

Poetry, paintings and art in general take part, in their own way, into this fascinating research, the surrealist ekphrasis in particular falls within the attempts of “make contact” with the unconscious.

In conclusion, the surrealist ekphrasis indirectly proposes itself as a humble contribution to the study of an immense theme that concerns us all and that could reveal still totally obscure aspects about our very nature as human beings.

References

1. *Choucha N.* Surrealism and the occult. – Rochester: Destiny Books, 1992. – 139 p.
2. *Dostoevsky F. M.* The Idiot. – London: Penguin, 2004. – 784 p.
3. *Jung C. G.* The Archetypes and the Collective Unconscious. – Princeton: Princeton University Press, 1981. – 462 p.
4. *Jung C. G.* La psicologia dell'inconscio. – Roma: Newton, 2008. – 87 p.
5. *Jung C. G.* Psicologia e poesia. – Torino: Bollati Boringhieri, 2007.
6. *Keats J.* The odes – Berlin: E-artnow, 2018.
7. *Manzoni F.* Poesia. – URL: https://www.corriere.it/cultura/eventi/2011/secolo-poesia/notizie/manzoni-poesia-essere_af61a68e-2ccd-11e1-a06d-72efe21acfe6.shtml

1.1. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В.А. ИЛЬИНА

(Российский новый университет)

ПОДХОДЫ К ОПИСАНИЮ СОДЕРЖАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ И АНТИЦЕННОСТЕЙ

Хронопсихолингвистический подход является основой для анализа динамики развития содержания ценностей в определенную эпоху или определенный отрезок исторического времени, образующих ценностный каркас

языкового сознания на 3 уровнях: на официальном и промежуточном уровнях общественного сознания, на уровне обыденного сознания профанных носителей русской культуры.

Ключевые слова: общечеловеческие ценности, антиценности, семантические компоненты, хронопсихоллингвистика, время, хронопсихология

Содержание ценностей и антиценностей не стабильно, время (историческая эпоха) вносит свои коррективы. Возникает вопрос о перспективности описания ценностей и антиценностей при помощи времени как инструмента анализа их содержания. Таким возможным подходом к описанию эволюции содержания ценностей может стать хронопсихоллингвистический подход, в основу которого положено представление о времени в феноменологии Э. Гуссерля, экзистенциализме М. Хайдеггера, интуитивизме А. Бергсона, а также в философии жизни В. Дильтея, в психологии [Элькин, 1962; Цуканов, 2000; Ершов, 2000], хронопсихологии (термин А.В. Петровского) в целом, а также о психологическом и речевом времени в частности. В лингвистике существуют различные направления исследования времени, в том числе историческое направление изучения темпоральности (атомарные исследования темпоральности (лексика, отдельные классы слов, синтаксические структуры) в отдельном историческом срезе языка или нескольких языков). Отдельного внимания заслуживает структурное направление, психосистематическое направление, в основе которого лежит идея Гийома об оперативном времени. В лингвистике значение времени и длительности существуют отчасти параллельно. Время существует как грамматическая категория, при этом длительность имеет непосредственное отношение к аспектуальности, временной локализованности, таксису и темпоральности. А. В. Бондарко полагает, что

категория длительности тесно связана с аспектуальностью. В качестве основы этой связи автор выделяет отношение действия ко времени [Бондарко, 2001, с. 100].

Чтобы определить содержание понятия времени в психолингвистике на первом этапе, нам потребуется рассмотреть целый ряд определений, интерпретирующих время как психологическую и лингвистическую категорию, как вербализованный в речи образ языкового сознания, как длительность. Нам представляется наиболее перспективным восприятие и трактовка времени как длительности. Длительность восприятия или переживания личностью определенного жизненного события детерминируется субъективным временем, которое пронизывает семантический каркас его речи [Ильина, 2019, с. 114-119].

С опорой на отмеченное выше мы обратимся к хронопсихолингвистическим аспектам проблемы исследования времени. В этой связи отметим необходимость анализа содержания длительности и речевого времени на основе описания значения темпоральной лексики, слов-номинантов переживаний. Мы предлагаем описывать время как компонент в семантической структуре слова как лексическую составляющую, морфологическое и синтаксическое значение времени как грамматическую составляющую и ситуативно-темпоральное значение как контекстуальную в качестве образующих речевого времени [Ильина, 2019, с. 114-119].

Этническое содержание ценностей возможно рассматривать на трех уровнях языкового сознания: 1) на уровне общественного сознания, 2) на уровне обыденного сознания профанных носителей культуры, 3) на промежуточном уровне общественного сознания, который становится нам доступным при анализе содержания статей в толковых словарях русского языка.

Промежуточный уровень общественного сознания отражает обыденный уровень общественного сознания и

может быть описан при помощи анализа семантических компонентов значения ценности, которые выявляются на основе разбора словарных статей, представленных в лексикографических источниках. Чтобы проиллюстрировать эту мысль, рассмотрим семантические компоненты значения антиценности *война* и выделим ряд сем: «вооруженная борьба между государствами», «борьба за достижение целей», «проявление неприязненного отношения к чему-либо», «ссоры», «боевые действия», «захват», «данность», «враждебные взаимоотношения», «жестокость», «ужас», «перемены», «нарушение прав», «способ наживы».

Проанализируем семантические компоненты содержания антиценности *война* на основе анализа текстов 19 века, представленных в Национальном корпусе русского языка, а именно: «противостояние», «длительность», «вооруженная борьба между государствами», «борьба за достижение своих целей», «проявление неприязненного отношения к чему-л.», «боевые действия», «ссоры (межличностный конфликт)».

Обратим наше внимание также и на выявленные семантические компоненты содержания антиценности *война* на основе анализа текстов 18 века, представленных в Национальном корпусе русского языка, а именно: «служба», «данность», «вооруженная борьба между государствами», «борьба за достижение целей», «проявление неприязненного отношения к чему-либо», «боевые действия». Таким образом, все выявленные семантические компоненты распределим по двум группам. В первую войдут совпадающие семы, которые были выявлены на основе анализа текстов 18, 19 и 20 веков («вооруженная борьба между государствами», «борьба за достижение целей», «проявление неприязненного отношения к чему-либо», «боевые действия»). Вторую группу образуют семы, зоны пересечения смыслов которых совпадают при анализе текстов 20 века и 18 века («данность»), а также 20 века и 19

века («ссоры»). Третью группу образуют семы, которые оказались специфичными для мировосприятия представителями русской культуры 18 века («служба»), 19 века («противостояние», «длительность»), 20 века («враждебные взаимоотношения», «жестокость», «ужас», «перемены», «нарушение прав», «способ наживы», «захват»).

Таким образом, именно хронопсихолингвистический подход позволяет нам анализировать динамику развития содержания ценностей, образующих ценностный каркас языкового сознания, в определенный отрезок исторического времени и описывать влияние времени на восприятие, интерпретацию образов языкового сознания носителями разных культур. Так, например, на основе анализа содержания текстов, датируемых 20 веком, переживание войны вызывает явно фрустрационные эмоции у носителей русской культуры, но при этом война в текстах 19 века воспринимается как длительное противостояние, а в текстах 18 века как неизбежное явление реальности. Подобные наблюдения были получены в ходе пилотажного эксперимента и будут перепроверяться, но даже в качестве гипотезы они свидетельствуют об их значимости для исследования психологического времени в языковом сознании.

Литература

1. *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / Отв. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. – М: Эдиториал УРСС, 2001. – 208 с.
2. *Ершов А.А.* Время / СПбГУАП. СПб., 2000. –134 с.
3. *Ильина В.А., Драгайцев Д.В.* Что такое хронопсихолингвистика? // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. М.: НОПриЛ. – 2019. – №3 (27) – С.114-119.
4. *Цуканов Б.И.* Время в психике человека. – Одесса: «АстроПринт», 2000. – 221 с.

5. Элькин Д.Г. Восприятие времени. – М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1962. – 310 с.

APPROACHES TO THE VALUES AND ANTI-VALUES MEANING DESCRIPTION

Chronopsycholinguistics approach to the values and anti-values study allows us to describe the values components meaning in a certain historical period and its influence on the language consciousness images perception and interpretation in different cultures. The consciousness is studied at 3 levels (the public consciousness official level, the intermediate level of social consciousness, the common consciousness level).

Key words: universal values, anti-values, semantic components, content, chronopsycholinguistics, language consciousness, time, chronopsychology.

**А.А. ЧУРУНИНА, М.И. СОЛНЫШКИНА,
Э.В. ГАФИЯТОВА, А.А. ЗАЙКИН**

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

СЛОЖНОСТЬ ТЕКСТА КАК ФУНКЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

Представленное исследование осуществлено в рамках проекта по исследованию параметров академических текстов различного уровня и их влияния на сложность данных текстов. Предметом исследования явилась сопоставительная сложность текстов учебников по обществознанию для общеобразовательной школы. Тексты из семи учебников были оценены на основе десяти количественных и четырех лексических параметров, на основании чего было установлено, что лексическое разнообразие, частотность и

абстрактность лексики, а также количество терминов являются параметрами сложности текста с высокой степенью прогнозирования.

Ключевые слова: абстрактность, сложность текста, лексическое разнообразие, частотность.

Оценка лингвистической сложности русскоязычных текстов как научная проблема имеет более чем пятидесятилетнюю историю [Колмогоров, 1965; Оборнева, 2006] и продолжает сохранять теоретическую значимость вследствие недостаточной разработанности алгоритма определения «целевого читательского адреса» и отсутствия валидированного списка параметров, определяющих сложность текста. Научная парадигма данной области знаний выделяет три основных лексических параметра, влияющих на сложность академического текста: коэффициент лексического разнообразия, частотность и абстрактность [McNamara, 2014].

Активные дискуссии относительно расширения списка параметров, определяющих сложность текста, ведутся более ста лет [Solnyshkina, 2020].

Читабельность определяет уровень удобочитаемости текста и рассчитывается исключительно на основе количественных параметров: 1) среднего количества слов в предложении; 2) среднего количества слогов в слове. Адаптированная для русскоязычных текстов формула была апробирована в многочисленных исследованиях, подтверждающих ее надежность [Solnyshkina, 2018]: $ФК(SIS) = 208,7 - 2,6 \times СДП - 39 \times СДС$, (1) где СДП – это средняя длина предложения в словах, а СДС – это средняя длина слова в слогах. Однако количественные характеристики текста не позволяют объективно сравнивать тексты, т.к. они не отражают всех характеристик, которые также влияют на читабельность текста.

При сравнении текстов по сложности Д. Байбер [Biber, 2006] указывает, что повышение сложности сопровождается ростом числа существительных, снижением количества глаголов, большей степенью номинализации глаголов и прилагательных, а также ростом количества абстрактных существительных и длинных слов.

Индекс лексического разнообразия (TTR) широко используется при анализе сложности текстов с 1957 года, когда его впервые ввел М. Темплин [Templin, 1957]:
$$TTR = \frac{\text{word types}}{\text{word tokens}}, \quad (3)$$
 где ‘word types’ – это уникальные, т.е. не повторяющиеся, слова текста, а ‘word tokens’ – это общее количество слов в тексте. Исследования, проведенные в начале 2000-х, доказали, что распределение уникальных лексических единиц в тексте не является линейным для корпусов различных размеров, т.к. слова имеют тенденцию повторяться: чем больше корпус, тем больше повторяющихся слов в нем содержится. Таким образом, лишь относительно небольшое количество уникальных слов будет увеличиваться наряду с увеличением объема корпуса, что обуславливает ряд дополнительных проблем при сравнении корпусов разных размеров. Ввиду вышеуказанных сложностей было предложено рассчитывать TTR для текстовых отрывков, объем которых не превышает 1000 слов [Biber, 2006].

Другой параметр, напрямую влияющий на сложность текста – это частотность лексики: чем больше в тексте использовано частотных слов, тем более легким он является для восприятия читателем.

Индексы частотности для русского языка, зафиксированные в Словаре частотности [Sharov, 2009], успешно используются для оценивания сложности текста [Zinsmeister, 2015; Solnyshkina, 2019].

В случае недоступности списков частотной лексики или недостаточного описания частности в рамках корпуса, исследователи останавливают свой выбор на более простых

для измерения параметрах текста, позволяющих определить его сложность, например, количестве терминов. Р.В. Майер вводит новое понятие сложности текста – дидактическую сложность, – которая основывается как на количестве терминов в тексте, так и на количество математических символов и информационную плотность текста [Mayer, 2016].

Еще одним параметром, определяющим сложность текста, является степень абстрактности [Solovyev, 2019; Xu, 2020; Borghi, 2016].

Исследование осуществлено с целью выявления зависимости сложности учебного текста от кластера лексических параметров, включающих лексическое разнообразие, количество терминов, частотность лексики и абстрактность.

Материал исследования составили 70 учебных текстов, извлеченных из учебников серии «Обществознание, 5 – 11 классы» [Боголюбов 2012 – 2014] общим объемом более 160 тыс. словоупотреблений. Расчеты лексических параметров и сложности текстов осуществлены при помощи онлайн сервиса RusAC [Solnyshkina, 2019], для выявления взаимосвязи параметров использовался коэффициент Спирмена.

На первом этапе исследования на основе Русского академического корпуса [Solovyev, 2019] нами был составлен Русский корпус текстов по обществознанию (РКТО). Данный этап также включал подсчеты, нацеленные на выявление объема РКТО; объема каждого учебника в составе РКТО и длины десяти отрывков из каждого учебника. Каждому отрывку из учебников был присвоен свой код, указывающий на класс, название предмета и номер отрывка в выборке. Например, ‘5SS1’, где отрывок 1 из учебника 5 класса по обществознанию (‘SS’ - ‘Social Science’).

**Таблица 1. Объем и структура Русского корпуса текстов
по обществознанию**

Класс	Учебник	Выборка
5	10083	1008
6	10135	1013
7	11226	1122
8	24027	2402
9	21184	2118
10	38440	3844
11	52803	5280
РКТО	167898	2398

Проблема репрезентативности корпуса связана не только с его объемом, но и их жанровым однообразием [Biber, 2006]. Русский корпус текстов по обществознанию, используемый в данном исследовании, определяется как репрезентативный, поскольку он представляет одну форму языка, а именно – учебных текст по обществознанию. Длина отобранных текстовых отрывков определяется на основе формуле Д. Байбера [Biber, 2006]: $T(s) = T(t) : 20$, (4) где $T(s)$ – это количество слов в отрывке, а $T(t)$ – количество слов в учебнике. Размер отрывков варьируется от 1008 словоупотреблений для 5 класса до 5280 словоупотреблений для 11 класса соответственно.

На втором этапе все 10 отрывков из каждого учебника были проанализированы посредством автоматического сервиса обработки текстов RusAc [RusAC, 2008]. Список рассчитываемых параметров включает следующие: 1) общее количество слов в тексте; 2) общее количество слогов; 3) общее количество предложений; 4) среднее количество слов в предложении; 5) среднее количество слогов в слове; 6) количество прилагательных; 7) количество наречий; 8) количество местоимений; 9) количество существительных; 10) количество глаголов; 11) частотность; 12) ФК; 13) индекс абстрактности; 14) индекс лексического разнообразия; 15) количество терминов.

Таблица 2. Параметры сложности текста

Параметр / класс	5	6	7	8	9	10	11
Кол-во слов	1008,30	1013,50	1122,60	2402,70	2118,40	3844,00	5280,30
Кол-во слогов	2510,10	2505,10	3006,70	6561,60	5956,30	11101,70	15705,50
Кол-во предложений	85,10	92,00	107,90	209,30	188,80	297,50	384,10
Слов/Предложений	11,90	11,08	10,52	11,66	11,32	12,98	13,77
Слог/слов	2,49	2,47	2,68	2,73	2,81	2,89	2,98
Прилагательные	129,30	122,80	152,40	360,80	329,60	648,60	954,40
Наречия	47,90	46,40	43,50	107,00	73,30	138,40	185,20
Местонахождения	98,20	99,20	116,20	243,40	219,80	394,00	560,50
Сущ-ные	345,20	330,70	422,20	906,60	846,60	1517,20	2162,50
Глаголы	168,90	178,20	184,70	329,90	278,80	468,50	602,40
Частотность	134,31	143,79	128,27	117,97	116,18	113,10	104,65
ФК	6,66	6,26	7,24	7,97	8,30	9,34	10,12
Абстрактность	-1,69	-1,89	-1,89	-2,00	-1,50	-2,17	-2,05
TTR	0,63	0,63	0,63	0,54	0,52	0,51	0,47
Термины	18,90	18,00	38,10	60,00	124,20	91,50	167,00

Результаты проведенного исследования представлены на рисунках 1-4.

На рис. 1 продемонстрирован стабильный рост показателей индекса ФК с 6,26 (6 класс) до 10,22 (11 класс). Однако график иллюстрирует также, что в большинстве случаев показатели читабельности ниже уровня подготовки заявленной целевой аудитории.

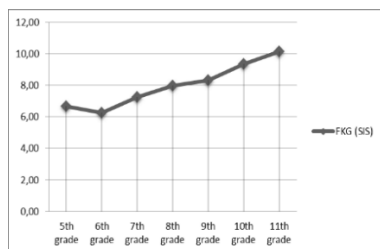

Рис. 1. Индекс Флеша-Кинкейда (SIS)

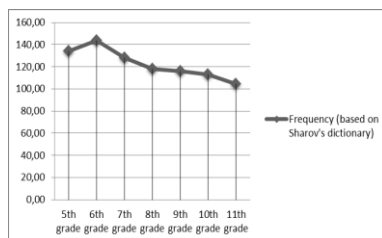

Рис. 2. Показатели частотности

Показатели частотности исследуемых текстов понижаются с повышением их уровня сложности (см. Рис. 2). Данный показатель варьируется от 143,79 для 6 класса до 104, 65 для 11 класса.

Индекс лексического разнообразия для нормализованных текстовых отрывков (1000 слов) находится в пределах от 0,61 до 0,64 (см. Рис. 3). Это указывает на то, что 61% - 64% всех используемых в тексте слов являются уникальными, что рассматривается как средние значения для подобного вида текстов [Solnyshkina, 2018].

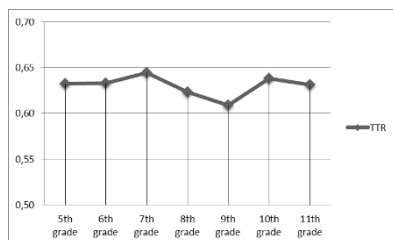

Рис. 3. TTR для нормализованных текстов

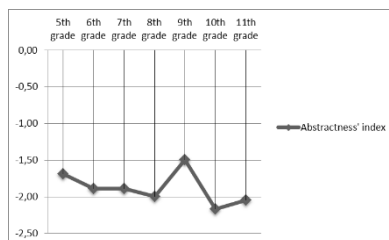

Рис. 4. Показатели индекса абстрактности

Индексы абстрактности также указывают на общее повышение сложности текстов (см. Рис. 4). Значительные флуктуации метрики объясняются тем, что абстрактность повествования не всегда достигается исключительно за счет роста доли абстрактных лексических единиц в тексте. Ее рост связан также с дистрибуцией частей речи. Согласно полученным данным, доля прилагательных в тексте варьируется между 0,128 (5 класс) и 0,180 (11 класс). При этом средняя доля наречий в тексте уменьшается и находится в пределах от 0,047 (5 класс) до 0,035 (11 класс). Похожим образом изменяется доля существительных и местоимений: она постепенно увеличивается, находясь в пределах от 0,342 (5 класс) до 0,409 (11 класс) для существительных и от 0,097 (5 класс) до 0,106 (11 класс) для местоимений соответственно. Доля глаголов уменьшается, изменяясь с 0,167 до 0,114 от 5 класса к 11, соответственно. Таким образом, абстрактность увеличивается от класса к классу не только из-за увеличения количества абстрактной лексики, но и из-за изменений в морфологической дистрибуции.

Среднее количество терминов также увеличивается с увеличением класса. При этом флуктуации графика 10 класса могут фиксировать этап повторения, заложенный авторами учебника (см. Рис. 5). Это также может быть связано с особенностями тематики данных учебников. Учебник для 9 класса фокусируется на политике, а для 11 класса – на экономике и социальной стратификации, учебник для 10 класса фокусируется об общих нормах, принятых в обществе, и деятельности человека, которые можно объяснить без использования специфичной лексики. Общее количество терминов варьируется между 243 (6 класс) и 2844 (10 класс). Среднее количество терминов увеличивается от 18 (6 класс) до 167 (11 класс).

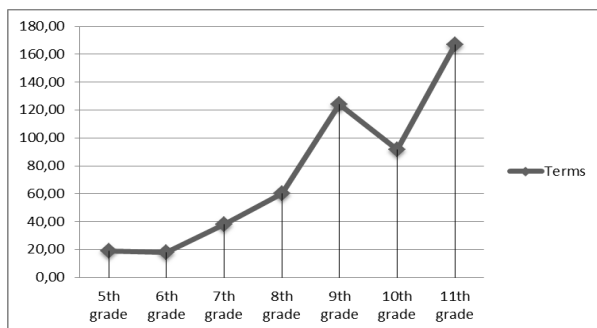

Рис. 5. Среднее количество терминов

Мы также провели анализ корреляций по Спирману, чтобы выявить статистическую зависимость указанных параметров.

Таблица 3. Показатели дисперсионного анализа (Spearman)

Параметр	Р-показатель	Параметр	Р-показатель
Кол-во слов	0,96	Сущ-ные	0,93
Кол-во слогов	0,93	Глаголы	-0,96
Кол-во предложений	0,96	Частотность	-0,96
Слова/предложения	0,57	ФК (SIS)	0,96
Слоги/слова	0,96	Абстрактность	-0,61
Прил.	0,96	TTR	-0,86
Нареч.	-0,86	TTR (1000 слов)	-0,25
Местоимен.	0,82		0,93

Сопоставление данных анализа подтвердили корреляции для следующих параметров: количество слов, количество слогов, количество предложений, среднее количество слогов в слове, доля прилагательных, доля наречий, доля местоимений, доля существительных, доля глаголов, частотность лексики, ФК и TTR. Статистически значимые параметры имеют р-показатель $<0,05$ (см. Табл. 3).

Комплексный анализ 14 основных параметров семи учебников по обществознанию, осуществленный при помощи онлайн-сервиса RusAC, разработанного для

обработки и оценивания текстов на русском языке, выявил статистическую зависимость сложности текста от частотности лексики, уровня лексического разнообразия, абстрактности и количества терминов. Результаты данного исследования могут быть использованы для определения соответствия учебных текстов и текстов контрольно-измерительных материалов целевой аудитории. Расширение списка параметров текста, определяющих его сложность, рассматривается как перспектива настоящего исследования.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-07-00807. Составление корпуса было реализовано при финансовой поддержке РНФ, грант № 18-18-00436.

Литература

1. Боголюбов Л.Н., Иванова Л.Ф., Виноградова Н.Ф., Городецкая Н.И. и др. Обществознание. 5-11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений. – М.: Просвещение, 2012-2014.
2. Колмогоров А.Н. Три подхода к определению понятия количества информации // Проблемы передачи информации. – 1965. – Т. 1. – № 1. – С. 3-11.
3. Оборнева И. В. Автоматизированная оценка сложности учебных текстов на основе статистических параметров : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – Москва, 2006. – 165 с.
4. Biber D. University Language: A corpus-based study of spoken and written registers. – John Ben. Publishing Co. Amsterdam, 2006. – 271 p.
5. Borghi A. M. and Zarcone E. Grounding Abstractness: Abstract Concepts and the Activation of the Mouth. *Front. Psychol.* 7:1498. doi: 10.3389/fpsyg.2016.01498
6. Ivanov V.V, Solnyshkina M.I, Solovyev V.D. Efficiency of text readability features in Russian academic texts // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2018”*. – 2018. – Iss.17. – Pp. 267-283.
7. Mayer R.V., Assessing the complexity of academic text in natural sciences // *Modern Education*. – 2016. – № 4. – Pp. 56-64.

8. *McNamara D.S., Graesser A.C., McCarthy P.M. & Cai Z.* Automated evaluation of text and discourse with Coh-Metrix. – Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2014. – 289 p.
9. RusAC. – URL: <http://tykau.pythonanywhere.com> (Дата обращения: 21.10.2020).
10. *Sharov S.A., Lyshevskaya O.N.* An introduction to frequency dictionary for Russian frequency language. M.: Azbukovik, 2009. – 21 p.
11. *Solnyshkina M., Solovyev V., Ivanov V. & Danilov A.,* Studying Text Complexity in Russian Academic Corpus with Multi-Level Annotationin // CEUR Workshop Proceedings. – Vol. 2303, International Workshop on Computational Models in Language and Speech, CMLS. – Kazan, 2019. – Pp. 1-11.
12. *Solnyshkina M.I., Harkova E.V., Kazachkova M.B.* The Structure of Cross-Linguistic Differences: Meaning and Context of ‘Readability’ and its Russian Equivalent ‘Chitabelnost’// Journal of Language & Education. – 2020. – № 6 (1). – Pp. 103-119.
13. *Solovyev V., Andreeva M., Solnyshkina M., Zamaletdinov R., Danilov A. and Gaynutdinova D.* Computing Concreteness Ratings of Russian and English Most Frequent Words: Contrastive Approach, 12th International Conference on Developments // eSystems Engineering (DeSE). – Kazan, 2019. – Pp. 403-408.
14. *Templin M.* Certain language skills in children. –Minneapolis: University of Minnesota Press, 1957. – 208 p.
15. *Xu X., Li J.* Concreteness/abstractness ratings for two-character Chinese words // MELD-SCH. PLOS ONE. doi:10.1371/journal.pone.0232133 June 22, 202013/ 16
16. *Zinsmeister H., Birzer S., Batinić D.* LeStCor: Levelled Study Corpus of Russian. – URL: http://lestcor.org/about_the_project (Дата обращения 21.10.2020).

LEXICAL FEATURES OF TEXT COMPLEXITY: THE CASE OF RUSSIAN ACADEMIC TEXTS

The work presented in this paper is a part of an ongoing project that investigates academic text features indicative of its complexity at different grade levels. In this study we examine comparative complexity of Social science texts used in Russian

secondary and high schools. Based on the metrics of ten descriptive and four lexical features assessed for seven classroom textbooks we claim lexical diversity, frequency, abstractness and the number of terminological units to be statistically significant predictors of text complexity.

Key words: abstractness, text complexity, lexical diversity, frequency.

Л.А. ТЮКИНА

*(Ярославский государственный технический
университет)*

В.Н. БАБАЯН

*(Ярославское высшее военное училище противовоздушной
обороны)*

М. ЛАЗОВИЧ

(Университет Хильдесхайма, Германия)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКО-, АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОГО БЫТОВОГО АНЕКДОТА)

Исследование затрагивает общие, типичные характеристики для анализа текста анекдота в трех лингвокультурах – немецкой, английской и русской. Исследование построено на большом корпусе текстов бытового анекдота, представляющего собой юмористический диалогический дискурс.

Ключевые слова: анекдот, Witz, joke, юмористический диалогический дискурс, анализ

Анекдот глубоко укоренился в социальной и культурной памяти человечества и охватывает бесчисленные сферы жизни, общественные и частные, религиозные и политические, человеческие слабости и различия и многое другое. Анекдот относится к жанру юмористического дискурса, а материал данного исследования основывается на анекдоте как диалогическом юмористическом дискурсе. Целью статьи является лингвистическое описание немецко-, англо- и русскоязычного анекдота как юмористического диалогического дискурса.

Таким образом, основные исследовательские вопросы данной работы состоят в следующем: определение анекдота как отдельного специфичного типа дискурса, выявление универсальных и специфических характеристик анекдотов различных (немецкой, английской и русской) лингвокультур, описание анекдота как типа дискурса. Для решения приведенных выше вопросов авторы разделяют работу на теоретическую и практическую части. В последней представлен и проанализирован корпус из более чем 450 анекдотов немецкой, английской и русской лингвокультур, представленных в диалогической форме.

Понятие **«диалогический дискурс»** в настоящей работе авторы рассматривают как связный текст, при этом «составляющие его реплики-высказывания продуцируются с учетом экстралингвистического фактора присутствия адресанта и адресата с их различными коммуникативными ролями» [Бабаян, Тюкина, 2020, с. 20-21]. Авторы в исследованиях анекдота придерживаются термина «бытовой анекдот», предложенного Н. Д. Миловской [Миловская, 2011].

Несмотря на то, что авторы остановились на выборе анекдотов в форме диалога, при изучении и сравнении примеров одного и того же типа текста анекдота возникают определенные трудности. Для того чтобы можно было сделать вывод о том, что анекдоты структурно связаны, что

также объясняет их идентичную функцию, в первую очередь необходимо определить их структурное сходство. Б. Марфурт рассматривает структурное сходство как проблему предварительного понимания, которое характеризует доступ к объекту исследования и, как и выбор примеров, влияет на интерпретацию результатов [Marfurt, Brekle, 1977, S. 37-38]. С позиции текста анекдот – это единство двух (иногда трех) базовых структурно-композиционных компонентов (тематических рядов): вступления (интродукции), основной части и заключения (остроты, Pointe).

Таким образом, корпус анекдотов настоящей работы также подвергается непреднамеренному субъективному анализу. Из бесчисленного множества анекдотов методом сплошной выборки отобраны 450 анекдотов в форме диалогов на русском, английском и немецком языках для описания их организационной структуры и выявления их функции. Для того чтобы можно было сравнить результаты исследования, анализу подвергаются тексты анекдотов одинаковой структуры. В более ранних работах авторами уже анализировались анекдоты с точки зрения интродукции. В результате проведенного исследования выявлено, что анекдоты всех трех исследуемых лингвокультур довольно часто имеют сравнительно большое введение и предысторию (это характерно для более 50% немецко- и англоязычных анекдотов и для 20% русскоязычных анекдотов), почти треть всех анекдотов сопровождается короткой интродукцией (здесь анекдоты на русском, английском и немецком языках находятся в диапазоне от 30 до 45%, то есть довольно близко друг к другу). Без интродукции вообще встречается большое количество русскоязычных анекдотов (более 30%), при этом немецкоязычных анекдотов без интродукции насчитывается всего 6%, а англоязычных – 10%. Стоит отметить, что среди англоязычных анекдотов не встретилось ни одного без глагола-сказуемого в интродуктивной реплике.

Далее анализ текстов анекдотов включил в себя отбор одинаковых по содержанию анекдотов на всех трех языках, однако, таких анекдотов оказалось немного, но авторы попытались провести их небольшой лингвистический анализ. В рамках данной статьи приведен анализ трех анекдотов на русском, немецком и английском языках, имеющих одинаковое содержание.

(1) (*нем.*) Ein Mann geht in eine Bar und setzt sich an die Theke.

Fragt der Kellner: "Warum denn so traurig?"

Sagt der Mann: "Meine Frau hat gesagt, sie will einen Monat lang nicht mit mir reden!"

Sagt der Kellner: "Das ist doch nicht so schlimm. Diese Zeit geht auch vorbei."

Antwortet der Mann: "Ja, heute!" [8]

(2) (*англ.*) A man walked into a bar, looking sad, and the bartender asked him,

"What's the matter?"

"My wife and I had a fight, and she told me that she wasn't going to speak to me for a month. And the month is up today" [4].

(3) (*рус.*) В баре грустный мужик заказывает рюмку за рюмкой. В конце концов бармен не выдерживает и спрашивает:

— Что случилось-то?

— Да, блин. С женой поругался. Она обещала месяц со мной не разговаривать.

— Да уж... Представляю, как тебе хреново.

— И не говори! Сегодня последний день... [4].

Проведя анализ структуры текста, получаем следующую разбивку анекдота на составные части:

Интродукция, представленная следующим повествованием: (*нем.*) Ein Mann geht in eine Bar und setzt sich an die Theke. Fragt der Kellner / (*англ.*) A man walked into a bar, looking sad, and the bartender asked him, / (*рус.*) В баре

грустный мужик заказывает рюмку за рюмкой. В конце концов бармен не выдерживает и спрашивает...

Основная часть (драматизация текста): (*нем.*) Sagt der Mann: "Meine Frau hat gesagt, sie will einen Monat lang nicht mit mir reden!". Sagt der Kellner: "Das ist doch nicht so schlimm. Diese Zeit geht auch vorbei." / (*англ.*) "My wife and I had a fight, and she told me that she wasn't going to speak to me for a month. / (*рус.*) — Что случилось-то? — Да, блин. С женой поругался. Она обещала месяц со мной не разговаривать. — Да уж... Представляю, как тебе хреново.

Пуанта (заключение): (*нем.*) Antwortet der Mann: "Ja, heute!" / (*англ.*) And the month is up today. / (*рус.*) — И не говори! Сегодня последний день...

Считаем целесообразным рассмотреть проблему реализации анекдота с лингвистической точки зрения. Объясняющее предложение (или декларативная фраза) представляет собой довольно длинное введение, затем следует сам диалог, состоящий из вопросов и ответов и завершает анекдот пуанта, содержащая прямую речь одного из участников диалога. С точки зрения повествовательной стратегии используются два грамматических времени – настоящее и прошедшее, при этом в русском и немецком вариантах интродукция приводится в настоящем времени, а в английском тексте – в прошедшем. Если рассмотреть ситуацию анекдота, то это довольно распространенный тип анекдотов из серии «В баре» или «Муж и жена», локация анекдота – пивной бар, событие – горе мужа, что сегодня жена молчит с момента ссоры последний день. В диалоге участвуют бармен и посетитель бара, являющиеся продуцентами анализируемого двустороннего речевого обмена. Можно предположить, что время посещения вечернее. Текст анекдота приукрашен дополнительной информацией, приведенной во введении: мужик, зашедший в бар, грустен. Откуда появляется несоответствие ситуации и анекдотичность истории? Вся нелепость происходящего

заключена в последней фразе посетителя бара, потому что до последней фразы слушатель не понимает, что переживает он не о том, что поссорился с женой, а о том, что сегодня последний день, когда она с ним не разговаривает и завтра опять начнется обычная рутинная жизнь и ему придется общаться с женой. При анализе несоответствия пуанты основной части приходим к выводу о том, что это динамически представленный тип диалога, при этом, как видим, свою реплику-высказывание муж не договаривает, вследствие чего разрешение вопроса получается неполным и в анализируемом диалоге возникает юмористический эффект.

Таким образом, можем сделать вывод о том, что в рамках исследования юмористического диалогического дискурса предоставляются возможные подходы к описанию структуры и состава анекдота, а также выявлению путей создания юмористического эффекта. Исследование и лингвистическое описание схожих по содержанию немецко-, англо- и русскоязычных анекдотов позволяет выявить содержательно-лингвистические особенности анекдота как особого типа текста с учетом экстралингвистических факторов, отличающих его от других типов дискурса. Анализ корпусов анекдотов осуществлялся с помощью различных подходов и методов исследования.

Литература

1. *Бабаян В. Н., Тюкина Л. А.* К вопросу о единице диалогического дискурса // Лингводидактика в неязыковом вузе: традиционные и инновационные подходы: сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции, г. Ярославль, 14-16 мая 2020 г., [Электронный ресурс]. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2020. – С. 20-21.

2. *Миловская Н. Д.* Немецкий языковой бытовой анекдот как специфический тип юмористического дискурса : дис. ... д. филол. наук: 10.02.04. – Иваново, 2011. – 366 с.

3. Тюкина Л. А., Бабаян В. Н. Структурно-композиционный анализ бытового анекдота на немецком, английском и русском языках как объекта юмористического диалогического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2020. – Том 13. – Выпуск 9. – С. 286-292.

4. Angelo.edu. – URL: https://www.angelo.edu/faculty/kboudrea/cheap/cheap3_bars.htm (Дата обращения 14.09.2020).

5. Marfurt B. Textsorte Witz. Möglichkeiten einer sprachwissenschaftlichen Textsorten-Bestimmung // Linguistische Arbeiten. – 1977. – Vol. 52. – S. 37-38.

6. Vse-shutochki.ru. URL: <https://vse-shutochki.ru/anekdot/506> (Дата обращения: 14.09.2020).

7. Witze.net. URL: <http://witze.net/bar-witze> (Дата обращения 14.09.2020).

LINGUISTIC ANALYSIS OF A HUMOROUS DIALOGIC DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF GERMAN-, ENGLISH - AND RUSSIAN EVERYDAY JOKE)

The study reveals common, typical characteristics for analysing the text of a joke in three languages - German, English and Russian. The study is based on a large number of texts of the everyday joke presenting a humorous dialogical discourse.

Key words: Witz, joke, humorous dialogical discourse, analysis.

Г.Н. ЧИРШЕВА

(Череповецкий государственный университет)

МЕЖЪЯЗЫКОВОЕ ДУБЛИРОВАНИЕ В РЕЧИ ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ

В работе описываются структурные, семантические и прагматические особенности переключений-дублирований в речевой деятельности двух детей, одновременно

усваивающих русский и английский языки, а также устанавливается взаимозависимость между характеристиками таких переключений и спецификой развития детского билингвизма.

Ключевые слова: детский билингвизм, переключения кодов, межъязыковые эквиваленты, дублированная морфология, спонтанный автоперевод.

Билингвы любого возраста нередко дублируют в своей речи единицы двух языков, особенно в тех ситуациях, когда им приходится общаться с разноязычными собеседниками. Однако взаимозависимость между формальными и содержательными характеристиками переключений-дублирований, с одной стороны, и особенностями формирования детского билингвизма, с другой, пока не устанавливалась. Автор работы предполагает, что специфика проявлений межъязыкового дублирования может служить одним из индикаторов при описании степени (не)сбалансированности детского билингвизма на разных этапах его развития.

Цель исследования – описать структурные, семантические и прагматические особенности переключений-дублирований в речевой деятельности двух детей (братьев Миши и Саши), одновременно усваивающих русский и английский языки, а также установить взаимозависимость между характеристиками таких переключений и спецификой развития детского билингвизма.

Билингвальная коммуникация стимулирует разнообразные по структуре и прагматике переключения кодов, среди которых у детей-билингвов можно отметить специфические типы межъязыкового дублирования на разных уровнях: а) дублирование морфологических показателей [Myers-Scotton, 1997], или морфологические дублеты, б) комбинации межъязыковых эквивалентов [DeHouwer, 2009], или лексические дублеты, в) повторы

предложений, или синтаксические дублеты (автоперевод), г) дублирования реплик собеседников (полные или частичные), или спонтанный перевод [Chirsheva, 2010].

При описании межъязыковых дублирований на морфологическом уровне используется рамочная модель, матричного языка, разработанная К. Майерс-Скоттон [Myers-Scotton, 1997; 2002; Myers-Scotton, Jake 2009; 2017], в которой учитываются психолингвистические и структурные особенности порождения билингвальной речи. При анализе лексических дублетов важна семантика межъязыковых функциональных эквивалентов, участвующих в этом процессе. В составе синтаксических дублетов учитываются структуры предложений и их коммуникативные типы. Описание случаев дублирования при переводе включает полный или частичный перевод структур из речи других людей, а также участие/неучастие взрослых в стимулировании процесса перевода.

Каждый тип дублетов разделен на два варианта в зависимости от направления дублирования: а) от русского языка к английскому или б) от английского языка к русскому.

Описание всех типов дублетов и их языковой направленности сопровождается прагмалингвистическим анализом интенций, использованных детьми в процессе межъязыкового дублирования.

Сбор материала осуществлялся с помощью видеофиксации общения детей с взрослыми на русском или английском языках в одной российской семье дважды в месяц на протяжении пяти лет. В данной работе анализу подвергаются 487 дублированных русско-английских и англо-русских структур. Их количественное соотношение представлено в таблице 1.

**Таблица 1. Типы дублетов и направление дублирования
в речи Саши и Миши**

	Саша				Миша				Всего			
	Рус.	Англ.	Количество	%	Рус.	Англ.	Количество	%	Рус.	Англ.	Количество	%
Морфологическ. дублеты	3	1	4	3	0	0	0	0	3	1	4	0.1
Лексические дублеты	57	5	62	48	90	22	112	31	147	27	174	35.7
Синтаксические дублеты	18	2	20	15	84	5	89	25	102	7	109	22.3
Перевод	5	39	44	34	14	142	156	44	19	181	200	41.9
Всего	83	47	130	100	188	169	357	100	271	216	487	100

Морфологические дублеты наблюдались крайне редко и в речи только младшего из детей – Саши в возрасте 4 – 6 лет.

Примеры (от русского к английскому №№ 1-3, от английского к русскому – № 4):

1. Саша (4): “Это *миньоны-s*.” (здесь и далее в скобках после имени указывается возраст ребенка)
2. Саша (5): “*Granny, look, this one – Mick-ин’s*.”
3. Саша (6): “*Давай играть в шахматы-s!*”
4. Саша (4): “*А где другие checkers-ы?*”

Как видно из приведенных примеров, дублированию чаще всего подвергается показатель множественного числа

(ранняя системная морфема), что не противоречит указанной выше модели К. Майерс-Скоттон [Myers-Scotton, 1997, с. 134-135].

Самые ранние лексические дублиеты появились у обоих детей в начале третьего года жизни, когда в их билингвальных словарях заметно увеличилось количество межъязыковых эквивалентов, например:

Саша (2): “Собака, бака, dog” и “Dark, (тем)но”,

Миша (2): “Баба, granny” и “Dog, ава-ва.

Преобладающим направлением лексического дублирования у обоих детей было русско-английское, причем дети использовали его на протяжении всего наблюдаемого периода, а англо-русские лексические дублиеты зафиксированы только до четырехлетнего возраста.

Большинство лексических дублиетов обозначали объекты, с которыми дети сталкивались в своей повседневной жизни: еда (*соль – salt, чай – tea, сыр – cheese, мороженое – ice-cream, банан – banana*), животные, в том числе и игрушечные и изображенные на картинках (*киса – cat, собака – dog, паук – spider*), люди вокруг них (*дядя – man, баба – granny, дедя – granddad, папа – daddy, друг – friend*), некоторые другие вещи и явления дома (*часы – clock, бумага – paper, батарейка – battery, молоток – hammer, огонь – fire*) и за его пределами (*дом – house, машина – car, грузовик – truck, луна – moon, снег – snow*). Дублировали они и слова *да – yes* и *нет – no* в своих ответных репликах. Среди дублиетов было мало слов других частей речи, особенно у Саши. Миша дублировал некоторые глаголы (*открой – open, спит – sleep, почини – repair*), наречия (*много – much, больше – more, хватит – enough, снова – again, наверху – upstairs*), а также притяжательное местоимение *мой – my*.

Синтаксические дублиеты напоминали автокоррекцию, автоперевод, межфразовые кодовые переключения. Они появились у обоих детей только после трех лет, и их подавляющее большинство начиналось с русских структур

(99 %). При этом в английских частях отклонения от грамматических правил были намного заметнее, чем в русских. Например:

Саша (3): “Я делаю дом. *I building a house.*”

Миша (3): “Вкусное такое. *It is good.*” (о соке).

Саша (4): “Я спал. *I sleeping.*”

Миша (4) : “А здесь кто живет? *Who lives here?*”

Миша (6) : “Давай играть. *Let's play!*”

Первые случаи спонтанного перевода были замечены у детей в возрасте около двух лет. Иногда этот процесс провоцировали родители, иногда дети сами переводили либо отдельные слова из реплик взрослых, либо переспрашивали на другом языке то, что услышали в иницилирующей реплике. В большинстве случаев (90 %) они переводили с английского на русский.

Саша (2) (после реплики бабушки: “*Granddad is sleeping*” перевел для мамы): “Деда (с)паль”.

Саша (4) (услышав в телепередаче: “*I can help you!*”, бабушка спросила: “*Can you translate this into Russian?*”, ответил): “Да: я помогу тебе”.

Миша (2) (в ответ на реплику бабушки: “*It's a bee*”): “Это пчелка”.

Миша (5) (после реплики бабушки: “*Granddad is ill*” перевел для мамы): “Дедушка заболел”.

Миша (6) (после объяснения бабушки: “*It's because I have bad eyesight*” сказал): “Я тоже плохо вижу”.

Таким образом, переключения-дублирования позволяют проследить процессы формирования детского билингвизма при одновременном усвоении двух языков на разных уровнях: морфологическом, лексическом, синтаксическом. Кроме того, по наблюдениям за направлением дублирования и спонтанного перевода можно судить о сбалансированности детского билингвизма и билингвальной речи на разных возрастных этапах, оценивать уровень сформированности коммуникативно-

прагматической компетенции на каждом из двух языков и переводческой активности детей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00260.

Литература

1. *Chirsheva G.* Self-interpreting by bilingual children // *Suvremena Linguistica*. – 2010. – Vol. 36, № 70. – P.173-193.
2. *DeHouwer A.* Bilingual First Language Acquisition. – Bristol; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters, 2009. – 412 p.
3. *Myers-Scotton C.* Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 342 p.
4. *Myers-Scotton C.* Duelling Languages: Grammatical Structure in Code-switching (2nd ed.). – Oxford: Clarendon Press, 1997. – 285 p.
5. *Myers-Scotton C., Jake J. L.* A universal model of code-switching and bilingual processing and production // B. Bullock & A. Toribio (eds.). *The Cambridge handbook of linguistic code-switching*. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2009. – P.336-357.
6. *Myers-Scotton C., Jake J. L.* Revisiting the 4-M model: Codeswitching and morpheme election at the abstract level // *The International Journal of Bilingualism*. – 2017. – Vol. 21, № 3. – P.340-366.

INTERLINGUAL DUPLICATING IN THE SPEECH OF BILINGUAL CHILDREN

The author of the paper describes structural, semantic, and pragmatic aspects of interlingual duplicating combinations in the speech of two children who acquire Russian and English simultaneously, as well as establishes the correlation between the duplications and the development of the children's bilingualism.

Key words: child bilingualism, code-switching, translation equivalents, double morphology, spontaneous self-interpreting.

О.В. ЛОМАКИНА

*(Российский университет дружбы народов,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный
университет)*

**ПОНЯТИЕ ВЕРЫ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ
КООРДИНАТ НАРОДА (НА ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ
МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ТУРЕЦКОГО,
РУСИНСКОГО И АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Статья посвящена изучению одной из ценностных констант общества – вере. В качестве материала исследования используется паремиологический материал.

Ключевые слова: пословица, понятие веры, ценности

Система ценностных координат каждого народа заложена в различных языковых единицах, но наиболее ярко она представлена в паремиологическом фонде языка, в котором пословица является наиболее распространенным классом. Наряду с такими признаками, как диалогичность, общеупотребительность, наличие в структуре этнолингвомаркеров, традиционность, анонимность, обобщающий характер, краткость, афористичность, образность, дидактичность, замкнутость синтаксической структуры, ситуативность [Паремиология..., 2020, с. 64], пословица может обладать лингвокультурологическим и лингвоаксиологическим потенциалом.

Лингвокультурологический потенциал паремий предполагает наличие культурных смыслов и выражается посредством этнолингвомаркеров – «компонентов фразеологизма / паремии, которые отражают национальное своеобразие» [Ломакина, 2010, с. 217]. Пониманию значения пословиц, содержащих этнолингвомаркеры, в словарной статье способствует лингвокультурологический комментарий. Как отмечает М.А. Бредис, связанные с

пословицей «реалии могут забыться народом. Но пословица при этом может быть зафиксирована в словаре и даже употребляться, пусть и очень редко» [Бредис, 2019, с. 107]. В этом случае дополнительная информация, поясняющая компоненты паремии, позволит говорящему правильно употреблять единицу и расширит его пресуппозитивные знания.

Наличие у паремии лингвоаксиологического потенциала – отражения одной или нескольких ценностей – обеспечивает встроенность данной единицы в систему ценностных координат, под которой мы понимаем структуру иерархически организованных ценностей. Анализ паремий в лингвоаксиологическом ключе позволяет описать систему ценностей данного народа: какая ценность является константной, а какая – переменной. Под ценностными константами мы понимаем «ментальные постоянные, характерные для того или иного народа, сформулированные им в виде паремий, которые выступают как ретрансляторы традиций...» [Ломакина, Мокиенко, 2018, с. 313], а под ценностными переменными – меняющиеся под влиянием социо-историко-культурного контекста (термин наш – *О.Л.*) ценности. Ценности в рассматриваемой системе координат могут иметь сопредельный характер. Например, исследование, проведенное Н.Ю. Нелюбовой, показало связь веры и религии как ценностей русской лингвокультуры [Нелюбова, 2020, с. 163].

К числу ценностных доминант современного мира вне зависимости от религиозной принадлежности относится вера. На протяжении времени в ряде лингвокультур верующие люди порицались, а вера называлась мнимой ценностью. Кроме того, нередко происходило сосуществование религиозных верований. Так, в фразеологии и паремиологии «славянские языки ... весьма последовательно отражают симбиоз язычества и христианства» [Ломакина, Мокиенко, 2019, с. 55]. Нельзя не

отметить идеологическое понимание веры: в Советском Союзе религиозность подвергалась осуждению и наказанию. Стоит вспомнить название паремиологического сборника «Без бога шире дорога» (1963), созданного А.М. Жигулевым и включающего паремии религиозного содержания различных народов Советского Союза. Вынесение данной пословицы в качестве заголовка можно метафорически назвать отражением ценностных ориентиров эпохи. Несмотря на яркое конъюнктурное название, данный сборник содержит не только атеистические паремии, а также позволяет представить отношение к религии различных народов.

Выявление ключевых компонентов, имеющих универсальный характер или являющихся характерными только для конкретного языка, позволяет наиболее полно охарактеризовать то или иное понятие. Лексема *Бог* является универсальной лексемой, представляющей веру как ценность. Последовательное описание паремий с этой лексемой в первую очередь поможет сформировать представление о вере в различных лингвокультурах.

В паремиологическом фонде ряда языков сосуществуют различные репрезентанты Бога. Обратимся к языкам, носители которых исповедуют различные религии.

В наиболее полном своде русской паремиологии – «Большом словаре русских пословиц», наряду с главной номинацией *Бог* (более 1300 единиц), фигурируют такие обозначения: *Господи* (104), *Христос* (11), *Всевышний* (1): *Христос все видит, кто кого обидит* (БСРП: 900), *Бойся Всевышнего, а не говори лишнего* (БСРП: 165), *Всяк про себя, а Господь про всех* (БСРП: 211) и др. Традиционно религиозность была характерна русской православной культуре, что объясняет количественную представленность подобных паремий.

Количество турецких пословиц с компонентом *Allah* (158 единиц), по данным В.В. Порхошовского, превосходит

остальные номинации по сравнению со следующими словами: *Tanri* (17), *Mevla* (14), *Halik* (2), *Mabut* (1), *Rab* (1) [Порхомовский, 2014, с.76-77] и находится на третьем месте среди понятий *человек* (183) и *голова* (170), наиболее частотных в турецких паремиях. Паремиологический фонд языка сохранил языковую тенденцию при употреблении арабизма *Allah*, вытесняемого лексемой *Tanri* в эпоху Ататюрка [Порхомовский, 2014, с.59]: *Allah seni dünya boş kalmasin diye yaratmış* (букв. Аллах сотворил тебя, чтобы мир не был пустым) и др. Примеры включения других номинаций единичны: *Ver yigidi yigide, Mevla rizkini yetire* (букв. Отдай джигитку за джигита, и Бог им поможет).

В лексике алтайского языка отразилось шаманское верование народа и переход – порой принудительный – в православную веру, о чем «свидетельствуют репрезентанты: ...Ульген – божество алтайцев-шаманистов, Уч-Курбустан – имя светлого божества в бурханизме, а также Бог христианской религии» [Ойноткинова, 2012, с. 227]. Пословичный фонд, сложившийся в досоветскую эпоху, содержит номинацию *Кудай*, что свидетельствует о времени появления паремий: *Ийни жыртыкты Кудай жаман көрөр* (букв. На оборванца Кудай плохо смотрит).

Ряд паремиологических фондов языков вне зависимости от вероисповедания носителей сохранил в качестве компонента одну номинацию Бога. В таджикских паремиях используется репрезентант *Худо*: *Худо ҳар касро ба нияташ медиҳад* (букв. Бог дает каждому по намереньям) и др. Русинские паремии содержат номинацию Бог: *Дасть Бог динь, дасть и пожиток ачинь; Най вам Бог заплатить* и др.

Паремиологический фонд языков выступает хранилищем традиций, характерных для определенной лингвокультуры. Система ценностных координат отражает как ценностные константы, так и ценностные переменные. Вера является одной из ценностных доминант современного мира. Вне зависимости от генетической характеристики

языков универсальным репрезентантом, представляющим веру как ценность, является лексема *Бог* и синонимичные номинации. Анализ паремий с данным компонентом позволил определить, что Бог предстает высшей силой, он одаривает человека, дает ему блага. Перспективным для полного раскрытия заявленной темы является рассмотрение паремий, содержащих отношение к вере, а также с компонентами, ассоциирующимися с религией.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00305.

Литература

1. *Бредис М. А.* Человек и деньги: Очерки о пословицах русских и не только. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2019. – 295 с.
2. *Ломакина О. В.* Паремии в текстах Л.Н. Толстого: лингвокультурологический комментарий // Вестник Орловского государственного университета. – 2010. – № 6 (14). – С. 217-221.
3. *Ломакина О. В., Мокиенко В. М.* Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. – 2018. – № 4 (54). – С. 303-317.
4. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К.* Большой словарь русских пословиц. Ок. 70 000 пословиц / под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с. (БСРП).
5. *Нелюбова Н. Ю.* Восприятие концепта Путешествие в пословичной картине мира французов и русских: ценностный аспект // Перспективные направления современной лингвистики: сборник научных трудов Международной научно-теоретической конференции. – М.: РУДН, 2020. – С. 158-165.
6. *Ойноткинова Н. Р.* Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров: монография. – Новосибирск, 2012. – 354 с.
7. *Паремиология без границ: монография / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной.* – М.: РУДН, 2020. – 244 с.
8. *Порхомовский М. В.* Турецкие пословицы в языке и речи. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 176 с.

THE CONCEPT OF FAITH IN THE SYSTEM OF VALUE COORDINATES OF THE PEOPLE (BASED ON PAREMIOLOGICAL MATERIAL OF RUSSIAN, TURKISH, RUSIN AND ALTAI LANGUAGES)

The article is devoted to the study of one of the value constants of society – faith. Paremiological material is used as the research material.

Key words: proverb, the concept of faith, value

К.А. МЕЛЬНИКОВА

(Ярославский государственный технический университет)

Ю.Л. ЗАКИРОВА

(Российский университет дружбы народов)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИТКОРРЕКТНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ)

Проблемой исследования является недостаточная изученность политической корректности (ПК) в межкультурном и лингвистическом аспектах. Исследование построено на изучении обширного корпуса высказываний президента США Д. Трампа в сети Twitter, а также других открытых интернет источниках.

Ключевые слова: политкорректность, политика, межкультурная коммуникация, язык, общество

В современном мире явление политкорректности (ПК), соблюдение/несоблюдение ее норм привлекает всеобщее внимание и имеет огромное значение для общества

в целом. Неупотребление ПК лексики считается практически «дурным тоном», особенно в западных странах. Но, с другой стороны, страну сейчас возглавляет Дональд Трамп, языковое поведение которого идет вразрез с ПК культурой.

Актуальность исследования рассматривается с точки зрения современной политической ситуации, где вопрос о толерантности в контексте международных отношений встает особенно остро и недостаточно изученное явление ПК вызывает чрезвычайный интерес к данной проблеме. И, хотя ПК достаточно широко распространена, в лингвистических исследованиях она не получила полного осмысления. Проблемой ПК занимались как российские ученые, такие, как А.В. Остроух, М.Ю. Палажченко, Ю.Л. Гуманова, С.Г. Тер-Минасова, Л.В. Цурикова и др., так и их зарубежные коллеги: Камерон (Deborah Cameron), П. Берман (Paul Berman) и др. Цель исследования заключается в изучении языкового выражения ПК в политическом дискурсе западных стран. Объектом исследования являются ПК высказывания президента США Д. Трампа в сети Twitter, а также других открытых интернет источников. В данной статье мы попробуем провести анализ феномена ПК и его выражения в политическом дискурсе.

Уже очевидно, что в настоящее время происходит интеграция наук в решении различных лингвистических проблем. В нашем случае невозможно отрицать, что ПК уже является краеугольным камнем таких наук, как лингвистика, социология, политология и экономика. [Попова, 2005]. Сейчас нельзя достоверно разграничить области науки. Интенсивное развитие данных областей науки дает нам право выделять науку когнитивную, то есть когнитивную лингвистику. По мнению Т.В. Юдиной, фундаментальные науки, такие как философия, психология, математика, лингвистика объединяются вместе с новыми, развивающимися науками (нейронауки, теория

информатики, методы математического моделирования при помощи когнитивной науки. [Юдина, 2004].

И, рассматривая язык в данном ракурсе, можно определенно заявить, что язык – это когнитивно-процессуальное явление, причем очевидно, что он передает информацию о мире, всесторонне обрабатывает эту информацию и напрямую коррелирует с построением, классификацией данной информации, что именно дискурс обеспечивает процессы коммуникации, в ходе которых происходит взаимообмен информацией.

В данной работе основное внимание будет уделено проблеме исследования ПК дискурса и дискурсивного анализа. Дискурс, с точки зрения современной науки – это не только одна из краеугольных составляющих повседневной жизненной практики индивидуума, но и сложнейшее коммуникативное исследование, которое включает в себя как текст сам по себе, так и экстралингвистические факторы, необходимые для его понимания [Тюкина, 2020]. По мнению современных ученых, мультидисциплинарное изучение дискурса активизирует не только активизацию научной деятельности в данной области, но и способствует возникновению новых его видов. [Бабаян, 2002] Очевидно, что дискурс — это также и связанная грамматически и семантически в различных речевых формах (беседа, диалогическая, монологическая, письменная) последовательность высказываний, которая отражает целостную речевую и коммуникативную ситуацию. При этом особое внимание уделяется качеству и количеству неязыковых факторов реципиентов данного дискурса, независимо от того, являются и они участниками речевой коммуникации либо читателями или слушателями [Бабаян, 2009].

Методы исследования. В качестве методов исследования авторами были выбраны следующие методы: сплошной выборки, лингвостилистического, переводческого и сопоставительного анализа. Актуальность исследования подчеркивается тем, что изучение ПК является

значительным вкладом в феномен «диалога культур». Результаты исследования могут быть использованы при подготовке материалов по лингвокультурологии, лексикологии, страноведению, лингвостилистике и др. В ходе дальнейших исследований планируется установить взаимосвязь окказиональной эвфемистической лексики и теории ПК.

Термин «политкорректность» очень часто употребляют в политической (и не только) речевой сфере англоязычных стран (от англ. *political correctness*) – социально ориентированная тенденция языка к эвфимизации и окказиональности нейтрально либо положительно окрашенными лексическими единицами устоявшимися лексическими единицами во избежание затрагивания переживаний и чувств той или иной группы людей. Далее политическая корректность как система взглядов стала распространяться, преимущественно, в высших учебных заведениях США, а затем и в других сферах американского общества [Мельникова, 2020].

Среди современных политических деятелей США, своим экспрессивным языком, по мнению СМИ, безусловно, выделяется действующий на сегодняшний момент президент Дональд Трамп [Коммерсант, 2020].

Автором были проанализированы 30, содержащих в себе публичные заявления Д. Трампа, источников. Одно из наиболее часто используемых Д. Трампом прилагательных является «smart» – умный, сообразительный. Трамп употребляет это слово, говоря о внешней политике других стран. Трамп использует в своих речах прием синонимической конденсации, т. е. противопоставление, неpolitкорректный посыл о том, что американцы - лучше других. В открытых источниках можно найти неpolitкорректные изречения Д. Трампа, затрагивающие личности известных американских политиков, таких как М. Келли (Megyn Kelly), Д. Буш (George Bush), И. Стюарт (Jon

Stewart). Не выбирая выражений, Д. Трамп использует абсолютно неполиткорректную лексику, считая своих коллег «тупицами» (dummy, bimbo, dopey) [Романченко, 2017]. По мнению Д. Трампа, нечестные СМИ держат в тайне информацию о строительстве Великой Стены между США и Мексикой, чтобы пресечь поток нелегальных иммигрантов в США; глобальное потепление придумали и воплотили в жизнь китайцы, с целью дестабилизации экономики США, а исламский терроризм следует стереть с лица Земли.

По результатам исследования можно уверенно говорить, что более 80% публичных выступлений Д. Трампа имеют ПК дискурс; более 60% содержат неполиткорректную лексику; 34% ПК нейтральны.

Исходя из данных анализа, можно сделать вывод о том, что Д. Трамп абсолютно неполиткорректный глава государства, о чем свидетельствует его высказывание о том, что у него (у Трампа) нет времени на политкорректность, впрочем, как и у всей Америки.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-34-10303.

Литература

1. *Бабаян В. Н.* Дискурсивное пространство терциарной речи : дис. ... д. филол. наук : 10.02.19. – Ярославль, 2009. – С. 27-28.
2. *Бабаян В. Н., Круглова С. Л.* Текст и дискурс // Текст в фокусе литературоведения, лингвистики и культурологии. – Ярославль, 2002. – С. 32-37.
3. Интернет-издание газеты «Коммерсант». – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4511805> (Дата обращения 10.10.2020 г).
4. *Мельникова К.А., Говорухин Д.Е.* Политкорректность как социокультурное явление в современном английском языке // Лингводидактика в неязыковом вузе: традиционные и инновационные подходы. – Ярославль, 2020. – С. 24-29.

5. Попова З.Д., Стернин И.Д., Карасик В.А., Кретов А.А., Пименов Е.А., Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2005. – 220 с.
6. Тюкина Л.А., Бабаян В.Н. Структурно-композиционный анализ бытового анекдота на немецком, английском и русском языках как объекта юмористического диалогического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – Вып. 9. – С. 286-292.
7. Юдина, Т.В. Дискурсивное пространство политической речи // Актуальные проблемы теории коммуникации. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 172-185.
8. Huffpost.com. – URL: https://www.huffpost.com/entry/donald-trump-rhetorical-device_n_56c358cbe4b0c3c55052b32b (Дата обращения 09.10.2020).
9. Keepamericagreat.com. – URL: <https://www.keepamericagreat.com> (Дата обращения 09.10.2020).
10. Ponomarenko L.N., Zlobina I.S., Galitskih E.O., Rublyova O.S. Formation of the foreign language competence of pedagogical faculties in the process of intercultural dialogue // European Journal of Contemporary Education. – 2017. – № 6 (1). – С. 89-99.
11. Twitter.com. – URL: https://twitter.com/real_donald_trump/status/817329823374831617 (Дата обращения 09.10.2020).

LINGUISTIC ANALYSIS OF POLITICALLY CORRECT DISCOURSE (ON THE ENGLISH LANGUAGE MEDIA CONTENT)

The problem of the research is the lack of knowledge of political correctness (PC) in cross-cultural and linguistic aspects. The study is based on the US President D. Trump's corpus statements study on Twitter, as well as other open Internet sources.

Key words: political correctness, politics, intercultural communication, language, society.

В.Л. МАЛАХОВА

*(Московский государственный институт
(Университет) международных отношений МИД России)*

Е.В. КОПШУКОВА

*(Самарский национальный исследовательский
университет им. ак. С.П. Королева)*

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКЗАМЕНОВ ДИСТАНЦИОННОГО ФОРМАТА

Исследование посвящено выявлению и систематизации основных вербальных и невербальных маркеров малоформатных текстов демоверсий англоязычных сертифицированных экзаменов. Описаны тексты с полной и частичной креолизацией, а также знаковые обозначения, проведена систематизация паралингвистических средств, усиливающих лингвопрагматический потенциал креолизованных текстов.

Ключевые слова: образовательный дискурс, креолизация, малоформатность, дистанционные экзамены

Переход современной системы образования в цифровое пространство обусловлен рядом важнейших причин, среди которых необходимо выделить не только развитие информационных технологий, но и экологический фактор. Результатом этого является активный перевод экзаменов в дистанционный формат, что непосредственно приводит к оптимизации экзаменационных материалов как по содержанию, так и оформлению. В связи с этим, в условиях новых требований, которые диктует нам время, приобретает актуальность анализ текстов демоверсий англоязычных сертифицированных экзаменов. Данное

исследование аккумулирует многолетний накопленный опыт по осуществлению максимально объективной проверки знаний по английскому языку и описывает особенности оптимизации данного процесса.

Для формирования теоретической базы исследования мы проанализировали работы по проблемам лингвопрагматического анализа [Ernst, 2002], лингвокультурологии [Самохина, 2019], дискурсивного анализа [Dijk, 2015; Ponomarenko, 2016], дискурсивных интерференций [Шевченко, 2008], интертекстуальности [Khramchenko, 2017], компьютерная коммуникация [Crystal, 2004; Kust, 2015], малоформатные и креолизированные тексты [Platonova, Tarasova, Golubinskaya, 2015; Price, 2017; Oprishch, Ogareva, 2020].

Цель исследования заключается в выявлении и систематизации основных вербальных и невербальных маркеров малоформатных текстов демоверсий англоязычных сертифицированных экзаменов, с помощью которых происходит реализация прагматического потенциала анализируемых текстов.

Методологической основой исследования является сочетание таких видов анализа текстов рассматриваемого типа как структурный, семантический, прагматический, когнитивный и лингвосинергетический.

Модернизация системы высшего образования в контексте реализации формирования межкультурной коммуникативной компетенции студентов на современном этапе становится все более актуальной. Это обосновывает необходимость поиска новых средств ее развития. Одним из востребованных способов, на наш взгляд, является креолизированный текст как один из наиболее распространенных типов малоформатных текстов. Его структура и дидактические возможности соответствуют стандартам образовательного дискурса и отвечают

требованиям международных сертифицированных экзаменов.

В основу исследования положен анализ текстов с полной и частичной креолизацией, знаков (или пиктограмм); при этом особое внимание мы уделяли изучению паралингвистических средств, за счет которых происходит усиление лингвопрагматического потенциала креолизованных текстов.

Описание лингвистического и иконического компонентов креолизованного текста позволяет установить степень участия каждого из них и их интеграции в создании текстового пространства демоверсий англоязычных сертифицированных экзаменов. В целом, проведенный анализ еще раз доказывает эффективность применения креолизации текста как в процессе обучения английскому языку с целью повышения мотивации студентов и развития их межкультурной коммуникативной компетенции, так и с целью определения уровня владения английским языком.

Креолизованные тексты в демоверсиях англоязычных сертифицированных экзаменов отличаются синтезом вербальных и невербальных средств общения, которые осуществляют следующие функции:

- информативную, когда существует прямая зависимость вербального компонента текста от графического изображения, и иллюстративные составляющие позволяют декодировать дополнительные сведения, отсутствующие в вербальном тексте;
- дескриптивную, когда удается создать соответствующий предлагаемому материалу визуальный образ;
- экспрессивную и социально-регулирующую функции, когда размещаются изображения, с помощью которых удастся апеллировать к чувствам соискателя, например, трогательные рисунки или фотографии

представителей животного мира в сочетании с вербальной информацией позволяют формировать бережное отношение к окружающей среде и прививать любовь к братьям нашим меньшим, а также подчеркивают важность знания основ безопасности жизнедеятельности;

- интродуктивную, когда возможно создать представление об информации, содержащейся в предлагаемом тексте, до его прочтения;
- функцию проверки, когда необходимо выявить наличие верного понимания представленной в тексте информации в соответствии с визуальным образом;
- номинативную, когда вместо заголовка помещается графическое изображение;
- организационно-ориентировочную, когда соискателей знакомят с процедурами корректного оформления.

Проведенное исследование особенностей текстов для чтения демоверсий англоязычных сертифицированных экзаменов позволило описать малоформатные тексты, с полной и частичной креолизацией, а также знаковые обозначения. Кроме того, осуществлена систематизация паралингвистических средств, усиливающих лингвопрагматический потенциал креолизованных текстов англоязычных международных экзаменов дистанционного формата. В результате осуществленного анализа выделены функции, которые выполняет синтез вербальных и невербальных средств общения, а также описан ряд связанных с этим процессом важных наблюдений. Полученные выводы позволяют внести существенный вклад в разработку и повышение эффективности материалов и процесса проведения дистанционных экзаменов по английскому языку.

Литература

1. *Самохина Т.С.* Различия в коммуникативном поведении представителей разных культур в однотипных ситуациях делового и профессионального общения // *Professional Discourse & Communication*. – 2019. – Часть 1. – № 1. – С. 99-110.
2. *Шевченко В.Д.* Введение в теорию интерференции дискурсов. – Самара: СамГУПС, 2008. – 203 с.
3. *Crystal D.* Language and the Internet. – Cambridge University Press, 2004. – 284 p.
4. *Dijk T.A. van.* Critical discourse analysis // *Handbook of Discourse Analysis. Second Edition. 2 volumes / ed. by D. Tannen, H. Hamilton, D. Schiffrin*. – Chichester: Wiley Blackwell, 2015. – Volume 1. – P. 466-485.
5. *Ernst P.* Pragmalinguistik: Grundlagen, Anwendungen, Probleme. – Berlin: Walter de Gruyter, 2002. – 210 p.
6. *Khramchenko D.S.* Intertextuality and business English discourse: Teaching in harmony with functional linguistic theory // *INTED2017. 11th International Technology, Education and Development Conference. Conference Proceedings. IATED Academy*, 2017. – P. 1874-1877.
7. *Kust T.* University discourse in computer-mediated communication: Philosophical, sociological and cultural grounds for linguistic description // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – Elsevier, 2015. – Issue 166. – P. 409-414.
8. *Oprishch N., Ogareva O.* Teaching English by means of advertising creolized texts // *INTED2020 Proceedings*. – 2020. – P. 8014-8018.
9. *Platonova I., Tarasova E., Golubinskaya A.* Creolized text as a form of modern educational discourse // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – Elsevier, 2015. – Issue 214. – P. 788-796.
10. *Ponomarenko E.V.* Functional properties of English discourse in terms of linguosynergetics // *SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts*. – 2016. – Issue 1-3. – P. 355-362.
11. *Price R.* Créolisation, creolization, and créolité // *Small Axe*. – 2017. – Issue 21. – P. 211-219.

LINGUO-PRAGMATIC POTENTIAL OF CREOLIZED TEXTS IN ONLINE INTERNATIONAL EFL EXAMS

The research is devoted to identifying and systematizing the core verbal and non-verbal markers of small-format texts of demo versions of English-language certified online exams. Texts with full and partial creolization are described, as well as signs. Also, the systematization of paralinguistic means that enhance the linguo-pragmatic potential of creolized texts is carried out.

Key words: academic discourse, creolization, minitext, online exams

1.2. ВОПРОСЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ АСПЕКТЕ

Я.А. ВОЛКОВА

*(Московский государственный лингвистический
университет)*

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ДЕСТРУКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Рассматриваются возможности применения методологии когнитивной экологии к исследованию проблематики деструктивного общения. Обозначенный подход включает в себя холистический анализ собственно языковых структур и социальных, ситуативных, биологических, т.е. невербальных компонентов, позволяющий понять механизмы, лежащие в основе деструктивного, т.е. экологически нерелевантного,

коммуникативного поведения в качестве основного метода исследования.

Ключевые слова: лингвоэкология, когниция, когнитивная экология, деструктивность, коммуникация, дискурс

В последние годы лингвоэкологические исследования далеко вышли за рамки первоначальной идеи, выдвинутой Э. Хаугеном [Haugen, 1972]. В трудах лингвоэкологов неоднократно отмечается, что современная гуманитарная наука характеризуется тенденцией к «экологизации», что фактически означает перенос и использование концепций и терминологии экологии биологической в область гуманитарных дисциплин (см. [Экология русского языка, 2017]). В 2013 году была опубликована коллективная монография «Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве», давшая начало дочерней отрасли лингвоэкологии и эмотиологии – эмотивной лингвоэкологии. В задачи данного научного направления входит широкий спектр научных проблем, начиная от выработки критериев эмотивной экологичности высказывания и заканчивая изучением экологичного/неэкологичного влияния эмоций на процессы, происходящие в языке [Эмотивная лингвоэкология..., с. 48]. Исходя из постулатов эмотивной лингвоэкологии была выявлена роль эмоций, вызывающих агрессию, в стимулировании неэкологичной межличностной коммуникации. Одним из результатов проведенного исследования стало выделение особого типа общения, получившего название деструктивного. Было установлено, что характеристики деструктивного общения включают деструктивную интенцию, которая реализуется в ситуациях деструктивного общения, а также присутствие определенных маркеров [Волкова, 2014].

Вопрос об эмотивной (не)экологичности деструктивного общения является одним из основных, если рассматривать данный тип общения с позиций эмотивной лингвоэкологии. В контексте указанной дисциплины интерес представляет реализация агрессивного катарсиса, т.е. воображаемой или реальной разрядки агрессивных эмоций. Данная гипотеза восходит к Аристотелю, который полагал, что трагедия очищает человека от негативных эмоций через сострадание и страх [Аристотель, 1984]. Данное понятие было использовано З. Фрейдом и Дж. Брейером так называемой «гидравлической» модели агрессии [Фрейд, 2020], а затем уточнено и авторами фрустрационной модели агрессии [Dollard et al., 1939]. Однако, через некоторое время психологи начали подвергать сомнению необходимость и полезность катарсиса для «лечения» агрессии: несмотря на то, что некоторые экспериментальные исследования подтвердили положительный эффект агрессивного катарсиса (см., в частности, гипотезу катарсиса в массовых коммуникациях С. Фешбаха), в целом ряде работ были опубликованы данные, противоречащие этой идее (см. [Kahn, 1966; Mallick & McCandless, 1966] и др.). Более того, некоторые из проведенных экспериментов показали, что катарсис усиливает дальнейшую агрессивную реакцию у экспериментируемых [Buss, 1971; Geen, 1977]. Итог можно подвести цитатой из Д. Гоулмана: «Вспышки ярости, как правило, усиливают активацию эмоционального мозга, заставляя людей испытывать не меньший, а более сильный гнев» [Гоулман, 2008, с. 109]. Тем не менее, рассмотрев модель агрессивного катарсиса с позиций когнитивной лингвистики, легко убедиться в том, что роль этой гипотезы в наивной концептуализации деструктивных эмоций чрезвычайно высока. Несмотря на то, что существует целый ряд исследований, иллюстрирующих и доказывающих вред или, по крайней мере, бесполезность агрессивного катарсиса, язык упорно поддерживает данную модель поведения.

Фразеологические единицы *выместить зло, сорвать злость / гнев на ком-либо / чем-либо, оторваться на ком-либо, оттянуться на ком-либо*, метафорические выражения, отражающие концептуальную метафору деструктивных эмоций как кипящей жидкости в закрытом сосуде (*кипятиться, взрываться, выпускать пар, переполнять* (об эмоциях) и др.) свидетельствуют о том, что идея разрядки агрессивных эмоций не просто отражена, но и актуальна в наивном сознании. Русский язык, например, предлагает целый ряд метафорических выражений, вербализующих агрессивные эмоциональные состояния, которые можно представить в виде вышеуказанного когнитивного сценария: *вскипеть – взрываться / выпускать пар – остыть*. Данная когнитивная метафора отражает когнитивный сценарий, общий для агрессивных/деструктивных эмоций, который актуализирует потерю контроля как над эмоцией, так и над поведением субъекта в целом, что представляет опасность для всех – для самого субъекта и окружающих его людей. Таким образом, в данной метафоре именно «выход» деструктивной эмоции наружу приносит успокоение и расслабление. Известно, что язык играет важнейшую роль в концептуализации эмоциональных состояний. Постоянное повторение одних и тех же устойчивых фраз приводит к тому, что их восприятие происходит автоматически, без участия высшего сознания, по принципу условного рефлекса. На уровне подкорки фиксируется и закрепляется положительная оценка: «отвел душу» – стало легче. Язык, таким образом, внедряет «катарсическую» модель поведения в наивное сознание, отсекая рациональный компонент. Хотелось бы обратить внимание на вывод психологов Х. Томэ и Х. Кэхеле о том, что агрессивные проявления служат «восстановлению ущемленного чувства собственного достоинства» [Томэ, Кэхеле, 1996, с. 191]. *Выпустив пар*, человек тем самым освобождается от нервного напряжения, хотя вовсе не исключено, что все эти ощущения имеют мало

общего с физиологией, а основаны на определенного рода фантазиях.

Таким образом, оценивая деструктивное общение в аспекте эмотивной лингвозкологии, мы сталкиваемся с определенными трудностями: с одной стороны, с точки зрения «жертвы», т.е. объекта агрессивных коммуникативных действий, деструктивные коммуникативные проявления всегда неэкологичны, и степень обоснованности/необоснованности vs оправданности/неоправданности агрессивного воздействия не имеет большого значения. С другой стороны, для субъекта деструктивной коммуникации такой тип общения является вполне экологичной «средой обитания», т.к. получение удовольствия от своих деструктивных действий и отсутствие раскаяния являются одними из характеристик данного типа общения: субъект повышает свой собственного статуса в коммуникации, принижая и унижая собеседника. Многочисленные примеры катарсиса агрессивных эмоций, коммуникативного садизма свидетельствуют о том, что во многих случаях невозможно однозначно оценить ситуацию общения как эмотивно (не)экологичную, опираясь только на семантику языковых единиц.

Представляется, что рассмотрение деструктивной коммуникации в рамках эмотивной лингвозкологии является несколько однобоким, т.к. в основе деструктивного типа общения лежат *когнитивные* эмоции, т.е. эмоции, опосредованные когнитивной системой человека. Все, с чем сталкивается взрослый человек, оценивается им не только на физиологическом уровне, но и на уровне когнитивном, ибо, как писал Э. Фромм, «витальные интересы человека гораздо шире, чем животного» [Фромм, 1994, с. 21]. Таким образом, анализ семантики эмотивных языковых единиц в деструктивном общении представляется недостаточным для определения степени экологичности высказывания. Концепция когнитивной экологии – методологического

подхода, в котором когнитивный агент или познающий субъект рассматривается как составляющая когнитивной системы – видится нам оптимальным методологическим решением для изучения деструктивного общения. В основе данного подхода лежит понятие когнитивной системы, которая предлагает анализ информации для принятия решений. Цикл принятия решений представляет собой, в свою очередь, комбинацию чувственного восприятия и оценки события с последующей интерпретацией данного события с привлечением жизненного опыта индивида. О месте концепции когнитивных систем в лингвоэкологии точно высказалась А.В. Колмогорова: «В преломлении к когнитивной лингвистике экологичный подход требует выбора такой единицы анализа, которая сохраняла бы нетронутыми, целостными тонкие взаимопереплетения связей, существующих между разными элементами когнитивной системы, фокусируясь, тем не менее, на ее вербальной коммуникативной составляющей. Последняя же при таком холистическом подходе приобретает для исследователя характеристики, невидимые в ином ракурсе, в ней открываются новые грани, в том числе и скрытые потенциальные свойства, которые лишь могут проявиться в будущем при известных условиях» [Колмогорова, 2019, с. 22-23].

Таким образом, анализ ситуации деструктивного общения – это, прежде всего, анализ мультимодального материала, предметом которого является выявление места и функции вербальных и невербальных элементов в реализации деструктивной интенции и холистическое описание прагматического эффекта использованных коммуникативных приемов в рамках избранной стратегии деструктивного общения. Только в случае комплексной оценки подобного взаимодействия возможна оценка экологичности/неэкологичности определенного коммуникативного акта.

Литература

1. *Аристотель*. Поэтика. Соч.: В 4 т. – Т. 4. – М., 1984. – С. 645-680.
2. *Волкова Я.А.* Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. – 324 с.
3. *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2008. – 478 с.
4. *Колмогорова А.В.* Лингвистика когнитивная и экологичная: к вопросу о перспективах применения концепции когнитивной экологии в лингвистических исследованиях // Экология языка и коммуникативная практика. – 2019. – № 3. – С. 19-28.
5. *Томэ Х., Кэхеле Х.* Современный психоанализ. Т. 1. Теория. Пер. с англ. / общ. ред. А.В. Казанской. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Литера», Издательство Агентства «Яхтсмен», 1996. – 576 с.
6. *Фрейд З.* Собрание сочинений в 26 т. Т. 1 Исследования истерии // Изд-во «Скифия», 2020. – 448 с.
7. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. – М.: «Республика», 1994. – 447 с.
8. Экология русского языка. Словарь лингвоэкологических терминов / авт.-сост. д-р филол. наук., проф. А.П.Сковородников. – М.: Флинта: Наука, 2017. – 384 с.
9. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр.; науч. ред. проф. В.И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – 450 с.
10. *Buss A.* Aggression Pays // The Control of Aggression and Violence. – NY, London: Academic Press, 1971. – Pp. 7-18.
11. *Dollard J., Doob L., Miller N. E., Mowrer O.H., Sears R.R.* Frustration and aggression. – New Haven, Conn.: Yale University Press, 1939. – 209 p.
12. *Geen Russell G., Quanty Michael B.* The Catharsis of Aggression: An Evaluation of a Hypothesis // Advances in Experimental Social Psychology. – 1977. – Vol. 10. – Pp. 1-37.
13. *Haugen E.* The Ecology of language. – Standford: StandfordUniversity Press, 1972. – 366 p.
14. *Kahn M.* The physiology of catharsis // Journal of Personality and Social Psychology. – 1966. – № 3. – Pp. 278-286.

15. *Mallick S.K., McCandless B.R.* A study of catharsis of aggression // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1966. – № 4. – Pp. 591-596.

COGNITIVE LINGUOECOLOGY AS A METHODOLOGICAL APPROACH TO STUDYING DESTRUCTIVE COMMUNICATION

The possibilities of applying the methodology of cognitive ecology to the study of the problems of destructive communication are considered. The indicated approach includes a holistic analysis of linguistic structures proper and social, situational, biological, i.e. non-verbal components, allowing us to understand the mechanisms underlying the destructive, i.e. ecologically irrelevant, communicative behavior as the main research method.

Key words: linguoecology, cognition, cognitive ecology, destructiveness, communication, discourse

Е.Н. МАЛЮГА, Е.И. МАДИНЯН

(Российский университет дружбы народов)

КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННЫЕ КОЛЛОКАЦИИ В НОВОЗЕЛАНДСКОМ ВАРИАНТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена анализу культурно-маркированных коллокаций новозеландского экономического дискурса. Авторы дают определение экономическому дискурсу и выделяют его основные характеристики. В статье приведены статистические данные о частоте упоминаний разных концептуальных типов коллокаций в газетных разделах. Особое внимание уделяется культурным особенностям

сочетаний, отражающих историю, быт и традиции новозеландцев.

Ключевые слова: экономический дискурс, коллокации, лингвокультурология, варианты языка

Носители языка инстинктивно осознают, что некоторые слова в их языке функционируют в фиксированных сочетаниях и любое изменение лексем таких коллокаций или их замены другими лексемами приводит к ощущению неуместности их употребления в сознании носителей языка и выдает иностранную речь. Этот факт особенно значим в экономическом дискурсе, поскольку в условиях экономической глобализации и развитых торговых отношений между различными странами язык бизнеса стал широко использоваться, и важно исследовать словосочетания как неотъемлемую часть речи во время встреч, деловых переговоров, экономических конференций и т. д.

Каждый национальный вариант английского языка имеет свои особенности и «культурные реалии», которые преимущественно выражаются на лексическом уровне. Новозеландский вариант языка представляет основной интерес для нашего исследования, поскольку исторически населенная народом маори, Новая Зеландия также была колонизирована Великобританией и стала местом назначения для большого количества иммигрантов со всей Европы. Таким образом, все это смешение народов и диалектов отражается в лексическом фонде новозеландского английского языка, исследуя семантические и функциональные особенности которого мы можем познакомиться с их культурными реалиями, способами ведения бизнеса, экономическими терминами, присущими только новозеландцам, и проанализировать словосочетания с точки зрения концепта и фрейма с целью изучения их менталитета.

Для достижения цели нам необходимо решить ряд задач:

- 1) дать понятие экономическому дискурсу и изучить его основные характеристики;
- 2) рассмотреть исследовательские работы, посвященные исследованию коллокаций в экономическом дискурсе;
- 3) дать комплексное описание и выявить семантические и культурологические особенности коллокаций в новозеландском экономическом дискурсе на материале «NZ Herald».

Теоретическая база исследования включает в себя критический анализ лингвистических работ по экономическому дискурсу и коллокациям. В статье приведены статистические данные о частоте упоминаний разных видов коллокаций, относящихся к тому или иному концепту. Частота использованных коллокаций определяется количественным анализом, а характеристика выбранных примеров дана с применением контекстного анализа и описательных методов.

Культурно-маркированные коллокации в экономическом дискурсе

Конец XX века обозначился увеличением научных исследований дискурса. Значительный вклад в изучение дискурса внесли такие ученые, как З. Харрис, В.Г. Борботько, Т. Ван Дейк, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, В.В. Красных и др. В ходе изучения дискурса сформировалось два направления исследователей. Некоторые ученые заявляют, что дискурсу присуща привязанность к определенному контексту и уместность [Ван Дейк, 2008; Демьянков, 2007], другие соотносят его с определенным историческим периодом и культурой [Красных, 2017; Кубрякова, 2000].

Существует два подхода к определению понятия «экономический дискурс». Согласно первому подходу, экономический дискурс – это система текстов, возникающих под влиянием различных факторов (экстралингвистических, прагматических, социокультурных и др.) и объединенных одной темой [Карасик, 2002, с. 8]. Второй подход характеризует экономический дискурс как коммуникативное событие, как интегративную совокупность индивидуальных коммуникативных актов в сфере экономики. Вербальным результатом такой деятельности являются экономические тексты [Арутюнова, 1990, с. 136].

Язык экономического дискурса, отображенный в экономических текстах, включает в себя разнообразные языковые средства, как лексические, так и стилистические; коллокации, экономические термины и лексику различных жанров с целью воздействия на читателя и побуждения к тем или иным действиям.

Коллокации в экономическом дискурсе занимают важное место, так как они часто встречаются во время деловых переговоров и в средствах массовой информации, которые характеризуются обращением к массовой аудитории, доступностью для многих людей и распространением последних новостей. Данный факт обуславливает наш выбор новозеландского экономического журнала *NZ Herald* (<https://www.nzherald.co.nz/>) в качестве материала исследования.

Существует множество подходов к определению коллокаций, однако в данной работе мы будем придерживаться определения Дж. Синклера «Коллокация – это совместное использование двух или более слов в тексте на небольшом расстоянии друг от друга. Как правило, они разделены не более чем четырьмя лексемами» [Синклер, 2008, с. 407].

По мнению представителей культурологического подхода, вся культура понимается как совокупность

концептов и отношений между ними. Концепт трактуется ими как основная ячейка культуры в ментальном мире человека, выраженная в речи с помощью различных языковых средств, включая коллокации [Карасик, 2009, с. 5]. Эту точку зрения разделяют многие ученые, в том числе Ю. Степанов, Г. Слышкин, В. Левельт, Л. Траск, Л. Талми, В. Эванс и К. Пруст.

Несмотря на довольно абстрактную природу концепта, он все же обладает большей конкретикой, чем VCMs - *vague category markers* (маркеры неопределенной категории), тщательно изученные Е.Н. Малюгой и М. Маккарти. В своей работе авторы отмечают, что данные фразы также составляют значительную часть деловой коммуникации и служат маркерами языковой личности человека. Однако, их сложнее отнести к какому-либо определенному концепту, чем коллокации, относящиеся к различным культурным реалиям, так как они являют собой такие общие фразы как *(and) stuff (like that), and so forth*. [Е.Н. Малюга, М. Маккартни, 2018, с.43].

В. Эванс [Эванс, 2009, с. 31] утверждал, что концепты являются посредниками между словами и экстралингвистической реальностью. Только те явления действительности могут стать концептами, которые релевантны и ценны для конкретной культуры. Как следствие, они формируют чувственный образ, который зачастую выражается с помощью метафоры. Это своего рода символы или эмблемы, конкретно указывающие на текст, ситуацию или знание, которые их создали. Каждый концепт отражает наиболее значимые накопленные человеком знания об окружающем мире, тогда как все незначительные представления отбрасываются [Жарина, 2017, с. 44].

В нашей работе мы придерживаемся определения концепта, данного Г. Слышкиным и В. Карасиком [Карасик, Слышкин, 2001, с. 76], которые предлагают рассматривать культурный концепт как многомерную содержательную

конструкцию, в которой выделяются смысловая, образная и ценностная стороны.

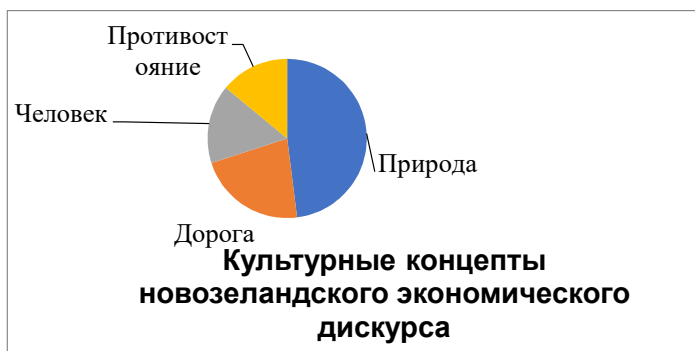

Диаграмма 1. Концепт «природа», фрейм «географические названия»

Проанализировав 360 примеров коллокаций, взятых из новозеландского экономического журнала *NZ Herald*, из секций «Финансы» и «Сектор рынка» мы можем прийти к выводу, что в новозеландском экономическом дискурсе преобладают следующие концепты: природа (48%), дорога (22%), человек (16%) и противостояние (14%). Соотношение упомянутых концептов в новозеландском экономическом дискурсе вы можете видеть на кольцевой диаграмме №1.

Концепт «природа», фрейм «географические названия»

Концепт «природа» играет решающую роль в менталитете народа маори, поскольку сельское хозяйство является крупнейшим сектором экономики Новой Зеландии, на долю которого приходится примерно две трети экспортируемых товаров. Наиболее развитыми областями сельского хозяйства являются скотоводство и растениеводство.

*A plan by the federal government and tourism groups to restart Australia's battered travel sector aims to have state border restrictions lifted by December 1 and a **transtasman travel** bubble up and running by November [NZ Herald, 29.09.20]. План федерального правительства и*

туристических групп по возобновлению ослабевшего туристического сектора Австралии направлен на то, чтобы к 1 декабря были сняты ограничения на въезд в страну, а к ноябрю были запущены рейсы между Австралией и Новой Зеландией.

В коллокации *transtasman travel* (рейсы/путешествия между Новой Зеландией и Австралией для своих граждан) лексема *transtasman* используется в основном в Новой Зеландии и Австралии, чтобы определить отношения между ними. Данный термин происходит от географического объекта Тасманово море, которое находится между Новой Зеландией и Австралией. Существует много других словосочетаний, включающих эту лексему, например *transtasman commerce* – торговые отношения между двумя странами; *transtasman flight* – полет между Новой Зеландией и Австралией, *transtasman arrangement* – договоренность между Новой Зеландией и Австралией и др.

Концепт «дорога»

В Новой Зеландии концепт «дорога» чрезвычайно актуален, поскольку примерно два столетия назад коренные жители маори смешались с европейскими иммигрантами, которые проделали огромный путь, чтобы добраться до острова, следовательно, данный концепт глубоко укоренился в культуре народа. Данному факту свидетельствует новозеландский кинематограф, в котором особо популярны такие фильмы, как «Властелин колец» и «Хоббит», где главные герои отправляются в путь на встречу приключениям.

US stocks are now on track for their worst week since the Global Financial Crisis [NZ Herald, 28.02.20]. Американские фондовые индексы сейчас приближаются к худшей неделе со времен мирового финансового кризиса.

Коллокация *be on track* относится к концепту «дорога» и используется с целью передать неизбежное приближение мирового финансового кризиса.

*The government recently extended a travel ban to and from China for another eight days and yesterday Universities New Zealand international programmes committee chair Grant Guilford said time is **running out** for New Zealand universities to get a special exemption to allow about 6,000 students currently stranded in China to start the first semester here [NZ Herald, 28.02.20].* Недавно правительство продлило запрет на поездки в Китай и из Китая еще на восемь дней, и вчера председатель Комитета по международным программам университетов Новой Зеландии Грант Гилфорд заявил, что время для новозеландских университетов, чтобы получить специальное послабление, позволяющее примерно 6000 студентам, в настоящее время застрявшим в Китае, начать здесь первый семестр **истекает**.

Коллокация *to run out*, выраженная фразовым глаголом указывает на быстротечность времени в контексте различных экономических событий.

Концепт «человек», фрейм «строительство»

*«This is a barrier to creating a **strong pipeline** of diverse directors for New Zealand companies and other organisations and obstructs the recruitment and retention of women on boards,» the document said [NZ Herald, 05.09.20]. «Это является препятствием для создания **устойчивой цепочки** разнообразных директоров для новозеландских компаний и других организаций и также препятствует набору и удержанию женщин в советах директоров», – говорится в документе.*

К концепту «человек» относятся все реалии, которые прямо или косвенно связаны с человеком, его бытом, деятельностью и всем, что было им создано. В данном примере мы видим коллокацию *strong pipeline*, которая пришла в экономический дискурс из строительной сферы,

так как изначальное значение данной лексики – трубопровод. Согласно контекстуальному анализу, данная коллокация используется с целью передать ощущение устойчивости и показать, что компании с разными директорами будут существовать так же долго, как и трубопровод, который считается надежной частью жилищного помещения и служит человеку долгие годы.

Концепт «противостояние», концепт «человек»

*The year-on-year price jumps showed how fears of an economic fallout from the Covid-19 pandemic had barely **dented housing market confidence**, Valocity's James Wilson said [08.10.20]* По словам Джеймса Уилсона из компании Valocity, годовые скачки цен показали, как опасения касательно экономических последствий от пандемии Covid-19 едва ли отрицательно повлияли на доверие участников рынка жилья.

В данном примере мы видим два концепта: противостояние и человек. Концепт противостояние выражен лексемой *to dent*, которая обозначает *наносить ущерб/делать вмятину*. Данная лексема указывает на противостояние рынка жилья и последствий Covid-19, которые могли бы нанести ущерб данному рынку. Лексема *confidence* относится к концепту «человек», так как обозначает личностное качество человека. Автор употребляет лексику *confidence* в данном контексте с целью олицетворения жилищного рынка, придания ему человеческих качеств и проведения сравнения между жилищным рынком и народом, который так же претерпевает значительный ущерб.

Как мы видим, основными концептами в экономическом дискурсе Новой Зеландии, являются природа (48%), дорога (22%), человек (16%) и противостояние (14%). Все вышеупомянутые концепты относятся к основным человеческим качествам, поскольку новозеландцы, живя в

стране с высокоразвитой экономикой, сохраняют верность культуре и образу жизни своих предшественников: возделывают свою землю, разводят скот, занимаются сельским хозяйством, наслаждаются своим досугом и т. д.

Разные концепты служат для передачи разных коннотаций, ощущений и, следовательно, оказывают разное воздействие на читателя. Концепт «человек» указывает на присутствие в экономическом дискурсе антропоморфизма, что отражает зависимость экономики от человеческих действий. Концепт «противостояние» отражает текущее состояние экономики, вызванное эпидемией вируса, которая повлияла на все сектора экономики и привела к экономическому кризису. Концепт «дорога» в выявленных примерах передает ощущение неизбежности и приближения различных экономических явлений. Наконец, концепт «природа» включает в себя такие коннотации как процветание, разрушение, устойчивость и др.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00515.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева – М. : Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
2. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество». – М.: Московский институт иностранных языков; Российская академия лингвистических наук; Институт языкознания РАН; Научный журнал «Вопросы филологии». – 2007. – С. 86-95.
3. Жарина О.А. «Концепт» vs «фрейм»: проблема дефиниции и соотношения понятий в современной когнитивной лингвистике // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – № 3(20). – С. 43-45.
4. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы

- когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-80.
5. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
6. *Карасик В. И.* Концепт как единица лингвокультурного кода // Известия ВГПУ. – 2009. – №10. – С. 4-8.
7. *Кубрякова Е.С.* О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. Сборник обзоров. Серия «Теория и история языкознания» РАН. ИНИОН. – М., 2000. – С. 5-13.
8. Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / Отв. ред. серии В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Макс пресс, 2017. – Вып. 57. – 296 с.
9. *Malyuga E., McCarthy M.* English and Russian vague category markers in business discourse: Linguistic identity aspects // Journal of pragmatics. – 2018. – Vol. 135. – Pp. 39-52 .
10. *Evans V.* How Words Mean: Lexical Concepts, Cognitive Models, and Meaning Construction. – Oxford University Press, 2009. – 396 p.
11. *Sinclair J.* The phrase, the whole phrase and nothing but the phrase. Phraseology: An interdisciplinary perspective. – John Benjamins Publishing, 2008. – Pp. 407-410.
12. *Van Dijk T.A.* Discourse and Context. A sociocognitive approach. – New York: Cambridge University Press, 2008. – 267 p.
13. *NZ Herald.* – URL: <https://www.nzherald.co.nz/> (Дата обращения 21.10.2020).

CULTURALLY MARKED COLLOCATIONS IN NEW ZEALAND NATIONAL VARIETY OF ECONOMIC DISCOURSE

The article is devoted to the analysis of culturally marked collocations in the economic discourse of New Zealand. The authors define economic discourse and highlight its main characteristics. The article presents statistic data on the frequency of various conceptual types of collocations in newspaper sections. Special attention is paid to the cultural specifics of collocations

that reflect history, lifestyle, and traditions of the New Zealanders.

Key words: economic discourse, collocations, cultural linguistics, language variants

Э.К. ХЕРВИЛЬЯ

(Гранадский университет (Испания))

**Л.В. МОИСЕЕНКО,
М.А. ВИКУЛИНА, Т.В. УСКОВА**

*(Московский государственный лингвистический
университет (Россия))*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В ОБЛАСТИ ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ У СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Данная статья посвящена выявлению степени сформированности ассоциативно-вербальных связей и структуры правовых концептов на английском языке у студентов-юристов, углубленно изучающих английский язык и англо-американскую правовую систему, а также определению принципов закрепления ассоциатов.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, концепт, ассоциация

Введение

В процессе изучения иностранного языка у обучающегося складывается концептуальная картина мира, схожая с концептуальной картиной мира инофона. Вторично сформированные в процессе обучения структуры базовых концептов обнаруживают некоторые отличия от структуры

концептов в восприятии носителя языка. Особенно существенную роль совпадение ядра правового концепта у обучающегося иностранному языку и инофона играет для правовой коммуникации, где неточность восприятия и непонимание могут привести к негативным правовым последствиям. Отдельный интерес представляет то, что находится на периферии правового концепта у обучающегося, поскольку это может позволить скорректировать неверно сформированные иноязычные правовые концепты.

Структурирование знаний в процессе овладения иностранным языком, а также организация и форматирование смыслового пространства в ходе импортирования иноязычных концептов уже давно представляют значительный интерес для исследователей. За прошедшие годы предпринимались попытки соотнести уровень владения иностранным языком с построением ассоциативно-вербальных сетей на изучаемом языке, при этом оценивались не только слова-реакции, но и стабильность/разноплановость и однообразие/многообразие моделей ассоциирования.

Как показали результаты многочисленных исследований, более глубокий уровень владения языком приближает вербально-ассоциативные сети к тем, которые существуют в сознании инофона, то есть к паттернам, демонстрирующим одноплановость и стабильность.

Одним из наиболее востребованных методов установления ассоциативных связей, определения их прочности и оценке степени сформированности иноязычных концептов является ассоциативный эксперимент. В ходе данного исследования для оценки сформированности ассоциативно-вербальных сетей респондентам, студентам выпускных курсов юридических специальностей Московского государственного лингвистического университета, было предложено дать ассоциации на три

юридических термина «justice», «law» и «jury», что позволило установить наиболее частотные реакции и принципы закрепления ассоциатов на основании синонимии, антонимии и синтаксической сочетаемости.

Ассоциативный эксперимент как способ реконструирования ассоциативно-вербальных связей на иностранном языке

Термин ассоциация используется в психолингвистике и обозначает связь или отношение между идеями, понятиями или словами, которые существуют в сознании человека, причем возникновение одного элемента влечет за собой появление другого [Sinopalnikova, 2003; Азарова и др., 2020]. Г.А. Миллер отмечает эффект узнаваемости ассоциаций: респонденты быстрее предлагают ассоциации на знакомые слова-стимулы, либо в случае, если предложенные слова-стимулы предъявлялись им ранее [Miller, 1996].

По мнению многих исследователей, наиболее простой экспериментальной техникой, позволяющей раскрыть механизм ассоциаций, является свободный ассоциативный эксперимент (САЭ), в ходе которого респондентам предлагают список слов-стимулов (в устной или письменной форме) и просят назвать первое, что приходит в голову. Таким образом, появляются данные, которые позволяют судить о том, как знания структурированы в сознании человека. Результаты САЭ, в которых респонденты предлагали ассоциации на сотни и тысячи слов-стимулов, оформляются в виде таблиц и называются Word Association Norms (WAN) или Word Association Thesaurus (WAT) в зависимости от количества ассоциаций [Sinopalnikova, 2003; Азарова и др., 2020].

Некоторые исследователи, например, И. Истифчи, Х. Крузе, Б. Волтер и другие пытались в ходе САЭ установить связь между уровнем владения языком и ответами на слова-стимулы. Они утверждали, что

ассоциативный тезаурус может являться средством оценки уровня владения языком [Istifci, 2010; Kruse et al., 1987; Wolter, 2002)]. Однако выводы данных исследований позднее подверглись критике.

Исследование Б. Волтера [Wolter, 2002] обнаружило, что ассоциации на иностранные слова, предлагаемые лицами, изучающими иностранный язык, «не-носителями» языка, не имеют связи с уровнем владения языком. Исследование Д. Рида [Read, 1993] было направлено на изучение того, насколько хорошо студенты, изучающие английский язык, владеют «обязательным минимумом» английских слов, необходимых для осуществления образовательного процесса на английском языке (“academic words”). Тест Д. Рида состоял из слова-стимула, за которым следовало еще восемь слов, четыре из которых были семантически связаны с ним, а еще четыре не были. Д. Рид ставил своей целью оценить знание испытуемым значения слова, лексем, с которыми оно ассоциируется, и словосочетаний, в которых оно встречается. Д. Рид выделил три типа ассоциаций:

А. Прагматическая: два слова являются синонимами или, по крайней мере, схожи по значению, возможно, одно имеет более общее значение, чем другое;

Б. Синтагматическая: два слова являются элементами, которые часто встречаются в предложении;

В. Ассоциация, отражающая или иллюстрирующая один аспект или компонент значения слова-стимула и, следовательно, способная быть частью словарной дефиниции данного слова [Read, 1993, с. 359].

В результате своего исследования Д. Рид пришел к выводу, что носители языка имеют удивительно стабильные модели (паттерны) ассоциаций, что может указывать на сложные лексические и семантические связи, которые развились в результате процесса овладения языком. С другой стороны, «не-носители» языка демонстрируют более

разноплановые и нестабильные ассоциации: зачастую их ответы основаны на фонологических, а не на семантических связях со словом-стимулом [Read, 1993, с. 358].

Как указано в работе Д. Ричардса [Richards, 1991], данные, полученные в ходе САЭ, предоставляют информацию о психологическом структурировании вокабуляра индивида, которое может быть исследовано на основании синтаксических и семантических взаимоотношений между словами.

Ассоциативно-вербальные связи в области правовой коммуникации (на материале ассоциативного эксперимента)

В свободном ассоциативном эксперименте приняли участие 100 выпускников юридического факультета, углубленно изучавших юридический английский язык и правовые системы Англии и США. Респондентам было предложено дать ассоциации на английском языке к словам стимулам «justice», «law» и «jury». В задачи эксперимента входило, во-первых, выявление сформированных ассоциативно-вербальных связей на иностранном языке в области права, и, во-вторых, оценка овладения учащимися иноязычными правовыми концептами.

Следует отметить, что, с одной стороны, предложенные респондентами реакции обнаружили разнообразие ассоциативных связей, с другой стороны, большая часть участников эксперимента предлагали ассоциации по принципу синонимии.

Так, 14% респондентов в качестве реакции на слово-стимул *justice* предложили синонимичные по значению слова *fairness* и *equity*. Еще 10% отметили в качестве ассоциаций те аспекты, которые, по их мнению, должно обеспечивать правосудие: *equality*, *right*, *impartiality*, *peace*.

Эксперимент позволил установить, что в ассоциативно-вербальную сеть со словом *justice* у студентов, углубленно изучавших юридический английский язык,

оказались включены как участники процесса, предполагающего отправление правосудия, так и органы, осуществляющие эту функцию: 18% респондентов предложили реакцию *court*, еще 14% связали правосудие с такими понятиями, как *judge*, *lawyer*, *police/policeman*. Мы полагаем, что данные ассоциации закрепляются в сознании учащихся за счет использования дискурсивного подхода в обучении юридическому английскому языку, а также за счет частотности употребления слова *justice* в контексте судебного процесса, в том числе, в качестве синонима слову *judge*.

С нашей точки зрения, представляется интересным, что, по сравнению с проводимым ранее ассоциативным экспериментом на русском языке с использованием этих же правовых концептов, ассоциации с английским словом *justice* обнаружили меньшее количество негативных реакций – всего 6%.

Реакции, основанные на антонимии и сочетаемости лексических единиц, были представлены всего в 2% случаев: *injustice* – 1%, *to do* – 1%.

Значительно большее количество реакций, основанных на устойчивых словосочетаниях, было предложено в случае со словом-стимулом *law*: *to obey*, *to study*, *to breach* – 12%. Антонимов к английскому слову «закон/право» предложено не было, зато реакции, основанные на синонимии, составили 18% ответов респондентов: *rules*, *statute*. Шесть процентов респондентов назвали конкретные отрасли права, а еще 6% – их материальный носитель: *code*, *book constitution*.

Представляется интересным тот факт, что среди реакций студентов, изучавших юридический английский язык, были обнаружены ассоциации, непосредственно связанные с областью образования: *to study* и *faculty*. Данные реакции не являются частотными и связаны, с нашей точки зрения, с ситуацией овладения англоязычными правовыми

концептами. Мы склонны предполагать, что данный аспект концепта *law* в большей степени присущ восприятию, сформированному в процессе освоения иностранного языка, и будет находиться на периферии данного концепта у инофона.

Участники процесса правовой коммуникации (*attorney, judge, government*) также оказались представлены в числе реакций, однако оказались наименее частотными – 3% ответов респондентов.

Наиболее частотные реакции на слово-стимул *jury* распределились по трем основным категориям: ассоциации, связанные с судебным процессом (*court, trial, bench*) – 40%, ассоциации, связанные с составом жюри (*twelve, people, lay, men*) – 10%, характеристики, ассоциируемые с присяжными заседателями (*fair, just, impartial, angry*) – 12%. Проводимый ранее на русском языке ассоциативный эксперимент с использованием этих же правовых концептов не выявил прочных ассоциативных связей между словами «суд» и «жюри». На этом основании, мы полагаем, что на установление прочной связи между английским словом *jury* и лексемами, вербализующими различные аспекты судебного процесса, оказывает влияние популярность суда присяжных в англо-американской системе и частотность обращения к данной процедуре в процессе изучения юридического английского языка и правовых систем Соединенного Королевства и США.

Заключение

Таким образом, представляется возможным сделать следующие выводы:

1. В процессе углубленного изучения юридического иностранного языка и правовой системы страны изучаемого языка за счет опосредованного погружения в реалии правового пространства инофона у обучающихся наблюдается формирование иноязычных правовых концептов.

2. Процесс формирования иноязычных правовых концептов сопровождается выстраиванием прочных ассоциативных связей между правовыми понятиями, прежде всего, на основании синонимии.

3. Дискурсивный подход в обучении позволяет сформировать у обучающегося представление о профессиональной картине мира носителя языка и максимально приблизить вербально-ассоциативную сеть обучающегося в области правовой коммуникации к ассоциативно-вербальной сети инофона.

Результаты данного исследования в дальнейшем могут быть использованы в рамках более крупных научных проектов для выявления закономерностей формирования ассоциативно-вербальных связей между юридическими терминами на русском и английском языках, а также для коррекции вторично сформированных иноязычных правовых концептов с целью обеспечения успешной правовой коммуникации.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00466.

Литература

1. *Азарова И.В., Митрофанова О.А., Синопальникова А.А.* (Кафедра математической лингвистики СПбГУ Компьютерный тезаурус русского языка типа WordNet) – URL: http://www.interface.ru/iarticle/files/36208_70277329.pdf (Дата обращения 06.09.2020)

2. *Bahar M. & M. H. Hansell.* The relationship between some psychological factors and their effect on the performance of grid questions and word association tests. *Educational Psychology*. – 2000 – Vol. 20. – № 3.

3. *Istifci I.* Playing with Words: A Study on Word Association Responses 2010. – URL: https://www.researchgate.net/publication/42637325_PLAYING_WITH_WORDS_A_STUDY_ON_WORD_ASSOCIATION_RESPONSES (Дата обращения 06.09.2020)

4. *Kruse H., Pankhurst J., Smith M. S.* A multiple Word Association Probe in Second Language // *Studies in Second Language Acquisition*. – Vol. 9 – Iss. 2. – Cambridge University Press, 1987. – Pp. 141-154.

5. *Miller G. A.* The Science of Words. – New York: Scientific American Library, 1996. – 276 p.

6. *Read J.* The development of a new measure of L2 vocabulary knowledge // *Language Testing*. – 1993. – № 10. – Pp. 355-371.

7. *Richards, J. C.* The Context of Language Teaching. – Cambridge: CUP, 1991. – 228 p.

8. *Sinopalnikova, A.* Word Association Thesaurus as a Resource for Building WordNet // P. Sojka, K. Pala, P. Smrz, C. Fellbaum, P. Vossen (Eds.): *GWC 2004, Proceedings*. – 2003. – Pp. 199-205.

9. *Wolter B.* Assessing proficiency through word associations: is there still hope? // *System*. – 2002. – Vol. 30. – Pp. 315-329.

SOME SPECIFIC FEATURES OF FOREIGN LANGUAGE LEGAL CONCEPT FORMATION IN PERCEPTION OF LAW STUDENTS

The research focuses on revealing how well associative-verbal links and structures of legal concepts have been formed in the minds of law students, who study legal English and the Anglo-American legal system, as well as to examine the principles according to which associates get fixed in their minds.

Key words: free associative experiment, concept, association

(Московский государственный лингвистический университет; Российский университет дружбы народов)

**ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ
В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ (МЕТОДИЧЕСКИЕ
ПЕРСПЕКТИВЫ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ)**

Исследование посвящено семантическим и прагматистическим особенностям ономастических единиц в немецкоязычных СМИ, а также особенностям их функционирования и воздействия на читателя, методическим перспективам в процессе изучения иностранного языка (в аспекте стилистического анализа публицистического текста).

Ключевые слова: имена собственные, ономастическая компетенция, медиадискурс, личность, воздействие.

Как известно, лингвистическое положение в системе языка и экстралингвистические факторы, влияющие на формирование семантической структуры имен собственных и их функционирование, обуславливают особенности любого ономастического материала. Ученые единодушно заявляют об особом положении ИС среди других единиц именного класса (работы О. Есперсена, Е. Куриловича, А.А. Белецкого, А.А. Реформатского, Б. Рассела, А.В. Суперанской, В.А. Никонова, В.И. Супруна и др.). Широко известна мысль В.А. Никонова: «Собственные имена образуют в языке особую подсистему, в которой и общезыковые законы преломляются специфически, и возникают свои закономерности, которых нет в языке вне ее» [Никонов, 1974, с. 6].

О сущностной природе ИС размышляет и А.В. Суперанская: «Даже наиболее «чистое» лингвистическое изучение имен не может не выходить за

пределы одних лишь языковых возможностей, и лингвисту все время необходимо иметь в виду внеязыковые ассоциации собственных имен. Из них первое место по справедливости принадлежит социальным факторам, которые в свою очередь находятся в неразрывной связи с историей, политикой, экономикой <...>. Факторы, определяющие идеологию общества, непременно оказывают влияние на имена» [Суперанская, 1970, с. 8].

Подтверждением выше сказанного является ономоупотребление в немецких публицистических текстах. Так, в газете *Die Welt* (12/11/2019) зафиксирован заголовочный оним *Die vereinigten Alten von Amerika*. Очевидна природа этой единицы: оним образован от устойчивого словесного комплекса нефразеологического типа (Klasse IV – lexikalische Einheiten (FWK nichtphraseologischen Typs/ по классификации И.И. Чернышевой) [Ольшанский, 2005, с. 217].

Отметим, что в русском языке первичное составное наименование *Соединенные Штаты Америки* (*Vereinigten Staaten von Amerika*) входит в ядро ономастической лексики, обозначая географический объект и являясь топонимом (именно антропонимы и топонимы образуют ядерную часть ономастического поля в любом языке). В сущности, трехкомпонентность русской антропонимической модели (*Александр Сергеевич Пушкин*), на наш взгляд, также наводит на мысль о принадлежности составных наименований именно к классу онимов – «слов и словосочетаний, которые служат для выделения и идентификации единичных объектов (одушевлённых и неодушевлённых), выражают единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» [Подольская, 1990]. Поскольку такие сложные (расчлененные) по структуре лексические единства характеризуются единичным сцеплением компонентов и их свободным лексическим значением одновременно, отличаются устойчивостью (*Stabilität*) и воспроизводимостью

в речи (Reproduzierbarkeit), но не идиоматичностью (Idiomatizität), то на этом основании их можно было бы считать фразеологическими, а не ономастическими единицами. Однако та же И.И. Чернышева не относит лексические единства к фразеологии, так как в составе их компонентов отсутствует семантическое преобразование. Важно отметить, что структурно-семантическая классификация фразеологических единиц немецкого языка И.И. Чернышевой получила значительное распространение в германистике. Принципы этой классификации были заимствованы автором из известной классификации акад. В.В. Виноградова. Однако не все положения его классификации применимы к немецким фразеологизмам, поскольку фразеологические единицы в немецком языке обладают большей подвижностью компонентов, чем в русском (на это указывает и сама классификация И.И. Чернышевой, отличающаяся дробностью членения фразеологического поля немецкого языка). Во фразеологической концепции последней под *фразеологизмами* понимаются устойчивые словесные комплексы различных структурных типов с единым сцеплением компонентов, значение которых возникает в процессе полного или частичного семантического преобразования компонентного состава. Следовательно, считать фразеологизмами лексические единства при невыполнении главного условия – «семантического преобразования компонентного состава» – невозможно, что позволяет сделать вывод о сходстве языкового статуса составных наименований в русистике и германистике. Итак, *заголовочные ИС* в немецких публицистических текстах – это такие ономастические единицы, которые отличаются сложной грамматической структурой и специфическим (многомерным) прагматическим (коннотативно-стилистическим) значением, выполняющие в текстах смысло- и текстообразующую функции и реализующие собственно номинативную (номинативно-дифференцирующую) функцию языка.

Подтверждением сказанного является и приведённый нами выше пример *Die vereinigten Alten von Amerika*. Убедившись в языковом статусе составных наименований, рассмотрим семантический и прагматилистический потенциал онимов. Статья Ханнеса Штайна под названием «*Die vereinigten Alten von Amerika*» носит сатирический характер: автор высмеивает возраст мировых политиков, в частности – политиков в США, употребляя такой термин, как «геронтократия». По его мнению, именно возраст политиков в каждой стране определяет круг программных заявлений кандидатов в президенты и в правящие партии (например, Дональд Трамп в свои 73 года заявляет о необходимости улучшения медицинского обслуживания в стране). Такие *Die vereinigten Alten von Amerika* оставляют без внимания реальные проблемы молодого населения страны (по статистическим данным, средний возраст жителей США составляет 37,6 лет, в то время как средний возраст политиков – 75 лет). В таком положении дел Х. Штайн видит серьёзную угрозу будущему мировых держав: крупные финансисты и бизнесмены в разных странах сегодня – это чаще молодые люди в возрасте 35 лет (в среднем). И эти молодые и перспективные, талантливые люди (например, Марк Цукерберг), способные изменить государственные системы, на выборы не идут и в государственном управлении не участвуют (автор называет причины этого). Следовательно, не будучи услышанными, такие молодые люди отдают пальму первенства «геронтократам», обрекая государства на демографический крах.

Однако Х. Штайн не только высмеивает существующую в США проблему «геронтократии», но и с болью критикует немецких правителей, которые следуют примеру американцев. Он напоминает об активности молодых правителей в других европейских государствах, в государствах Латинской Америки и смело заявляет о том, что пришло время изменить существующий порядок жизни.

Совершенно очевидно, что в процессе интерпретации первичного текста статьи Х. Штайна оним *Die vereinigten Alten von Amerika* играет особую роль. Во-первых, удачно выстроенный автором каламбур (замена одного из компонентов привычного топонима *Соединённые Штаты/Старики Америки*) актуализирует целый комплекс денотативно-сигнификативных (ядерных, категориальных и субкатегориальных сем) компонентов значения ИС: «предмет/ одушевленный – неодушевленный»; для одушевленного предмета – «человек/ возраст». Во-вторых, семантические преобразования компонентов ИС (а о сигнификате онима в данном случае мы можем говорить именно в контексте слова *Alten*) привели и к актуализации коннотативных сем составного наименования, представляющих импликационал его значения. Речеконтекстные приращения ИС *Die vereinigten Alten von Amerika*, а также лингво-литературоведческий анализ статьи в целом позволили понять следующее: «нерушимость» Америки как некогда мощной сверхдержавы сегодня оказалась под вопросом и дала трещину. И если в былые времена топоним *Соединенные Штаты Америки* произносился с благоговейным страхом, вызывая целый комплекс мощных ассоциаций, то теперь носители разных языков с удовольствием «расшатывают» семантическую структуру этой лексической единицы, допуская замену компонентов в составном наименовании. В-третьих, такие замены оказываются весьма красноречивыми: не *Штаты*, а *Старики*, что дает предмету номинации дополнительные характеристики. Не сверхдержава, а устаревшее, отсталое государство, здоровье которого (в условиях геронтократии) вызывает сегодня большие опасения у мирового сообщества.

Заметим, что анализ семантических и прагматистических компонентов ИС *Die vereinigten Alten von Amerika* можно продолжить, поскольку значение ИС в тексте (в том числе – публицистическом) варьируется в

широких пределах. Полагаем, что оно потенциально открыто и зависит от многих факторов – лингвистических и экстралингвистических. К первым можно отнести наличие ближайшего и общего контекста (в терминологии Б.А. Ларина), в тесной и ощутимой зависимости от которого в условиях рече-текстовой коммуникации и «работает» ИС. К экстралингвистическим факторам, влияющим на степень восприятия и интерпретации прагматилистических (имплицитных, периферийных) компонентов значения ИС относятся ономастические представления участников коммуникации (активизированные и потенциальные). Такие представления составляют, на наш взгляд, специфическую компетенцию носителей языка – **ономастическую компетенцию** [Воронова, 2000, с. 168]. Выделяется 3 уровня ономастической компетенции читателя [там же]. Уровни такой компетенции языковой личности основываются, как правило, на лингвострановедческой информации, прагматических и вероятностных семах ассоциативно-образного происхождения, единых для языковой общности в тот или иной период ее развития и индивидуальных (в зависимости от возраста, социального статуса, уровня образования и воспитания читателя и т.д.). Важно отметить, что ИС в текстах (в том числе – публицистических) являются «концентрированным выражением культурологических реалий» (В.И. Карасик). В ономастическую компетенцию языковой личности входят прецедентные тексты культуры (Ю.Н. Караулов), или облигаторные произведения искусства (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров), т.е. известные каждому носителю языка явления литературы, живописи, скульптуры, зодчества, музыки, народного творчества.

Таким образом, семантико-стилистические трансформации ИС в тексте приводят к тому, что эти единицы становятся «безусловными» знаками текстовой действительности. Они участвуют в диалоге автора не только с читателем, но и со всей современной и предшествующей

культурой (М.М. Бахтин), так как в силу прагматической информативности часто оказываются знаками аллюзий, цитат и других включений (что и продемонстрировал Х. Штайн в статье газеты «Die Welt»). ИС в заглавии (в сильной текстовой позиции) способствуют раскрытию ведущей темы произведения, реализации авторской идеи-концепта и общей проспекции текста (*Politik nach Kissenlage/ Mach Mint! / Rückzug – was hat Sahra Wagenknecht jetzt vor?/ Richtig erben und vererben / Stuttgart ist ein starker Standort / Wenn Schlafmangel ängstlich macht / Wer tanzt, lebt gesünder* и т.д.). Это значит, что анализ ономастического материала и в цифровую эпоху остаётся важным этапом работы с текстом (как на родном, так и на иностранном языке), а изучение онимов очевидно способствует формированию «вторичной языковой личности», что и является конечной целью процесса освоения любого иностранного языка.

Литература

1. Воронова И.Б. Textoобразующая функция литературных имен собственных (на материале эпических произведений 19-20 вв.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Волгоград, 2000. – 225 с.
2. Никонов В.А. Имя и общество. – М., 1974. – 279 с.
3. Ольшанский И.Г., Гусева А.Е. Лексикология: Современный немецкий язык. Lexikologie: Die deutsche Gegenwartssprache: Учебник для студентов лингв.фак.высш.учеб.заведений / И.Г. Ольшанский, А.Е. Гусева. – М., 2005. – 416 с.
4. Подольская Н.В. Имя собственное // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 473-474.
5. Суперанская А.В. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен // Антропонимика. – М., 1970. – С. 7-17.

PROPER NAMES IN GERMAN-LANGUAGE MEDIA (METHODOLOGICAL PERSPECTIVES AND NEW OPPORTUNITIES)

The research is devoted to semantic and pragmatystylistic features of onomastic units in the German-language media, as well as the

features of their functioning and impact on the reader, methodological perspectives in the process of learning a foreign language (in the aspect of stylistic analysis of a journalistic text).

Key words: proper names, onomastic competence, media discourse, personality, impact

Е.В. РЫЖКИНА

(Московский государственный лингвистический университет)

АЛГОРИТМЫ МЕТАФОРИЧЕСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ ПО АНАЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе представлены некоторые результаты исследования механизмов системности в языке, важнейшим из которых выступает аналогия, регулирующая функционирование языка, в том числе процессы языкотворчества. Исследование выполнено на материале английских метафорических неологизмов.

Ключевые слова: алгоритм, аналогия, метафора, моделирование, неологизм, система

Проблема обновления языка, особенно его лексического состава, издавна интересовала исследователей-лингвистов, зарубежных и отечественных. В русской лингвистической традиции значительные труды, посвященные вопросам словотворчества, принадлежат, прежде всего, таким выдающимся ученым, как А. А. Потебня и И. А. Бодуэн де Куртенэ. Последним была высказана важнейшая мысль (актуальная по сей день) о том, что язык *in potentia* как система языковых категорий и номинативных средств в ходе своего функционирования «погружается» в живой процесс речетворчества и реализуется как «язык *in*

praesentia». «Статика языка есть только частный случай его динамики или скорее кинематики» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 12]. Следовательно, сам факт включения языковой системы в эволюционный процесс означает, с одной стороны, ее динамизм, а с другой стороны, определенную системность инновационных процессов в языке.

Данная идея получила более фундаментальное обоснование с позиций новой, когнитивно-дискурсивной парадигмы языкознания. Современный взгляд на язык – в его неразрывной связи с познавательной и мыслительной деятельностью человека – предполагает включение языка в когнитивные процессы, в том числе процессы категоризации и концептуализации (Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова, Н. В. Уфимцева, R. Langacker, A. Wierzbicka и др.). Тот факт, что язык напрямую участвует в формировании структур знания, также обуславливает системный характер языкотворческих процессов – в силу системности нашего сознания. Как известно, мы обрабатываем и осмысливаем новое знание, опираясь на готовые схемы и способность нашего мышления к «категоризации, ассоциированию, моделированию и т. п.» [Бабина, 2003, с. 4]. Соответственно любые новации в языке и, в частности, вторичные языковые явления обусловлены преобразованиями существующих когнитивных структур [Langacker, 1987; Бабина, 2003] и отражают результаты структурирования нового опыта.

Проведенная обработка данных лексикографических источников показывает, что, во-первых, преобладающее число лексических новаций в английском языке носит вторичный характер, т.е. новые единицы являются знаками вторичной номинации, образованными на базе уже имеющихся в лексико-фразеологической системе средств. Во-вторых, зарегистрированные новации не являются единичными, уникальными в своем роде новообразованиями, но имеют черты систематичности и упорядоченности. Причем это распространяется не только на неологизмы,

получившие некоторую степень устойчивости в языке, но и окказионализмы – разовые индивидуально-авторские новообразования. Последние, несмотря на видимое своеобразие в каждом конкретном случае, тоже встроены в систему, ибо они регулируются языковой нормой и создаются на основе имеющихся в языке номинативных средств.

Универсальным средством производства и систематизации лексических новообразований является аналогия, один из основных принципов развития языка [Бондарчук, Яроцкая, Шевелева, 2018]. Аналогия позволяет «говорящему легко переходить от корпуса известных ему форм к созданию новых (вследствие их новой комбинаторики благодаря следованию определенной модели, схеме и т.д.)» [Кубрякова, 1998, с. 31]. Это становится возможным в силу того, что аналогия – явление и языкового, и ментального уровня. Используя имеющуюся в системе языковую форму для создания на ее основе новой единицы, человек всегда исходит из подобия двух ментальных структур, благодаря чему новое смысловое содержание передается посредством модификации концептуальной схемы, представляющей уже познанное. Результаты такого преобразования находят отражение в измененной языковой форме. Так, неологизм *snail mail* (обычная почта) возник по аналогии с выражением *electronic mail* (электронная почта). Очевидно, что новое содержание в измененной концептуальной структуре ассоциируется с левым компонентом фразы – *snail* (улитка). Эта зоологическая метафора, символизирующая в англоязычной лингвокультуре медлительность, стала воплощением представлений современного человека об обычной почте – по контрасту с электронной.

Будучи экономичным номинативным средством, аналогия позволяет использовать для новой номинации часть языковой формы прототипа. В случае сверхсловных единиц неизменной обычно сохраняется конструкция – как своеобразное единство синтаксической структуры и

обусловленного ею значения единицы [Fillmore, Kay, O'Connor, 1988]. Данные корпусов свидетельствуют, что конструкция воспроизводится во всех новообразованиях по аналогии, что позволяет воспринимать их как модификации исходной единицы (прототипа) и на этой основе легко декодировать их актуальное значение, даже если лексический состав новообразования существенно отличается от исходного. Например, варьирование фразеологизма *golden hello* (щедрая денежная выплата потенциальному сотруднику с целью привлечения его в компанию) допускает широкий ряд лексических замен (*golden handshake / handcuffs / parachute* etc; *platinum / diamond handcuffs; brass safety-belt; tin parachute* и др.) – при неизменной конструкции, что дает возможность распознавать дериваты исходной идиомы, в том числе ее разовые модификации, и правильно толковать их.

Данный пример, кстати, демонстрирует возможность «серийного» продуцирования окказионализмов по заданной схеме, что ставит под сомнение распространенное мнение о том, что окказиональные явления уникальны в своем роде и «живут не сериями, а одиночками» [Земская, 2005, с. 181]

Возможность тиражировать конструкцию прототипа, заполняя ее слоты новыми лексическими компонентами, и тем самым создавать почти открытый ряд новообразований объясняет востребованность аналогии как средства обновления языковой системы. Важно, что продуктивность аналогии уравнивается ее нормирующим началом, упорядочивающим процесс словотворчества и позволяющим встроить новообразования в систему.

Как справедливо отмечает Е.А. Земская, аналогия используется в словотворчестве в равной степени для образования узуальных и окказиональных единиц. Только в первом случае действуют абстрактные правила (т.е. сложившиеся в системе языка номинативные модели – Е.Р.), а при создании окказионализмов прототип выступает как конкретный образец [Земская, 1996] (ср. *coining* у

Ч. Филлмора). Добавим, что в любом случае механизм аналогии опирается на закрепленную за конкретным прототипом модель вариативности, которая задается образцом его конструкции, соединенного с инвариантом концептуальной схемы (подробнее см. [Рыжкина, 2018]). Эта модель определяет вектор и границы варьирования каждой единицы и позволяет прогнозировать значение ее дериватов.

Очевидная схематичность образования новых единиц по аналогии предполагает наличие определенного алгоритма, согласно которому происходит трансформация прототипа при новаторском использовании конвенциональной единицы. Так, все дериваты идиомы *golden hello* – метафоры, построенные по образцу словосочетания N + N, где левый компонент N₁ обозначает металл (иногда минерал), символизирующий меру ценности чего-либо, а правый компонент N₂ – существительное с более широкой семантикой, которое метафорически передает идею встречи/прощания и/или сопутствующих им обстоятельств.

В коллокациях *helicopter parents/parenting* и *lawnmower parents/parenting* метафорически переосмыслен лишь левый компонент, который указывает на определенную систему воспитания. В обоих случаях имеется в виду чрезмерная забота родителей о детях. Первый оборот через образ вертолета изображает родителей, которые ни на минуту не выпускают детей из вида. Во втором за основу взят образ газонокосилки: подобно ей, излишне заботливые родители устраняют малейшие препятствия с пути своих детей. Действующий здесь алгоритм допускает широкий диапазон варьирования метафорического компонента в пределах, установленных общей моделью вариативности.

Таким образом, алгоритмичность образования номинативных единиц по аналогии значительно облегчает идентификацию новых вариантов существующих единиц, в том числе делает возможным их автоматизированный поиск, а также позволяет моделировать их свойства.

Литература

1. *Бабина Л. В.* Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи: монография. – Тамбов–Москва: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. – 264 с.
2. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. – М.: Из-во АН СССР, 1963. – Т.1. – 385 с.
3. *Бондарчук Г. Г., Яроцкая Л. В., Шевелева Е. О.* Аналогия в языке: теория и образовательная практика: монография. – М.: Изд-во ТРИУМФ, Лучшие книги, 2018. – 162 с.
4. *Земская Е. А.* Активные процессы словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995) / Воронцова В. Л., Гловинская М. Я., Голанова Е. И. и др.; Отв. ред. Е. А. Земская. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 90-141.
5. *Земская Е. А.* Словообразование как деятельность. 2-е изд., стереотипное. – М.: КомКнига, 2005. – 224 с.
6. *Кубрякова Е. С.* Аналогия // Языкознание. Большой лингвистический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. 2-е изд. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 31-32.
7. *Рыжкина Е. В.* Фразеологическая креативность в современном английском языке в условиях динамической синхронии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – Вып. 13 (807). – 2018 [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. — URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/13_807.pdf (Дата обращения 10.10.2020).
8. *Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor C.* Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of 'let alone' // *Language*. – 1988. – Vol. 64. – No. 3. – Pp. 501-538.
9. *Langacker R. W.* Foundations of Cognitive Grammar. – Vol. 1, Theoretical Prerequisites. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 516 p.

ALGORITHMS OF ANALOGY-BASED METAPHORICAL COINAGES IN MODERN ENGLISH

The research looks into the phenomenon of analogy as a key cognitive-linguistic mechanism that provides the systematic

quality of language change and creative functioning. The study is based on analogy-based English metaphorical neologisms.

Key words: algorithm, analogy, metaphor, modelling, neologism, system

1.3. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ XXI СТОЛЕТИЯ

Н.А. БОЖЕНКОВА, Т.И. КАЛИЧКИНА

*(Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина)*

ПОЛИКОДОВАЯ ИРОНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье исследуются механизмы создания и лингвопрагматический потенциал поликодовой иронии в медиаполитическом дискурсе. Выявлены основные функции поликодовой иронии, определен корпус риторических фигур, обуславливающих рефлексия иронического кода мема как интернет-конструкта.

Ключевые слова: ирония, политический дискурс, интернет-мемы, риторические фигуры

Современный политический дискурс, являясь важнейшей составляющей российской логосферы, во многом определяет контент различных СМИ, интернет-каналов и социальных сетей. Можно утверждать, что «медиаресурсы становятся не только средой и средством существования политического пространства, но и выступают как субъекты политической деятельности. Соответственно, политический дискурс XXI в. включает в состав участников новые группы

носителей языка и приобретает новые формы, позволяющие актуализировать и транслировать даже такие виды политической деятельности, которые ранее не получали легитимных форм проявления» [Боженкова, 2019, с. 80].

Важнейшим способом легитимации политических явлений (нередко имеющих разноречивую оценку электората) становится тропофигура иронии, придающая тексту образность и яркость и тем самым многократно усиливающая манипулятивный потенциал. Неудивительно, что ирония в различном знаковом оформлении не только постепенно заполняет информационное медийное пространство, но и во многом заменяет «классические» агитационные выступления: «использование интернет-мемов в избирательных кампаниях представляет собой новый тренд в современной политике» [Глухих, 2017, с. 90-96].

Отметим, что современные интернет-тренды, манифестирующие идеологические воззрения, можно рассматривать с различных позиций: (1) как некое фольклорное явление, которое выражает отклик народа на отдельные политические события или высказывания; (2) как продуманную PR-кампанию политиков и их команды. В первом случае – это стихийное, неуправляемое и бесконтрольное явление, во втором же случае создание каждого мема имеет четкое целеполагание (управление общественным сознанием, наделение конкретного политика позитивными или негативными признаками) и определяет стратегию и тактики взаимодействия с социумом.

Бесспорно, что процесс создания иронического кода и управления его (кода) рефлексией предполагает множество семиотических воплощений, но сама специфика медийных ресурсов диктует непереносимость сочетания сенсорных и перцептивных каналов, что приводит лавинообразному возрастанию коммуникативных явлений, которые мы определяем как *поликодовую иронию*. Лингвопрагматический

потенциал поликодовой иронии чрезвычайно широк, в связи с чем можно выделить несколько функций.

Первая функция поликодовой иронии – имплицитное выражение общественного мнения, чему способствует простор интернет-среды «как пространства открытого общения, обсуждения и выражения мнения» [Галинская, 2013, с. 91-98]. Это тот редкий случай, когда народ перестает быть пассивным реципиентом политической информации, он может сам формировать политическое пространство, выражая ироническое отношение к происходящему.

В качестве примера приведем мем 2018г., посвященный выборам Президента РФ (рис.1). В меме использованы фотографии всех кандидатов, кроме В.В. Путина, В.В. Жириновского и К.А. Собчак, т.е. (слева направо) П.Н. Грудина, С.Н. Бабурина, М.А. Сурайкина, Б.Ю. Титова и Г.А. Явлинского с ироничной подписью «Кто. Эти. Люди?». Поликодовость иронии в данном примере осуществляется взаимосвязью изображения и ряда стилистических фигур. Так, контаминирование риторического вопроса, риторического обращения и парцелляции подчеркивает «несерьезность» конкурентов В.В. Путина. Созданное паузирование, мейозис усиливают иронический подтекст.

Рис 1. Кто. Эти. Люди?

Вторая функция – выражение протеста – набирает всё большую популярность. Например, рис. 2 иллюстрирует

ответную реакцию россиян на пакет новых санкций, введенных странами Евросоюза против России. В данном случае проводником поликодовой иронии является креализованный текст. Невербальная составляющая мема (сама персоналия, мимика, жест) становится базисом риторических вопросов: очевидно, что их адресатами являются политики западных стран. Каламбуризация, построенная на паронимии, апострофе, вопрошении, гомеологии, заимословии, эпилеме и риторическом обращении, а также обусловленная буквальным значением второго риторического вопроса «а изоленты хватит?» (гипотипоза), актуализирует аллюзию на общеизвестный факт.

Рис. 2. Хотите изолировать Россию? А изоленты хватит?

Не менее часто в креализованные тексты поликодовой иронии вкладывается функция пропаганды патриотизма (см. рис.3). Такой мем можно назвать сюжетным, так как в нем есть зачин, кульминация и развязка — каждому этапу соответствует вопрос, символика страны и ответ школьника. Францию и Бразилию в меме символизируют их государственные флаги и географическое расположение, тогда как Россию — ситуация, которую невозможно представить в какой-либо другой стране. На фотографии представлен гротескный образ типичной русской пенсионерки, воплощающий смекалку, смелость,

нестареющую душу русского народа. Усиливает эффект ответ школьника, невербально дающий читателю понять, что Россия – не просто место на карте, Россия – она в сердце. Стилистические фигуры, ставшие основой для поликодовой иронии: акротеза, аллюзия, анадиплозис, анафора, антитеза, антиципация, вопрошение, геминация, гипотипоза, градация, заимословие, каламбур, остроумие, парцелляция и усугубление.

Рис. 3. Где Россия?

Таким образом, тропофигура иронии как значимый фрагмент современного политического дискурса выходит за рамки взаимодействия политических деятелей, она становится частью медиапространства и интернет-коммуникации. Субъектами иронического кода становятся не только представители оппозиции, но и первые лица государств, представители правящей партии, политическая элита в целом. Соответственно, поликодовая ирония, экзemplицирующаяся в интернет-мемах этноспецифичными вербальными и невербальными средствами, становится формой некой «обратной связи», демонстрирующей реакцию народа на действия властей, оказывается сегодня существенным инструментом политики.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 18-012-00574, № 19-312-90069.

Литература

1. Боженкова Н.А., Катышев П.А, Ионова С.В., Афанасьева Э.М., Саакян Л.Н. Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18. – № 3. – С. 76-92.
2. Галинская Т.Н. Контент-аналитическое исследование медийного образа российского политика (на материале комментариев интернет-пользователей о Б. Немцове) // Политическая лингвистика. – 2013. – № 4. – С. 91-98.
3. Глухих В.А., Елисеев С.М. Интернет-мемы как инструменты публичной политики // Дискурс. – 2017. – № 4. – С. 90-96.
4. Костомаров В.Г. Дисплейный текст как форма сетевого общения. // Russian Language Journal. – Vol. 60. – 2010. – URL: http://rlj.americancouncils.org/issues/60/files/Kostomarov_2010.pdf
5. Пророкова М. Почему политики боятся мемов? // FURFUR, 2016. – URL: www.furfur.me/furfur/freedom/howitworks/219457-pepe_strikes_again

POLYCODE IRONY IN THE MODERN MEDIA-POLITICAL SPACE

This article considers the creation mechanisms of polycode irony and its linguistic pragmatic potential in the political media space. The study also reveals the main functions of polycode irony and determines the framework of rhetorical figures, which define the reflection of the ironic code of a meme as an Internet construct.

Key words: irony, political discourse, Internet memes, rhetorical figures

**ВИЗУАЛЬНАЯ ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ**

В статье обозначены основные направления в области изучения визуальных прецедентных феноменов (относительного нового объекта лингвистических исследований), намечены перспективы их практического применения.

Ключевые слова: прецедентность, поликодовый текст, междисциплинарные связи

Активное вторжение визуальных форм хранения и передачи информации почти что во все сферы коммуникативного взаимодействия людей (не только художественную и масс-медийную, но также обыденную и научную) приводит к необходимости формирования новых методов исследования продуктов коммуникативной деятельности, «лингвоцентрический консерватизм» [Костомаров, 2005, с. 53] уступает место синергии методологий гуманитарных наук, объектом лингвистики становятся тексты поликодовые, значение которых рождает взаимодействие как минимум двух семиотических систем, в частности, естественного языка и языка иконического. Вместе с тем иконическая кодовая система и естественный язык способны транслировать знаки иных семиотических систем, апеллировать при помощи прецедентных визуальных феноменов (ПВФ) к культурной памяти общества.

Прецедентные визуальные феномены – материализованные в тексте значимые в познавательном и культурном отношении, эмоционально окрашенные, постоянно тиражируемые зрительные образы культурного пространства [Мардиева, 2016, с. 253-254] – активно

исследуются современными учеными (М.Б. Ворошилова, В.Е.Чернявская, Е.В. Бабич, М.Р. Бабикова, Л.В Дубовицкая, О.Н. Горбачева, В.А. Каменева, Ю.Б. Пикулева, Т.П. Романова, Р.Т.Садуов, К.А. Кондратюк, Е.А. Ронина, А.В. Дмитриева, М.В. Голомидова, Л.П. Амири, С.А. Герасимова, Н.Н. Вольская, Ю.И. Детинко, Р.И. Григорьев, Т.Ф. Петренко М.Б. Слепакова и др.), изучающими поликодовые тексты. Причем, кроме термина ПВФ, для обозначения указанных культурных знаков используются также такие словосочетания терминологического характера, как иконические прецедентные феномены, визуальная интертекстуальность / аллюзия / цитата и др.

При узком подходе ПВФ признаются знаки исключительно иконические: кадры из кинофильмов, рисунки, скульптуры и т.д. При широком подходе – знаки любой семиотической природы (невербального поведения, предметного мира). В последние годы к ПВФ относят архитектурные формы, национальные орнаменты и графемы, национально-культурные и социально-идеологические маркеры; образы известных писателей, ученых, политических деятелей, селебрити; мемы.

Исследование ПВФ ведется с применением разнообразных методов. Основной семиотический (а следовательно, и прагматический) метод дополняется, как правило, иными методами, в результате сегодня мы имеем достаточно репрезентативную картину специфики ПВФ как знаков особого рода:

1) дискурсивный анализ позволил выявить отличительные особенности использования ПВФ в рекламном, политическом, газетно-журнальном, художественном, научном (научно-популярном) дискурсах, в интернет-дискурсе;

2) функциональный метод способствовал установлению функций ПВФ: универсальных (аттрактивной,

смыслопорождающей, эмоционально-оценочной, воздействующей) и частных (в рекламе – имиджеобразующей, проспекции и ретроспекции; характерологической, сатирической, аргументативной, делимитативной, национально-культурной идентификации [Дубовицкая, 2012, с. 17-19; Горбачева, Каменева, 2014, с. 26; Романова, 2018], в художественной коммуникации – преодоления лакунарности текста, иконически креативного аттрактора [Бабич, 2017]; в политической – образной, разрушения стереотипов и предубеждений, моделирующей, парольной, людической [Бабикова, 2020] и др.);

3) методы лингвокультурологии позволили определить основные сферы-источники ПВФ. Кроме традиционных текстовых источников, называются культурные феномены определенной исторической эпохи, например, древнерусские [Романова, 2018, электронный ресурс], советские [Пикулева, 2008, электронный ресурс], а также специально создаваемые образы, имитирующие прецедентность [Амири, 2012, с. 34].

Следует отметить, что ученые относят ПВФ к числу визуальных стилистических средств [Горбачева, Каменева 2014, с. 124-127; Вольская 2015, электронный ресурс; Мардиева 2016, с. 332]. К числу продуктивных технологий актуализации прагматических функций ПВФ отнесены:

1) трансформации исходных ПВФ [Мардиева, 2016, с. 271-285; Радбиль, Помазов, 2020, с. 148; Shkurko, Mardieva, Shchuklina, Chudinov, 2016, с. 767-769];

2) визуальный блендинг – «смешение культурных смыслов из концептуально несовместимых областей» [Радбиль, Помазов, 2020, с. 148]. В качестве примера данного приема Т.Б. Радбиль, А.И. Помазов приводят мем в виде лица Фредерика Шопена (прецедентная личность в иконическом воплощении), на которого надеты пиксельные очки из популярного мема – изображения пса в очках [Там же];

3) «полипрецедентность» – «нанизывание... прецедентных визуальных образов» [Бабикова, 2020, с. 193]. Иллюстрацией полипрецедентности служит пример сочетания в националистическом дискурсе двух субсферисточников – «Мультипликации» и «Политической символики», а именно: а) рисованных мальчика и девочки с вкладышей жевательной резинки «Love is...»; б) официальных государственных символов нацистской Германии – флага и герба. Такое соединение, пишет М.Р. Бабикова, рождает новое прочтение текста: «Love is – это кидать зиги вместе» [Там же];

4) метонимический перенос «значения ПВФ на изображение, не обладающее собственной прецедентностью» [Амири, 2012, с. 35]. Например, мальчик на обертке шоколада «Кузя, друг Аленки» явно стилизован под известный всем россиянам образ девочки с обертки шоколада «Аленка», благодаря чему наполняется тем же значением, что и прецедентный образ [Там же].

Среди специальных работ, в том числе и прикладного характера, следует в первую очередь назвать диссертацию М.Р. Бабиковой. Ценность работы автора для практики судебно-лингвистических экспертиз «по делам о возбуждении социальной, расовой, национальной или религиозной розни» [Бабикова 2020, с. 9] и профилактики в сети Интернет национализма не вызывает сомнений.

ПВФ оказываются и тем инструментом, что способны успешно формировать наряду с коммуникативной и общекультурную компетенцию, а потому активно используются в практике преподавания русского языка как родного в школе [см., например: Мардиева, Щуклина 2020] и как иностранного в вузе [см., например: Андреева, Серова 2017].

Таким образом, на данном этапе научного изучения визуальной прецедентности происходит пополнение понятийно-терминологического аппарата исследователей

ПВФ; исследованы практики применения ПВФ в разных типах дискурса; установлены сферы-источники цитирования, основные функции и предназначение ПВФ, технологии их применения в различных целях.

Литература

1. *Амири Л.П.* Средства визуальной актуализации как графосемантическая разновидность языковой игры в креолизованных текстах рекламной коммуникации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2013. – Т. 13. – № 2. – С. 30-36.
2. *Андреева Н.Н., Серова Е.А.* Роль изобразительного материала в формировании лингвокультурологической компетенции иностранных учащихся художественного вуза // Актуальные проблемы гуманитарных наук: журнал научных публикаций. – 2017. – № 04 (апрель). – Ч. VII. – С. 7-9.
3. *Бабикова М.Р.* Вербально-иконическая прецедентность в современном русском националистическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2020. – 237 с.
4. *Бабич Е.В.* Коммуникативные особенности поликодового художественного текста (на примере романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба»): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М.: Московский городской пед. ун-т: 2017. – 166 с.
5. *Вольская Н.Н.* Прецедентные вербально-визуальные феномены как основа историографии в «Теребенёвской азюке» - первой политической карикатуре в России: электронный ресурс// Медиаскоп. – 2015. – № 3 // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25070995_46904122.pdf (Дата обращения 12.09.2020).
6. *Горбачева О.Н., Каменева В.А.* Визуальные стилистические средства в социальной интернет-рекламе или зарождение визуальной стилистики текста. – 2014 – № 2 (48). – С. 124-127.
7. *Дубовицкая Л.В.* Функции прецедентности иконических компонентов креолизованных текстов // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2012 – № 2. – С. 15-20.

8. *Костомаров В.Г.* Формы овеществления текста // Русская речь. – 2005. – № 2. – С. 47-56.
9. *Мардиева Л.А.* Социокультурная реальность и ее интерпретации в медиатекстах. Опыт интегративного исследования. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – 358 с.
10. *Мардиева Л.А., Щуклина Т.Ю.* Текстовое «насилие» (формирование корпуса прецедентных визуальных текстов) // Филология и культура. Philology and Culture. – 2020. – № 1 (59). – С. 224-229.
11. *Пикулева Ю. Б.* Прецедентные культурные знаки советского времени в коммерческой и политической отечественной рекламе [Электронный ресурс] // Советская культура в современном социопространстве России: трансформации и перспективы: Материалы науч. интернет-конф. Екатеринбург 28-29 мая 2008 г. – Екатеринбург, 2008. – URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1828/2/Part2%202008-12.pdf> (Дата обращения 12.11.2020).
12. *Радбиль Т.Б., Помазов А.И.* Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте интернета // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19. – № 1. – С. 140-154.
13. *Романова Т. П.* Этнокультурный маркер в логотипах российских фирм как рекламный стимул адресата [Электронный ресурс] // Медиалингвистика. – 2018. – № 5 (4). – URL: <https://medialing.ru/ehtnokulturnyj-marker-v-logotipah-rossijskih-firm-kak-reklamnyj-stimul-adresata/> (Дата обращения 29.09.2020).
14. *Shkurko V. Ju., Mardieva L.A., Shchuklina T.Yu., Chudinov A.P.* Poster images in a new linguistic and extralinguistic context // Amazonia Investiga. – 2018. – Vol. 7. – Núm. 12. – Pp. 320-324.

VISUAL PRECEDENCE: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

The study aims to identify new directions in the field of the phenomena of visual precedence, to outline the prospects for the practical application of the theory of visual precedence.

Key words: precedence, polycode text, interdisciplinarity

**МЕТАПРАГМАТИКА И ЖАНР:
НЕОБХОДИМЫЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ СИМБИОЗ
В ЭРУ ОНЛАЙН-МЕДИА?**

В статье рассматриваются дискурсы, рефлексивно отражающие сами себя или иные – внешние – дискурсы в разрезе жанровых свойств тех дискурсов, на которые они (рефлексивно) направлены. Материалом анализа послужили семь видео на платформе YouTube и комментарии пользователей к ним. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что использование жанровых ярлыков и любых других жанровых и «околожанровых» сигналов является частью метапрагматических рефлексий, знаний и идеологий, циркулирующих в реальных дискурсивных сообществах, формирующихся вокруг того или иного жанра.

Ключевые слова: прагматика, метапрагматика, метапрагматическая модель, жанр, жанроведение, дискурсивное сообщество, дискурс-анализ, лайфстайл-дискурс

Под обращением к прагматике дискурса мы понимаем рассмотрение дискурса в разрезе того, что «делает» субъект, используя речь, и/или что «происходит» в данном коммуникативном эпизоде (см. подробнее: [Silverstein, 1992; Silverstein, 1987]). Вслед за М. Сильверстеином собственно прагматику мы располагаем на уровне отдельных элементов поверхностной структуры, транслирующих смыслы, не сводимые к «значениям» языковых знаков, предопределяемых их местом в языковой системе. Такие элементы прагматической разбивки сигнализируют в **индексном режиме** и актуализируют какой-либо параметр

контекста [Silverstein, 1976; Silverstein, 1992; Silverstein, 1987]. Типичным примером здесь могут быть местоимения в паре «ты/Вы», «участвующие» не только чисто в семантическом пласте высказывания (являясь семантическими актантами), но и потенциально указывающие на или порождающие социальные отношения между коммуникантами.

Отдельные элементы подобного рода в реальном контекстуализированном высказывании [Чернявская, Нефедов, 2020] кумулятивно «дают на выходе» более-менее целостное (не сводимое к простой сумме отдельных элементов прагматической разбивки; см. подробнее [Agha, 2007, p. 24]) представление о том, что **происходит** в данном акте коммуникации. Такое представление вслед за Асифом Ага мы будем называть **метапрагматической моделью** данного акта [Agha, 2007]. Само же явление «метапрагматика» можно определить как рефлексивную осведомленность коммуникантов об использовании языка для реализации определенного социального действия (см. подробнее: [Verschueren, 2000]).

Одной из наиболее популярных жанроведческих школ в англоязычном пространстве является изучение жанров в рамках направления «Английский для профессиональных целей» (АПЦ). В АПЦ-подходах (помимо речевой формы) ключевыми в процессе анализа любого жанра являются две контекстуальные переменные – коммуникативная цель и дискурсивное сообщество. Обе эти переменные мы предлагаем теоретизировать в более широкой перспективе метапрагматики.

Коммуникативная цель является **ключевым критерием** выделения жанра и разграничения жанров, опирающихся на схожую речевую форму [Swales, 1990, p. 46]. В предлагаемой нами теоретической рамке коммуникативная цель рассматривается как **одна из переменных**, **предопределяющих** (вероятную)

метапрагматическую модель дискурса/сегмента, апеллирующего к определенному жанру, как для автора, так и реципиентов. В отличие от АПЦ-подходов мы также акцентируем важность рассмотрения такой цели как конструируемой в конкретных дискурсах в «метапрагматическом диалоге» между автором и его аудиторией [Spitzmüller, forthc.].

Обращение к субъектам, использующим некоторый жанр в своей деятельности или – иначе – дискурсивному сообществу [Swales, 1990, p. 24-32], также является ключевым методом в данном направлении. Изучение метапрагматики (как частного случая рефлексии, циркулирующей в дискурсивном сообществе) не обязательно требует применения метода интервью (практикуемого в школе «АПЦ»): его аналогом выступает изучение метапрагматических дискурсов – дискурсов, обсуждающих какие-то аспекты прагматики иных – внешних по отношению к ним – дискурсов [Spitzmüller, 2015; Spitzmüller, 2013]. Такие дискурсы (в форме комментариев к видео) и являются основным объектом нашего анализа.

Основным материалом для анализа послужили следующие видео, опубликованных на канале YouTube «alpha m.» [Alpha m. 1-7]:

- (1) *7 Things About Girls I Wish I Knew Sooner!*
- (2) *A Day in The Life of Alpha M.;*
- (3) *My New Daily Routine & Diet (A Day in the Life of Aaron Marino) 24 Hour Vlog;*
- (4) *Losing My Virginity (Brutally Honest Story);*
- (5) *Losing Everything!;*
- (6) *I'm Done;*
- (7) *Dealing with Coronavirus (COVID-19);*

Данный канал является одним из наиболее репрезентативных образцов современных лайфстайл-медиа [Молодыхенко, 2019b].

Будем исходить из того, что в лайфстайл-сегменте на YouTube (на каналах подобных рассматриваемому) используется четыре ключевых жанра – «лайфстайл-инструкция» [Молодыхенко, 2019а], «влог», «обзор» и «реклама».

Видео 1 является примером дискурса в жанре «лайфстайл-инструкция». В более ранних исследованиях (более ранней же вариации) данного жанра использовался ярлык *hot-tips* [Machin, Leeuwen van, 2007, p. 116-123]. Анализ демонстрирует, что дискурсивное сообщество также оперирует метапрагматическим ярлыком (МПЯ) *tips* или же ярлыком *advice* (1.1; 1.2). Использование жанровых МПЯ и акцентированное обращение к жанровой метапрагматике в данном случае происходит редко. Из первых 200 комментариев под данным видео (всего на момент контрольного среза под видео располагалось 1318 комментариев; здесь и далее все комментарии приводятся с незначительно откорректированной орфографией, пунктуацией и форматированием) первое использование МПЯ наблюдается в комментарии 92 (1.1). В оставшихся 108 комментариях такая метапрагматическая рефлексия встретила 5-6 раз (ср. 1.2).

(1.1) *Uncle Alpha, I appreciate **all the advice**; I wish you were around when I was a teenager <...>*

(1.2) *Absolutely love these life **tips**!*

Можно было бы предположить, что в случае с менее знакомыми дискурсивному сообществу формами рефлексия (относительно используемого жанра и его особенностей) будет более выраженной. Такая гипотеза подтверждается в случае с жанром «влог» (всего три видео из последних 100 на момент среза). Так, на 50-ой позиции (из 3373) располагается следующий комментарий, собравший на момент контрольного среза 1,5 тысячи лайков:

(2.1) *You would be a great **daily vlogger***

Данный комментарий провоцирует ряд ответных комментариев, также формулирующих различные оценочные смыслы, связанные с используемым жанром.

Встречающиеся в указанных примерах жанровые ярлыки можно было бы охарактеризовать как относительно закрепившиеся имена жанров (ср.: *vlog, advice, tips*). Однако комментарии изобилуют и такими отсылками, которые, с одной стороны, *так же* определяют исходный дискурс как некоторый тип (дискурса, социального действия, коммуникативного события и т. п.), но с другой – явно не являются формулировками, которые потенциально можно было бы использовать для именования жанров. Один из наиболее иллюстративных примеров встречается в самом тексте видео и иллюстрирует попытку автора его рефлексивной типизации, ср.:

(4) Today's video falls under the category of "why the hell am I telling you this?"

Данный тип по нашим наблюдениям (уже) является узнаваемым, но не самым распространенным (четыре видео из 100 на момент среза) на данном канале типом. Мы бы предложили в рабочем порядке обозначить данный жанр как «откровенный разговор». Намеченное самим автором видео отсутствие устоявшегося ярлыка, иллюстрируется отсылками, обнаруживаемыми в комментариях, ср.:

(4.1) I love these videos. Sometimes we need to have these conversations!

(4.2) Love the story time, alpha!

(5.1) Aaron, you should do more of these personal talks

(6.1) Thanks for reaching out. I was relieved to see your video today

Как близкие к таким формулировкам (которые можно было бы обозначить как «околожанровые») следует по нашему мнению рассматривать и формулировки подобного вида:

(6.2) Wow, for the first time I feel like he's being genuine

(6.3) *I love these videos; they are so **honest and raw***

(7.1) *I love the **spiritual side** he brings out very smoothly*

Такие примеры подчеркивают то, что жанровая типизация некоторого дискурса может рассматриваться как неотъемлемая составляющая массива прочих метапрагматических типизаций и смыслов, продуцируемых дискурсивными сообществами и отражающих то, что его автор «делает» и/или кем он «является». Такое положение вещей позволяет вновь подчеркнуть, что (контекстуализированные) дискурсы представляют собой не просто фиксацию и передачу некоторого содержания, но скорее весьма сложное хитросплетение такого содержания, социального действия и форм идентичности [Молодыхенко, 2017].

Литература

1. Молодыхенко Е. Н. Идентичность и дискурс: от социальной теории к практике лингвистического анализа // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – Т. 8. – № 3. – С. 122-133.
2. Молодыхенко Е. Н. Коммуникативно-прагматические особенности «лайфстайл-инструкции» как интернет-жанра в культуре потребления // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019а. – № 57. – С. 79-102.
3. Молодыхенко Е. Н. Что такое лайфстайл-дискурс? Две базовые функции новых лайфстайл-медиа в сети интернет // Коммуникативные исследования. – 2019b. – Т. 6. – № 3. – С. 726-743.
4. Чернявская В.Е., Нефедов С.Т. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 63. – С. 83-97.
5. Agha A. Language and Social Relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 427 p.
6. Machin D., Leeuwen T. van. Global media discourse: A critical introduction. – London: Routledge, 2007. – 200 p.

7. *Silverstein M.* Shifters, linguistic categories, and cultural description // *Meaning in anthropology* / K. H. Basso, H. A. Selby (eds.). – Albuquerque: University of New Mexico Press, 1976. – Pp. 11-55.
8. *Silverstein M.* The indeterminacy of contextualization: When is enough enough? // *The Contextualization of Language Pragmatics & Beyond New Series.* / P. Auer, A. Di Luzio (eds.). – Amsterdam: John Benjamins, 1992. – Pp. 55-76.
9. *Silverstein M.* The Three Faces of «Function»: Preliminaries to a Psychology of Language // *Social and functional approaches to language and thought* / M. Hickmann (ed.). – Orlando: Academic Press, 1987. – Pp. 17-38.
10. *Spitzmüller J.* Graphic variation and graphic ideologies: a metapragmatic approach // *Social Semiotics.* – 2015. – Vol. 25. – № 2. – Pp. 126-141.
11. *Spitzmüller J.* *Graphische Variation als Soziale Praxis.* – Berlin, Boston: De Gruyter, 2013. – 532 s.
12. *Spitzmüller J.* Ideologies of Communication: The Social Link between Actors, Signs, and Practices // *Speaking Subjects. Biographical Methods in Multilingualism Research* / J. Purkardhofer, M.-C. Flubacher (eds.). – Clevedon: Multilingual Matters, forthc.
13. *Swales J. M.* *Genre Analysis: English in academic and research settings.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 274 p.
14. *Verschuieren J.* Notes on the role of metapragmatic awareness in language use // *Pragmatics.* 2000. – Vol. 10. – №. 4. – Pp. 439-456.

Источники

1. Alpha m. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=ffVf0_bSAtk (Дата обращения: 28.06.2020)
2. Alpha m. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Nl-9cY13np8> (Дата обращения: 28.06.2020)
3. Alpha m. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=nP4W_Z89Hc (Дата обращения: 28.06.2020)
4. Alpha m. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=k9WlsqdWn0E> (Дата обращения: 28.06.2020)
5. Alpha m. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m5abiF91LAM> (Дата обращения: 28.06.2020)
6. Alpha m. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WUIpX6ZZ3P4> (Дата обращения: 28.06.2020)

7. Alpha m. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FSMyVVw2nxw> (Дата обращения: 28.06.2020)

METAPRAGMATICS AND GENRE: CONNECTING THE STRANDS

This article explores discourse fragments reflecting on fragments of (these very or other) discourses (so-called metapragmatic discourses) vis-à-vis any generic properties of the reflected discourse. The results indicate that any generic labels or cues are just part of a large pool of other possible metapragmatic meanings, knowledge, and ideologies circulating in discourse communities and certain genre studies may benefit from seeing them as such.

Key words: pragmatics, metapragmatics, metapragmatic model, digital genres, online media, discourse community, discourse analysis, lifestyle discourse

Н.А. САМЫЛИЧЕВА

*(Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского)*

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА

Статья посвящена анализу словообразовательных неологизмов в современной медийной речи с точки зрения их социокультурных особенностей в период пандемии COVID-19 (на материале русского и чешского языков).

Ключевые слова: словообразовательные неологизмы, социокультурные доминанты, ключевые слова, пандемия, оценочность, массмедиа

Актуальность данного исследования обеспечивается активно возросшей в последние несколько десятилетий популярностью окказионального словообразования в рамках медийного дискурса. В то же время нельзя не признать ценность билингвального сравнения и описания языковых явлений, что имеет большое дидактическое значение [Маркова, 2015].

Анализируя язык современных российских и чешских медиа, можно заметить, что окказиональное словообразование активно развивается в сферах, представляющих наибольший интерес для общественного мнения. При этом большую роль в современном окказиональном словообразовании играют так называемые «ключевые слова эпохи» (термин Е.А. Земской). Они генерируют целые группы однокоренных слов (словообразовательные гнезда и словообразовательные парадигмы). Активность ключевых элементов влияет не только на их словообразовательный потенциал, но и на отношения с другими единицами, актуализируя связи между словами в лексической системе языка.

Ключевыми являются «слова, обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания» [Земская, 2000, с. 92].

Одними из таких ярких ключевых слов, задействованных в современных словопроизводных процессах, являются ключевые слова *COVID-19*, *коронавирус*, *пандемия*, которые мгновенно стали международными ключевыми словами.

Появление международных ключевых элементов – вполне оправданный и ожидаемый процесс в рамках современного словообразования [Газда, 2001].

Пандемия сильно повлияла не только на жизнь в целом, но и на общественное сознание, что неизбежно отразилось на активном массовом словотворчестве. Чешские журналисты еще в апреле 2020 года отметили, что

коронавирус меняет чешский язык, созданы сотни новых слов: *Koronavirus mění češtinu. Vznikly už stovky nových slov, popisují lingvisté* (<https://ct24.ceskatelevize.cz/veda/3071100>).

Подобные мысли можно было найти и в российских СМИ (*Словарь эпохи коронавируса. Как изменился наш язык из-за пандемии* (<https://www.the-village.ru/city/city-guide/380605>)).

Большинство новых слов создается путем сложения, что в свою очередь, отражает яркую тенденцию агглютинации, проявляющуюся в славянских деривационных процессах. Возникновение агглютинативных композитов, образованных без помощи соединительной гласной в русском и чешском языках (а также в польском), Е.И. Коряковцева справедливо связывает с влиянием глобального английского языка [Коряковцева, 2016].

Популярной словообразовательной моделью как в русском, так и в чешском языках является агглютинативная модель образования сложных слов с первой неизменной частью *корона-* / *corona-* / *korona-*: *Спасаемся от коронаневроза. Как уберечь свою психику, советы невролога* (<https://zen.yandex.ru/media/yarina/spasaemsia-ot-koronanevroza-kak-uberech-svoiu-psihiku-sovety-nevrotika>); *Семь мифов на которых держится коронапсихоз* (https://riam.tv/news/187376/sem_mifov_na_kotoryih_derjitsya_koronapsih_oz.html); *Вирус как оружие. Кто инициировал коронаистерию?* (<https://zen.yandex.ru/media/kalashnikov>). *V Austrálii dochází v souvislosti s **coronapanikou** toaletní papír. Posílá jim z Evropy humanitární balíky je ale zcestné, bo na jižní polokouli je papír na ruličky namotán obráceně* (Twitter.com, 2020); *Prezident Alexandr Lukašenko tvrdí, že nejlepším lékem je pracovat, sportovat a chodit do sauny. Mluví o **koronapsychóze** a naznačuje, že paniku kolem nemoci si přeje nepřátelé režimu* (ct24.cz, 2020); *Předpovědi o hospodářských a sociálních následcích **coronadeprese** 2020 se předhánějí svoji pochmurností a odevzdaností...* (vasevec.cz, 2020); *Každopádně poslední*

kolekci jsem kompletně ani nedokončila nejspíše z “koronafrustrace” a zároveň jsem se k tomu už nechtěla vracet... (harpersbazaar.cz, 2020) и др.

Можно отметить, что слова с элементом *корона-* / *короно-* / *korona-* / *corona-* создают целый набор новых терминов, обозначающих болезненное состояние общества, людей во время пандемии 2020 года.

Пандемия серьезно повлияла на поведение, психологию людей, в связи с чем возникла необходимость выделить новый тип страхов, фобий, вызванных современными реалиями: Термин «**ковидофобия**» тоже на слуху, хотя официально не признан. Врачи пока сомневаются, что это какое-то отдельное заболевание, скорее обычная мнительность (<https://mir24.tv/articles/16405665>); **Koronafobie** nabrala v uplynulém měsíci opravdu groteskních podob a hrdě prohlašují, že naprostou většinu doporučení ministra zdravotnictví nedodrží (Internet, 2020) и др.

К сожалению, не только сам вирус угрожает населению любой страны, но и недобросовестные люди, использующие сложившуюся непростую ситуацию для обмана доверчивых граждан: **Корона-мошенники**: как доверчивых граждан обманывают во время пандемии (<https://yandex.com/news/story>); **Коронажулики**. Разумеется, на волне этой истории с коронавирусом активизировалось всякое жулье (<https://www.exler.ru/blog/koronazhuliki.html>); И теперь это целая индустрия «**корона-жуликов**» (<https://ren.tv/news/x/691989>); **Nadaci chtějí obrát koronapodvodníci...** Až 85 % žádostí o «korona» pomoc, které řeší Patron dětí, je podvodná (seznamzpravy.cz, 2020); **Policie zatkla člověka, který prodával respirátor za 1 000 korun. Média ho nazvala koronašmejdem** (Reflex, 2020) и др.

При анализе неологизмов обращает на себя внимание разница в написании русских единиц (слитное и дефисное написание) при единообразном сплошном написании

чешских производных. Внешний вид русских неологизмов отличается еще и тем, что при написании новых лексем возможно совмещение двух алфавитов – кириллицы и латиницы, что в целом также иллюстрирует один из активных процессов, происходящих в современной русской графике.

Значительное количество неологизмов выражает ироническое, шутливое отношение ко всему происходящему – появляются метафорические образы цирка, карнавала: *Учения кончились: 26 мая Путин «объявил парад», а 27 мая Минздрав приказал сворачивать COVID-цирк* (<https://yurasumy.livejournal.com/2725660.html>); *Koronacirkus či koronavirvál, během pandemie narozená koroňata a coby následek omezení obvyklých aktivit pak napřesrok nová generace koroniálů. Anebo také roušičky sehnuté nad šicími stroji, naroušitel či rouškokaz pohoršující spoluobčany pohybem na veřejnosti bez ústenky...* (Respekt, 2020) etc. В последнем примере можно отметить, что в текст включен ряд однокоренных новообразований, которые создают лексико-семантическое поле пандемии и являются ярким средством словообразовательной игры. На основе чешской лексемы *rouška* «маска» созданы гибридные производные: *roušičky* – *rouška* + *šičky* (маска + швея); *naroušitel* – *rouška* + *narušitel* (маска + нарушитель); *rouškokaz* – *rouška* + *stávkokaz* (маска + штрейкбрехер).

В будущем представляется перспективным рассмотреть все лексико-семантическое поле пандемии коронавируса, которое продолжает расширяться как в русском, так и в чешском языках.

Как видим, результаты исследования свидетельствуют о социальной направленности и ярко выраженном оценочном характере неологизмов в массмедиа, которые отражают особенности языковой картины мира представителей российского и чешского общества. Считаем в дальнейшем целесообразным проследить функционирование неологизмов

в медиатекстах с целью выявления принципов отражения в них социокультурных фактов современной действительности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003.

Литература

1. *Газда Й.* Интернационализационные словообразовательные тенденции в современном русском и чешском языках // *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity*. Brno: Linguistica Brunensia. – 2001. – Т. А49. – С. 127-135.
2. *Земская Е.А.* Активные процессы современного словопроизводства // *Русский язык конца XX столетия*. – 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С.90-141.
3. *Коряковцева Е.И.* Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). – Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2016. – 152 с.
4. *Маркова Е.М.* Лексиконы современных славянских языков: сходства и различия // *Филология и культура*. – 2015. – № 4 (42). – С. 98-105.

DERIVATIVE NEOLOGISMS AS SOCIOCULTURAL DOMINANTS IN THE RUSSIAN AND CZECH LANGUAGES OF THE MODERN PERIOD

Purpose of the study is to analyze word-formation neologisms in modern media speech in terms of their socio-cultural characteristics during the COVID-19 pandemic (based on the material of the Russian and Czech languages).

Key words: word-formation neologisms, socio-cultural dominants, keywords, pandemic, evaluativeness, mass media

1.4. КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

О.П. МАЛЫШЕВА, Н.А. РЯБЧЕНКО

(Кубанский государственный университет)

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ СЕТЕВОЙ ЛИНГВИСТИКИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ

В статье приводится анализ состояния цифровой социально-политической повестки дня «Коронавирус», проведенный посредством фолксономического анализа и метода графовой визуализации.

Ключевые слова: цифровая социально-политическая повестка, фолксономический анализ, хештеги, Твиттер, COVID19, сетевая лингвистика

Нарастающие изменения в общественно-политической жизни, связанные с усилением влияния информационно-коммуникационных технологий на все сферы жизнедеятельности граждан, особенно в период реформенных преобразований, кризисных и чрезвычайных ситуаций, приводят к необходимости исследования цифровой социально-политической повестки дня, формируемой посредством online-технологий как в online-, так и в offline-пространстве. Цифровая социально-политическая повестка, как совокупность дискурсивных полей, состоящих из сетевых данных, «больших данных» (Big Data), которыми в том числе являются хештеги, является мощным контрпропагандистским средством, способным нивелировать развитие деструктивных социальных практик в offline-пространстве при своевременной идентификации угроз. Аналитика текущего состояния цифровой социально-

политической повестки и предсказание вектора ее трансформации в online-пространстве является приоритетной задачей для любого государства в контексте обеспечения поддержки политических решений и удержания власти.

В формировании цифровой социально-политической повестки дня доминирующую роль на сегодняшний день играют социальные медиа. Это обусловлено «коммуникативным парадоксом» и расширенными технологическими возможностями, предоставляемыми социальными платформами и мессенджерами. За счет сетевой архитектуры коммуникативных взаимодействий социальные медиа облегчают и ускоряют распространение контента [Stuart, 2013]. Они способны создавать сообщества пользователей, разделяющих интересы, взгляды, мнения, и, поддерживая гражданские коммуникации, накапливать прагматический потенциал и инициировать социальное действие как в online-, так и offline-пространстве.

Социальные медиа обусловили трансформацию способов формирования цифровой социально-политической повестки. В последнее время, лаконичным способом выражения активной гражданской позиции, артикуляции мнения и привлечения внимания широкой общественности к острым социально-политическим проблемам стали хештеги. По данным Американского Диалектического Общества [American Dialect Society, 2012], в 2012 году слово #hashtag стало словом года. Начиная с 2014 года, наиболее значимыми хештегами и хештегами года становились #blacklivesmatter, #SayHerName, #NoDAPL, #MeToo, #neveragain, а в 2019 г. #BlackLivesMatter и #MeToo были номинированы в категории «Слово десятилетия» (2010–2019). Подобная тенденция отражает характерную особенность современной коммуникации – стремление к текстовой компрессии при расширении спектра смыслов, объема и скорости распространения за счет технологических возможностей, предоставляемых online-пространством.

Благодаря своей структуре и технологическим возможностям хештеги служат для привлечения внимания и создания выразительности, классификации информации, облегчения ее поиска в сети, а также закрепления определенной системы значений за конкретной единицей. За счет рекуррентности хештега в дискурсивном поле в определенном социально-политическом контексте, возникает устойчивое коннотативное поле хештега, которое в свою очередь влияет на восприятие всего контента, частью которого является определенный хештег. Таким образом, хештеги позволяют категоризировать действительность, закрепляя за определенным объектом реальности совокупность смыслов и коннотаций [Беловодская, 2019].

Использование социально значимых хештегов в online-пространстве является на данный момент одним из самых популярных способов привлечения внимания широкой общественности к острым социально-политическим проблемам [Al Hariri et al., 2019] и, как следствие, формирования цифровой социально-политической повестки дня. Хештеги позволяют объединять две части социального пространства: online и offline. Цифровая социально-политическая повестка дня, насыщенная социально-значимыми хештегами, способна продуцировать и продвигать конструктивные (равно как и деструктивные) социальные практики в online- и offline-пространстве. Формирование и популяризация таких социальных движений, как MeToo, Women's March, BlacklivesMatter, StayHome, МыВместе, деятельность которых вызвала широкий общественный резонанс, – это следствие влияния цифровой социально-политической повестки, насыщенной социально-значимыми хештегами на развитие социальных практик [Pew Research Center, 2018].

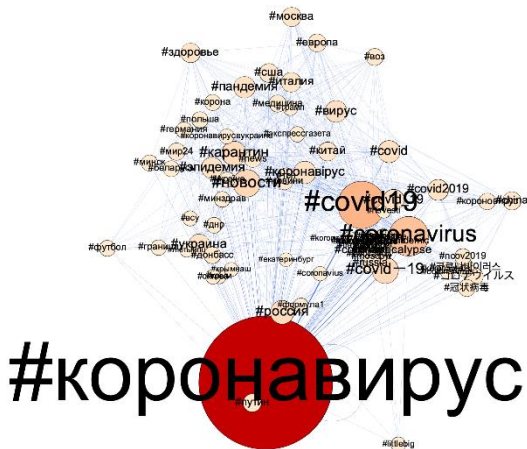
Для анализа сетевых данных мы применяем подход, согласно которому определяется точка входа в online-пространство – ключевое слово, тематика и платформа, из

которой осуществляется выгрузка данных. Это позволяет определить вектор и проводить целенаправленный майнинг сетевых данных [Ryabchenko, Malysheva, 2020]. Применение фолксономического анализа, метода графовой визуализации для анализа собранных сетевых данных и интерпретация полученных результатов посредством лингводискурсивного анализа позволяют оперативно обрабатывать и анализировать Big Data, что особенно актуально при анализе Fast Data.

В нашем исследовании мы проанализировали трансформацию и изменение цифровой социально-политической повестки для «Коронавируса», сформировавшейся ввиду кризисной ситуации, связанной с пандемией коронавируса. Эмпирической базой исследования послужили массивы сетевых данных, выгруженных посредством технологии API из социальной сети Twitter, в марте (первая неделя карантина в России) и сентябре (первая неделя сентября) 2020 г. Эмпирическая выборка для данного исследования включила в себя хештеги, употребляемые в сообщениях пользователями платформы Twitter в совокупности с ключевым словом ‘коронавирус’, а также фиксацию их взаимодействий для анализа активности их употребления как социального графа. Выборка хештегов в первую неделю карантина в марте 2020 г. составила 2038 единиц (9768 связей), а в первую неделю сентября – 3850 (25712 связей). С помощью программы Gephi мы составили два социальных графа «#Коронавирус-Март» и «#Коронавирус-Сентябрь», визуализировав взаимодействие хештегов, использованных пользователями Twitter, для выявления тематической основ данных графов (Рис.1 и Рис.2).

Анализ показал, что цифровая социально-политическая повестка «Коронавирус» при значительном увеличении интереса к ситуации «коронавирус-Covid-19»

значительно трансформировалась. Использование связки #коронавирус -> #covid19 в сентябре увеличилось в 2 раза.

**Рис. 1. Тематическая основа социального графа
«#Коронавирус-Март»**

**Рис. 2. Тематическая основа социального графа
«#Коронавирус-Сентябрь»**

Примечательными изменениями в цифровой социально-политической повестке 'март -> сентябрь'

является: привлечение большего круга социально-политических проблем к теме распространения коронавирусной инфекции; изменение приоритетов пользователей в выборе источника новостей о коронавирусе (телерадиокомпания РТС и ТСН -> ТАСС); смена статуса проблемы и признание её глобальности для России (#эпидемия -> #пандемия); трансформация настроений в пользу признания решаемости проблемы ('согопарocalypsis' -> #вакцина, #вакцинация, #учение, #пермь, #испытания); появление новых политических акторов (#минск, #беларусь, #мир24 -> #навальный, #беларусь, #лукашенко; #ковид19-#дезинформация); унификация написания названия (covid19, covid-19, ncov2019, covid2019, covid -> доминирование covid19 над другими формами).

В период реформенных преобразований, кризисных и чрезвычайных ситуаций, к которым относится пандемия коронавируса, возникает необходимость исследования цифровой социально-политической повестки дня, сформированной массивами сетевых данных. Время обработки этих данных влияет на процесс принятия решений в политической и социальной сфере. Необходимо разрабатывать новые методы сетевой лингвистики, позволяющие в короткие сроки оценить трансформацию и векторы развития цифровой социально-политической повестки, что позволит своевременно реагировать и нивелировать развитие деструктивных социальных практик и способствовать распространению конструктивного социального действия как в online-, так и offline пространстве.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-31626.

Литература

1. Беловодская А. А. Об исследовательском потенциале изучения хэштега как медиадискурсивного феномена // Медиалингвистика. – 2019. – № 6 (1). – № 6 (1). – С. 60-74.
2. Al Hariri Y., Magdy W., Wolters M. Arabs and Atheism: Religious Discussions in the Arab Twittersphere // Social Informatics. SocInfo. – 2019. – Vol. 11864. – Pp.18-34.
3. American Dialect Society. “Hashtag” Is The 2012 Word of The Year. 2020. – URL: <https://www.americandialect.org/hashtag-2012>.
4. Pew Research Center: Internet, Science & Tech. 2018. – URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2018/07/11/public-attitudes-toward-political-engagement-on-social-media>
5. Ryabchenko N. A., Malysheva O. P. Innovative Approaches in Linguistics: Network Analysis of Linguistic Data // EpSBS. – 2020. – Vol. 86. – P.1199-1209.
6. Stuart D. Online Information Review // Social Media: Usage and Impact. – 2013. – Vol. 37(3). – Pp. 486-487.

APPLICATION OF INTERNET LINGUISTICS IN THE STUDY OF DIGITAL SOCIO-POLITICAL AGENDA SETTING

The article reports the results of the study of the ‘Coronavirus’ digital socio-political agenda that was conducted using a graph visualization method and folksonomy analysis.

Key words: digital socio-political agenda, folksonomy analysis, hashtags, Twitter, COVID19, Internet linguistics

1.5. ДИСКУРСИВНАЯ ПАРАДИГМА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: АНТРОПОЦЕНТРИЗМ, МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ, ПОЛИКОДОВОСТЬ

Н.И. ГУСЛЯКОВА

(Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет)

А.В. ГУСЛЯКОВА

(Московский педагогический государственный университет; Российский университет дружбы народов)

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ МЕДИАДИСКУРС В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Статья затрагивает проблему психологических механизмов сознания человека в их взаимодействии с англоязычным медиадискурсом. Исследование позволило выделить два ключевых медиаблока – институциональный и индивидуально-личностный, которые определяют вектор взаимоотношений и взаимовлияния между базовыми психологическими механизмами – установкой, целеполаганием и рефлексией, с одной стороны, и англоязычным медиадискурсом, с другой стороны, для носителей и не носителей английского языка в глобальном информационном пространстве.

Ключевые слова: англоязычный медиадискурс, психологические механизмы сознания, психологическая установка, целеполагание, рефлексия, тематическая зона

Современный англоязычный медиадискурс – это сложный целостный феномен, составляющий «огромный пласт культуры» [Алефиренко, 2016] не только для англоязычного общества, но и для всего мирового сообщества, принимая во внимание ту роль, которую английский язык играет как средство глобальной коммуникации, или «*lingua franca*». Англоязычный медиадискурс является ведущим мировым посредником, или медиатором (от английского слова «mediator» - посредник), практически во всех сферах общественной жизни на планете. Политические и экономические модели, научные открытия, международные академические программы, мир спорта, шоу-бизнеса и моды – все это распространяется и обрабатывается в англоязычном медиадискурсивном пространстве; они фильтруются по его уникальным характеристикам и представляются международной аудитории как эффективный инструмент коммуникации, влияния и воздействия.

Можно рассматривать англоязычный медиадискурс как образец для подражания для медиа-мира, представленного на других языках. Даже внутри англоязычного медиадискурса существует жесткая конкуренция, которая зависит от доминирования каждой англоязычной страны в глобальном политическом, экономическом и военном масштабе. В целом, мы можем предположить, что англоязычный медиадискурс, который включает не только поток местных и мировых новостей и отчетов, но также видеоканалы (например, Youtube) и традиционные телеканалы, а также платформы цифрового телевидения (например, Netflix), популярные социальные сети, блоги, вики-приложения и приложения для мобильных телефонов превратились в особую новую форму реальности, которая достигает сознания носителя языка, а также человека, изучающего английский язык, активизирует его психологические механизмы сознания и способна влиять на

когнитивную, аффективную и поведенческие аспекты человеческого сознания.

Современный англоязычный медиадискурс – это культурный феномен, который всегда привлекал внимание лингвистов, социологов, психологов, педагогов и политтехнологов. Мы разделяем точку зрения Аллана Белла, новозеландского социолога, о том, что существуют ключевые причины для этого как научного, так как и общественного интереса [Bell, 1995].

В первую очередь, англоязычный медиадискурс представляет собой доступный источник языковых данных для исследовательских и учебных целей. Во-вторых, современный англоязычный медиадискурс олицетворяет значимые лингвистические институты. Его продукция – это значительная часть языка, который люди слышат и используют ежедневно. Для изучающих второй язык англоязычный медиадискурс может выступать в качестве основного – или даже единственного от английского слова «mediator» - посредник источника лингвистических моделей носителей языка. Кроме того, варианты использования языка англоязычными СМИ могут сами по себе быть лингвистически интересны. Например, представление различных диалектов и языков, которые используются в новостях, рекламе, ведении блогов, радио и телеинтервью, политических кампаниях и бизнес-презентациях. Наконец, англоязычное медиадискурсивное пространство является прямым отражением могущественных социальных институтов мира. Его можно охарактеризовать как ключевого представителя англоязычного мира - или англосферы [Англосфера, 2020]. Сегодня англоязычный медиадискурс важен как с точки зрения того, какую информацию он передает об англоговорящем человеке (носители и не носители языка), так и с точки зрения того, что он вносит в характер этого лица. Следовательно, важно

понимать отношения между человеком (носителем английского языка и иностранным гражданином, владеющим английским языком) и англоязычным медиадискурсом, между сознанием человека и его механизмами, которые взаимодействуют с медиадискурсом и производят действия, которые могут влиять на мировоззрение человека, его поведение, личную жизнь, социальный статус, убеждения и судьбу.

Наше исследование в первую очередь основано на определении понятия «механизм», данном советским психологом Сергеем Рубинштейном, который наблюдал за ним как за «процессом осознания человеком своего отношения к чему-то очень значимого для него». [Рубинштейн, 2019]

В дополнение к этой интерпретации понятия «механизм» в нашем научном исследовании мы также будем рассматривать его как процесс влияния, вызванный включением вербальных и невербальных систем с целью установления связи для передачи информации, что необходимо для совместной деятельности.

Психологические механизмы представления информации в медиадискурсивном пространстве – это, прежде всего, иерархическая структура, включающая в себя три основных механизма, влияющих на человека в процессе его взаимодействия с медиадискурсом: механизмы целеполагания, психологической установки и рефлексии. [Гуслякова, 2013]

Механизм целеполагания включает определение нескольких ключевых целей и задач медиаконтента, необходимого для представления медиадискурса коммуникантам с их «правильным» (направленным) восприятием и последующими действиями. Механизм психологической установки – это заданное представление информации в медиа-дискурсе; выделение конкретной аудитории, к которой будут адресованы некоторые знания

или информация. Следует отметить, что у читателей также может быть определенное психологическое отношение к тому или иному медиа-контенту или его отправителям. При взаимодействии с медиадискурсивным пространством и восприятии медиаконтента в сознании получателя происходит понимание и анализ полученной информации. В этом случае мы говорим о процессе отражения воспринимаемой информации сознанием человека [Guslyakova, 2020].

Теоретический анализ взаимодействия психологических механизмов человеческого сознания и англоязычного медиа-дискурса показал, что это взаимодействие представлено двумя блоками. Первый блок - институциональный, а второй блок индивидуально-личностный. Институциональная репрезентация взаимодействия психологических механизмов и англоязычного медиа-мира находит свое отражение в так называемой «нисходящей модели» [Гуслякова, 2014]. Эта модель представляет собой формирование и передачу информационных потоков официальными медиа-платформами (например, BBC, CNN, CBS и т. д.). Основная характеристика этой модели - заранее продуманный сценарий построения англоязычного медиадискурсивного пространства. Люди, обладающие властью, со своим видением мира, жизненными ценностями и установками, представляют важные тематические области, или зоны (thematic zones) [Fetzer, 2008], которые должны быть, по мнению власти, социально справедливыми и приемлемыми для всех других слоев общества.

Одновременно с нисходящей моделью существует противоположный блок, отражающий взаимодействие психологических механизмов и англоязычного медиа-дискурса. Это индивидуально-личностный блок, являющийся «восходящей моделью» построения медиадискурса [Skey, 2014]. Как правило среднестатистический человек,

независимый блоггер, журналист-фрилансер представляют свои взгляды, рассуждения и размышления о насущных социальных, политических и экономических проблемах современного общества. Их независимые голоса обеспечивают некую спонтанность в продвижении информационного потока в англоязычном медиадискурсивном пространстве.

В качестве примеров приведем выдержки из комментариев, посвященных политическим выборам в Соединенных Штатах Америки, освещаемые официальными англоязычными СМИ и независимыми экспертами, блоггерами и простыми обывателями, размещенными в англоязычном медиадискурсивном пространстве.

e.g. “As America Awaits a Winner, Trump **Falsely Claims** He Prevailed” («Пока Америка ждет победителя, Трамп ложно утверждает, что победил» – перевод мой (А.В. Гуслякова)) (New York Times, November 4, 2020)

e.g. “European leaders **react with caution** as Trump **falsely claims** victory” («Европейские лидеры осторожно реагируют на то, что Трамп ложно заявляет о своей победе» - перевод мой (А.В. Гуслякова)) (The Guardian, November 4, 2020)

e.g. “Democratic nominee Joe Biden retains **a plausible path to victory** after posting a big early lead in Arizona” («Кандидат от демократов Джо Байден вероятно движется путь к победе после того, как набрал большинство голосов в Аризоне» - перевод мой (А.В. Гуслякова)) (The Sydney Morning Herald, November 4, 2020)

Вышеприведенные отрывки из медиопубликаций являются наглядным отражением политической тематики в англоязычном медиадискурсивном пространстве. Речь идет о президентских выборах в США, о результатах которых

официальные СМИ высказываются осторожно, занимая выжидательную позицию. Наглядно демонстрируется антонимическое противопоставление лексических единиц “**falsely**” (ложно) и “**plausible**” (вероятный). Ложное заявление о победе одного кандидата и возможная победа другого участника президентской гонки. Формируется психологическая установка на то, что Трамп, как участник политической гонки, пытается выиграть выборы обманным путем. В то же самое время его оппонент – Джо Байден – это желанная политическая фигура во многих эшелонах власти англоязычного мира. Соответственно выбор лексических средств, комментирующих его победу, носит более положительный оттенок.

В примерах, приведенных ниже, можно наблюдать точку зрения «народного» отношения к президентским выборам в США.

e.g. Students in the future **will use this for learning** about this **crazy election**. (В будущем студенты будут использовать пример безумных выборов 2020 в учебном процессе. – перевод мой (А.В. Гусякова)) (Youtube channel, November 8, 2020)

e.g. “If you **don’t vote** for me you are **not black**” – Joe Biden (Если ты не голосуешь за меня, значит ты не цветной. – перевод мой – (А.В. Гусякова)) (Youtube channel, November 8, 2020)

e.g. “No more hurricanes
No more forest fires
No more virus
No more college debt
No more looting
No more police shootings
One big utopia

Gonna be like living in a Disney movie” ((«Больше никаких ураганов

Больше никаких лесных пожаров

Больше нет вируса

Больше никаких долгов за учебу в колледже

Больше никаких грабежей

Больше никаких полицейской стрельбы

Одна большая утопия

И жизнь, похожая на фильмы Диснея» – перевод мой (А.В. Гуслякова)) (Youtube channel, November 8, 2020)

Как видно из выше приведенных примеров, ключевым стилистическим приемом, прослеживающимся в них, является ирония. Данные комментарии, оставленные простыми участниками англоязычного медиадискурсивного пространства, отражают их саркастическое восприятие выборов в ведущей демократической стране мира и те обещания, которые были предложены кандидатами правящих политических кланов. Создается ироническая психологическая установка на то, что «исторические» президентские выборы 2020 в США изменят жизнь простых граждан и превратят ее в сказку, напоминающую сказки, создаваемые американской киностудией «Уолт Дисней» (The Walt Disney Company). Кроме того, можно проследить «цветную» установку при формировании политических взглядов и убеждений человека. Черный цвет символизирует Джо Байдена, а белый цвет – Дональда Трампа. Подобное противопоставление напоминает бело-красную оппозицию во времена гражданской войны в России в начале двадцатых годов прошлого столетия.

Механизм целеполагания, который можно наблюдать в выше приведенных примерах, свидетельствует о том, что цель данных президентских выборов – это процесс познания самого себя, некой самоидентификации в обществе. Это также определенный общественный урок, который надо

усвоить, чтобы еще раз понять, что идеального мира не существует, а утопия диснеевских сказок превратиться в повседневную реальность с ее проблемами, вызовами и новыми жизненными задачами.

Таким образом, подводя итог всему выше сказанному отметим, что современное англоязычное медиадискурсивное пространство взаимодействует с человеческим сознанием в двух противоположных измерениях: институциональное против частного, коллективное против индивидуально-личностного. Следовательно, психологические механизмы человеческого сознания представляют разные полюса мышления людей в медиадискурсивном пространстве, независимо от того, являются ли они носителями английского языка или иностранцами. Поэтому открытым остается вопрос, как найти баланс между этими двумя оппозициями, а также между «сценариями» и «инцидентами» в построении отдельно взятого медиадискурса, который будет функционировать в англоязычном медиапространстве и распространяться за его пределы в глобальном информационном сообществе.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 15-34-10488, 17-34-10303.

Литература

1. *Алефиренко Н.Ф.* Медиадискурс и его коммуникативно-прагматическая сущность // Медиалингвистика. – 2016. – № 1 (11). – С. 49–57. URL: <https://medialing.ru/mediadiskurs-i-ego-kommunikativno-pragmaticheskaya-sushchnost/> (Дата обращения: 01.11.2020).
2. *Англосфера.* – 2020 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 24.10.2020. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%BE%D1%81%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B0> (Дата обращения: 24.11.2020).

3. *Гуслякова А.В.* Теоретические основы моделирования медиадискурса. – Москва: РУДН, 2014. – 182 с.
4. *Гуслякова Н.И.* Профессиональное сознание учителя: психологический аспект. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос.пед.ун-та, 2013. – 284 с.
5. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – Питер, 2019. – 719 с.
6. *Bell A.* Language and the media //Annual Review of Applied Linguistics. – 1995. – Vol. 15. – P. 23-41.
7. *Fetzer A.* Theme zones in English media discourse: Forms and functions // Journal of Pragmatics. – 2008. – Vol. 40. Issue 9. – P.1543–1568.
8. *Guslyakova, A.V.* Media discourse in the digital era and psychological mechanisms of its functioning, in The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, WUT 2020, 27 – 29 April, – P. 302-312.
9. *Skey M.* The Mediation of Nationhood: Communicating the World as a World of Nations // Communication Theory. – 2014. – Vol.24. Issue 1. – P. 1-20.

ENGLISH MEDIADISDISCOURSE IN THE AGE OF DIGITAL TECHNOLOGIES: PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF FUNCTIONING

The article covers the problem of psychological mechanisms of human consciousness in their interaction with the English-language media discourse. The study made it possible to single out two key media blocks - institutional and private, which determine the vector of relationships and interactions between basic psychological mechanisms - attitude, goal-setting and reflection, on the one hand, and English-language media discourse, on the other hand, for native speakers and non-native speakers of the English language in global information space.

Key words: English-language media discourse, psychological mechanisms of consciousness, psychological attitude, goal-setting, reflection, thematic zone

Э. ШЕХИ, И.С. КАРАБУЛАТОВА

(Российский университет дружбы народов)

Г.М. НИЯЗОВА

(Тюменский государственный университет)

ХУОНГ ТХИ ТХУ ЧАНГ

(Вьетнамский национальный университет)

**СПЕЦИФИКА ПОЛИКОДОВЫХ НОВОСТНЫХ
ТЕКСТОВ О COVID-19 С ВКЛЮЧЕНИЕМ ИМЕН
СОБСТВЕННЫХ (ИС) В ЭЛЕКТРОННОМ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
В МИФОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ:
НА МАТЕРИАЛЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ**

Авторы рассматривают актуальную проблему мифологизации новостных текстов о коронавирусе в разноструктурных языках в аспекте поликодовости. ИС в новостных сообщениях о коронавирусе в современном социально-политическом дискурсе в условиях локдауна 2019-2020 выполняют роль связующего звена между различными слоями обществ и человеческой цивилизации в целом. Психолингвистические аспекты использования ИС в текстах о коронавирусе влияют на целевую аудиторию, вызывая трансформацию мифопатонима «инфекция/вирус» в языковом сознании реципиентов. Мифопатоним, обозначающий инфекционную болезнь в разноструктурных языках, создает голограмму фундаментальной оппозиции «смерть – жизнь», «здоровье – болезнь» в общечеловеческом ментальном пространстве осмысления действительности.

Ключевые слова: имя собственное (ИС), новостной текст, социально-политический дискурс, коронавирус, психолингвистика, потенциальная опасность, поликодовость, разноструктурные языки

Нет ни одной страны в мире, которая бы не пострадала от современной ситуации пандемии коронавируса, пробудив к жизни в общечеловеческом бессознательном забытые приметы, предрассудки, легенды и мифы, в которых болезни, тем более пандемии, выступают как полноправные живые сущности, некие надчеловеческие уравниатели, регуляторы жизни в целом. Вместе с тем для нас представляет интерес проблема реализации креативных стратегий речевого поведения в новостном социально-политическом дискурсе о коронавирусной пандемии с включением ИС.

Иными словами, новостные сообщения о коронавирусе обнаруживают большое поле для авторского творчества, поскольку при этом происходит переосмысление старых мифологем об инфекционных болезнях, которые трактуются как предвещание апокалипсиса и некоей Божьей кары. Поэтому пространство разноструктурных языков интересно своими гиперссылками к фольклору разных народов, к устоявшимся стереотипам, в том числе этноконфессиональным и социальным. При этом новостные сообщения о современном коронавирусе иллюстрируют процесс изменения нормы с последовательной трансформацией привычных социостереотипов и установлением новых коммуникативных норм в общественном сознании реципиентов. Эти изменения становятся возможными благодаря индивидуальной включенности автора новостного текста в локальный этнолингвокультурный контекст за счет микширования фоновых знаний родной культуры и заимствованных элементов чужих культур во внутренней картине мира адресанта в ситуации глобализации.

Иными словами, электронный новостной социально-политический дискурс о пандемии COVID-19 зачастую использует ИС не в прямом назначении, а в метафорическом, вызывая в сознании реципиента когнитивное искажение в

контекст странности и некоторого несоответствия привычным нормам, выбивая устойчивость восприятия действительности.

Болезнь как таковая активизирует хтонический страх человека перед смертью, заставляя опасаться за собственную жизнь. Пандемия многократно усиливает этот страх, поскольку со ссылками на самых авторитетных экспертов в области медицины и общества коронавирус позиционируется как глобальное опасное явление для человечества. Сами новостные тексты на тему коронавируса выступают как многокомпонентные слайсы «окна Овертона» [Карабулатова, Савчук, 2019], что является привычным приемом для манипулирования обществом на новом этапе информационной войны [Barabash, Kotelenets, et al, 2019].

Ономастика является такой же древней, как и само человечество в его стремлении нарекать предметы, явления, события и т.п. Функционально-коммуникативное направление исследования ИС в новостном общественно-политическом дискурсе способствует изучению человека в речевой деятельности, акцентируя внимание на способах выражения оценки, субъективного отношения человека к высказываемому. При анализе новостных текстов с ИС широко встречаются такие классы онимов, как геополитонимы, топонимы, ойконимы, антропонимы, мифонимы, эргонимы, сакронимы. Исследователь фольклора В.В. Иванова, проанализировав народную картину мира, ввела в научный оборот термин мифопатоним для обозначения названий болезней как персонифицированного явления, карающего людей за их грехи [Иванова, 2015]. Такое отношение к наименованиям болезней связано с тем, что ИС занимают центральное место в мифологизированной дуальной картине мира, где Свету противостоит Тьма, как Смерть противостоит Жизни. В этом плане болезнь, пандемия мыслится как предвестник Смерти не одного человека, а всего человечества [Karabulatova, Ebzeeva,

Rocheshkov, 2017]. Например, печальный опыт прошлого отразился на менталитете вьетнамского народа, который не стал жить в ожидании спада пандемии, но решительно установил жесткий контроль с первых дней появления коронавируса в соседнем Китае. Пресловутый «вьетнамский синдром», которым в психологии и психиатрии обозначают разновидность посттравматического стрессового расстройства с повышенной мнительностью, тревожностью, агрессией, паническими атаками и бессонницей [Рейш, 2018], позволил тщательно подойти к мерам противодействия коронавирусу во Вьетнаме.

Как правило, новости о коронавирусе подаются нейтрально, но воспринимаются людьми обостренно в силу своей актуальности [Радина, 2020]. Включение ИС в новостной социально-политический дискурс преследует следующие цели:

1) просветительская информация с указанием на патоним [Пономаренко, 2018] коронавирус: «коронавирус COVID-19 – сложный мутировавший вирус из семейства коронавирусов, вызывающий повреждение легких»; «коронавирус вызывает развитие атипичной вирусной пневмонии»;

2) локализация географии распространения вируса с указанием топонима: «впервые коронавирус был зафиксирован в Ухане»; «темпы распространения коронавируса в Москве растут»; «ужесточение коронавирусных ограничений в Албании», «вьетнамские власти приняли упреждающие меры, в отличие от США, Европы и России»;

3) привлечение внимания к серьезности ситуации с опорой на антропоним официального лица, делающего заявление о коронавирусе: «мэр Москвы Сергей Собянин объявил о мерах по профилактике коронавируса»; «министр здравоохранения Албании Огерта Манастилиу 11 октября сообщил, что правительство приняло решение о введении

обязательного ношения масок»; «новый коронавирус в Дананге относится к новому, более заразному штамму иностранного происхождения, – сказал Нгуен Тхан Лонга, исполняющий обязанности министра здравоохранения Вьетнама...»;

4) указание на трансформацию установок при проведении праздников с актуализацией геортонима [Чеснокова, 2017]: «перед Хэллоуином россияне начали покупать коронавирусный костюм»;

5) активация бессознательных страхов и архетипических страхов с помощью религионимов: «коронавирус – это один из всадников Апокалипсиса».

Новостные тексты о коронавирусе встроены в архаичную мифологию болезни в народной картине мира аудитории. Сама инфекция коронавируса актуализирует антропоморфизм COVID-19, при этом шипообразная форма возбудителя обозначается короной, что вызывает образ «коронованного» заболевания, с которым невозможно бороться, поскольку правитель регулирует жизнь своих подданных. Кроме того, образ болезни с короной актуализирует образ женского начала Тьмы, которая противопоставлена мужскому началу Света, поскольку, как правило, в мифологизированной картине мира болезнь нарекается женским именем или имеет женский род. Например, в славянских языках: трясовица, рожа, лихорадка, золотуха, краснуха, водянка, грудница и т. д. [Карабулатова, Бонарец, 2005].

Не случайно практически во всех языках болезнь обозначается как женская ипостась. Так, в албанском языке, который занимает особое место среди индоевропейских языков, существует понятие Стригоя (Strigoi), то есть злой ведьмы, которая пьет кровь по ночам, в результате чего человек становится тяжело больным. Этот персонаж, согласно верованиям албанцев, ест человеческую плоть. Также проявляется и Ламайя (Llaja), которая предстает в

виде женщины со змеиным хвостом и поедает людей. Вьетнамская богиня огня Тхан Лыа обладала свирепым выражением лица и вспыльчивым характером. Она могла наказывать болезнями, проблемами и бедностью. В татарской мифологии женский образ Албасты являет собой персонификацию Зла. Она душил человека, вызывая у него такие симптомы ОРВИ, как кашель, затрудненность дыхания, лихорадку, которые могут перейти в астму, отек легких, приводящий к смерти.

Вирусные инфекции в силу своей таинственности вызывали безотчетный страх перед болезнью и перед смертью, поэтому в народных представлениях о лечении необходимо снять страх перед болезнью у людей, именно так можно излечиться. Отсюда мы видим множество новостных сообщений о коронавирусе, где указывается, что люди игнорируют превентивные меры по предупреждению инфекции. В мифологизированной картине мира болезнь выступает как проявление сил Зла. Например, в татарской народной мифологии болезнь связана с влиянием таких мифических образов хтонического Зла, как йелле, шайтан, чин-сэкмэт, которые базируются на доисламских верованиях татар, органично вошедших в так называемый «народный Ислам» [Зиннатуллина, 2010; Karabulatova, Ermakova, Chiganova, 2014]. Также и вьетнамская народная культура пронизана пониманием анимизма сил природы.

Традиционное понимание болезни зафиксировалось в мифологизированной картине мира, запечатлелось в национальной памяти народов мира как орудие слепой, бездумной и беспощадной силы с огромным количеством жертв. Вот почему мы видим в албанской, русской и татарской мифологиях имена многочисленных духов, которые наказывают людей болезнями, выступающими в качестве платы за грехи.

Традиционно любое заболевание воспринимается в национальной картине мира как своеобразный регулятор

баланса сил добра и зла, поэтому неслучайно мы видим такое же отношение к коронавирусу. В этой ситуации перед СМИ и официальными властями стоит непростая задача

В албанской мифологической картине мира особое место занимает воплощение Вечной женственности, которая появляется в образе *Вукура*, символе Женственности, Красе Земли. Она считается самой красивой женщиной человечества, символом счастья, благополучия, здоровья и процветания. Поэтому в албанской антропонимике имя *Букура* стало одним из самых популярных женских имен. Однако если баланс добра и зла нарушается, то *Букура* может выступить на стороне темных сил и превратиться в черную женщину, приносящую болезни, горе, опустошение. Поэтому в ситуации с пандемией в Албании стали говорить: «красива, как *Букура*, но корона мешает». Здесь мы видим сочетание значений короны: 1) признанный символ красоты, 2) высокомерие и гордость, 3) обозначение коронавируса.

В то же время мы видим мифологизацию защитных и профилактических мер по распространению болезней. Так, в народной картине мира широко распространено поверье, что есть места, где рождаются и живут духи болезней, и если человек попадает в такое место (иначе говоря, в очаг болезни), то болезнь постоянно живет в душе и теле человека, приводя его к смерти. Вирус и инфекция обозначаются как плохой воздух, нечистый воздух, что подчеркивает характер распространения таких заболеваний [Карабулатова, Бондарец, 2005]. Анимизм характерен для албанской, вьетнамской и татарской языковых культур, поэтому представители этих народов стараются задобрить духов природы и места.

Повышенное воздействие новостных текстов о коронавирусе за счет экспрессивного изложения, независимо от языка, вызывает у реципиентов нарушения психического восприятия, которые выступают как эмоционально-психологические аномалии под воздействием внешних

факторов, подкрепленные мифологизированной картиной мира современного человека. Игнорирование особенностей мифологизированной картины мира современного человека в новостных текстах о коронавирусе может активизировать подсознательное стремление к усилению негативных компонентов поликодового сообщения [Большакова, 2008] о коронавирусе. В связи с этим сохранность человеческой психики находится под ударом, поскольку такие тексты содержат в себе потенциальную опасность для здоровья реципиента.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-04-00607-ОГН.

Литература

1. *Большакова Л. С.* О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестник Самарского государственного университета. – 2008. – № 4 (63). – С. 19-24.
2. *Валеева Н. Г.* Теория перевода: культурно-когнитивный и коммуникативно-функциональный аспекты. – М.: Изд-во РУДН, 2018. – 247 с.
3. *Зиннатуллина Г. И.* Народные медицинские знания тоболо-иртышской группы сибирских татар: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.07. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. – 2010. – 25 с.
4. *Иванова В. В.* Имена собственные в народных названиях болезней в чувашском языке // Научные исследования: от теории к практике. – 2015. – № 2, 4 (5). – С. 124-128.
5. *Карабулатова И. С., Бондарец Е. А.* Заговор: имя собственное в сакральном дискурсе знахарской практики / под. ред. И.С. Карабулатовой. – Тюмень: Феликс, 2005. – 368 с.
6. *Карабулатова И. С., Савчук И. П.* Трансформационная эволюция гендера в современном рекламном дискурсе как проявление «Окна Овертона» // Известия Балтийской академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. – 2019. – № 2 (48). – С. 23-32.

7. Пономаренко Е. А. Формирование названий некоторых заболеваний в русском языке: национально-культурный и этимологический аспекты // Мир. Язык. Личность. Памяти Любови Андреевны Барановой. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. – 2018. – С. 172-176.
8. Радина Н. К. «Воображаемая геополитика» в российском медийном дискурсе о коронавирусе. Полис, 2020. – URL: <https://publications.hse.ru/articles/399455454> (Дата обращения 10.10.2020).
9. Рейш О. Синдром Вьетнамской войны, 25, 06.2018.– URL: https://ilive-com-ua.turbopages.org/ilive.com.ua/s/health/sindrom-vietnamskoy-voyny_123933i88403.html (Дата обращения 18.10.2020).
10. Чеснокова П. Ономаσιологические характеристики чешских и русских геортонимов // Известия ВГПУ. – 2017. – № 1 (114). – С. 102-106.
11. Barabash V. V., Kotelenets E. A., Karabulatova I. S., Lavrentyeva M. Yu., Mitina Yu. S. The confrontation between the Eastern and Western worldviews in the conceptual space of the information war against Russia: the genesis and evolution of the terminological apparatus // Amazonia investiga. – 2019. – № 8 (19). – Pp. 246-254.
12. Karabulatova I. S., Ermakova E.N. & Chiganova G.A. Astana in Kazakhstan and Astana in Siberia as a form of National Islam of Eurasia in the linguistic-cultural aspect // Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis. – 2014. – Special Issue. – Pp. 15-30.
13. Karabulatova I. S., Ebzeeva J. N., Pocheshkhov N. A. Tolerance problems in the context of the repressed Caucasians' ethno-trauma transformation as «Light» and «Darkness» // Terra Sebus. – 2017. – Vol. 9. – Pp.447-459.

**SPECIFICS POLYCODE CONTENT OF NEWS ABOUT
COVID-19 WITH THE INCLUSION OF PROPER NAMES
(PN) IN THE ELECTRONIC SOCIO-POLITICAL
DISCOURSE IN METALINGUISTICALLY ASPECT:
ON THE MATERIAL OF LANGUAGES OF DIFFERENT
STRUCTURES**

The authors consider the actual problem of mythologization of news texts about coronavirus in different structural languages in the aspect of polycode. PN's in news reports about coronavirus in modern socio-political discourse in the conditions of lockdown 2019-2020 serve as a link between different layers of societies and human civilization. The authors think that the psycholinguistic aspects of the use of PN in texts about coronavirus affect the target audience, causing the transformation of the mythopatonym "infection / virus" in the language consciousness of recipients. The mythopatonym that denotes an infectious disease in different structural languages creates a hologram of the fundamental opposition "death - life", "health - disease" in the universal mental space of understanding reality.

Key words: proper name (PN), news text, socio-political discourse, coronavirus, psycholinguistics, potential danger, polycode, different structured languages

2. ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

**Д.Ю. ГИЗАТУЛИНА, Ф.Х. ИСМАЕВА,
Е.В. МАРТЫНОВА, М.И. СОЛНЫШКИНА,
И.Э. ЯРМАКЕЕВ**

(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

ФЛУКТУАЦИИ СЛОЖНОСТИ УЧЕБНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ УРОВНЕЙ A2–B1)

В данной статье рассматривается проблема сложности англоязычного текста и осуществляется ее многофакторный анализ с целью определения соответствия потенциальному читателю. Материал исследования составили 66 текстов ОГЭ. Сравнение текстов осуществлялось на основе метрик, рассчитываемых при помощи онлайн сервисов TextInspector и Coh-Metrix.

Ключевые слова: учебный текст, сложность, абстрактность, связность, читабельность

Введение

Проблема читабельности текста всегда была в центре внимания многочисленных исследований и по-прежнему остается актуальной для учителей, методистов, составителей экзаменационных тестов и учащихся [Солнышкина, Харькова, Казачкова, 2020, с. 103-119]. Современная лингвистическая парадигма определяет текст как модель образцового использования языка в соответствии с возрастом и языковым уровнем [Лукасик, 2017, с. 47-63].

Следовательно, задача выбора учебника сводится к необходимости получения информации о его читабельности и соответствии текстов учебному плану. Авторам учебных пособий рекомендуется располагать тексты в порядке «от простого к сложному», избегая флуктуаций и резких скачков в сложности текста.

Как правило, оценка сложности текста предполагает маркировку текста для определенного уровня, определяемого классом, возрастом читателя или уровнем владения языком по шкале CEFR. К сожалению, проведенные в этой области исследования показывают, что во многих случаях учебники не соответствуют когнитивным и языковым способностям учащихся [Габитов, 2017, с. 597-606]. В настоящее время не существует регламента оценки сложности текста, а также основополагающих принципов по определению диапазона текстовых характеристик в пределах каждого уровня владения языком. Представленное исследование, направленное на определение диапазона флуктуаций сложности текстов подготовки к ОГЭ и их соответствия заявленному уровню владения, заполняет данную исследовательскую нишу. Гипотеза, лежащая в основе исследования, заключается в том, что тексты учебных пособий располагаются в порядке от «простого к сложному».

Исследование было осуществлено в четыре этапа: 1) составление корпуса текстов ОГЭ; 2) классификация текстов на основе типов чтения в ОГЭ; 3) оценка следующих метрик текста: средняя длина предложения, средняя длина слова, читабельность (индекс Флеша-Кинкейда), количество глаголов, количество существительных, индекс связности, индекс лексического многообразия (MTLD); 4) определение диапазона флуктуаций вышеупомянутых метрик, влияющих на сложность текста.

Материал и методы

В качестве корпуса для проведения исследования было использовано 66 текстов для подготовки к ОГЭ, включая 36 текстов открытого банка заданий для подготовки к ОГЭ сайта ФИПИ (ФИПИ 2020), 24 учебных текста из сборника «ОГЭ-2020. Английский язык. 30 тренировочных вариантов экзаменационных работ для подготовки к ОГЭ» [Гудкова, Терентьева, 2020], 6 текстов из пособия «ОГЭ 2020. Английский язык. Готовимся к итоговой аттестации» под редакцией Ю.С. Веселовой [Веселова, 2019]. Все отобранные тексты являются текстами второго раздела «Задания по чтению» в ОГЭ (задания 10-17) и рассчитаны на языковой уровень A2-B1 по шкале CEFR. Согласно спецификации КИМ, в данном задании экзаменуемые должны продемонстрировать умение осуществлять изучающее чтение в разделе «Задания по чтению» (ФИПИ 2020).

Лексический анализ параметров сложности текста проводился при помощи онлайн сервисов TextInspector (далее TI) [Вах 2019], и Coh-Metrix (далее CM) [Graesser 2004].

С помощью TextInspector было проанализировано 7 параметров: количество слов в тексте, количество глаголов и существительных, средняя длина предложения, средняя длина слова, лексическое многообразие (MTLD), читабельность по формуле Флеша-Кинкейда. С помощью сервиса Coh-Metrix были также рассчитаны индекс Coh-Metrix L2 Readability и индекс связности.

При проведении анализа с помощью Textinspector нам пришлось сократить текст до 410 слов из-за ограничений сервиса. Во всех случаях объем сокращения текста не превышал 15% исходного текста, поэтому

репрезентативности выборки была сохранена [Бибер, 1993]. Объем каждого из текстов составил от 270 до 410 слов.

Анализ

Описательные характеристики, средняя длина предложения и средняя длина слова, измерялись с помощью сервисов TI и CM. Результаты представлены на рис. 1.

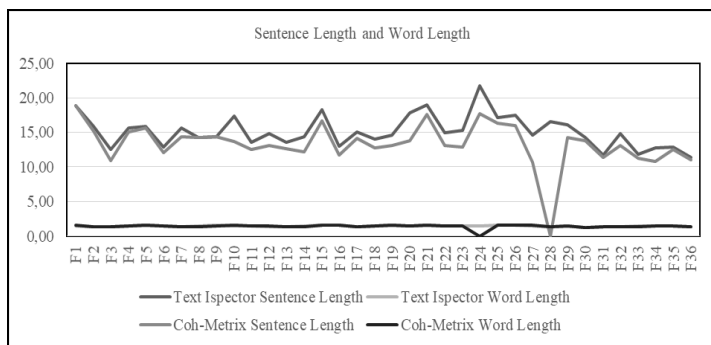

Рис. 1. Флуктуации длины предложения и длины слова

Как мы видим, за некоторыми исключениями, инструменты обеспечивают довольно схожие данные метрик длины предложения и длины слов. Средняя длина предложения составляет 16,1 (TI) и 14,3 (CM). Оба инструмента выявили одинаковую среднюю длину слова 1,44 (TI, CM). Можно также сделать вывод о том, что диапазон описательных метрик достаточно широк для длины предложения, т.е. 7.3 - 22.9 со средним значением 14,4 - 17,0 слов в предложении (см. рис.2).

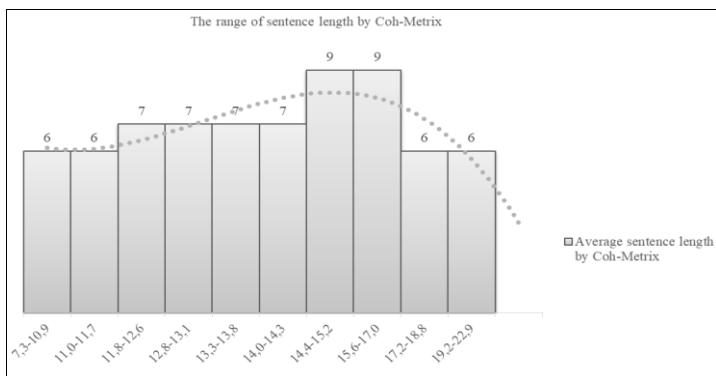

Рис.2. Диапазон средней длины предложения

Читабельность текстов

На основе рассчитанных метрик, длины предложения и длины слова, TI и CM оценивают читабельность текстов по формуле Флеша-Кинкейда:

$$FKGL = (0,39 * ASL) + (11,8 * ASW) - 15,59, \quad (1)$$

где ASL – средняя длина предложения; ASW – среднее число слогов в слове [McNamara, 2010, с.78]. FKGL соответствует американскому образовательному индексу: значения от 1 до 10 считаются подходящими для учащихся средней школы, от 11 до 15 – для высшего образования, а значения от 16 до 20 соответствуют сложным научным текстам.

Coh-MetrixL2 ReadingIndex (CML 2x) – это индекс, определяющий уровни читабельности для неносителей английского языка [McNamara, 2010, с.80]. Он рассчитывается по следующей формуле:

$$CML2 = -45.032 + (52.230 \times CWO) + (61.306 \times SSS) + (22.205 \times CELEX), \quad (2)$$

где CWO, повторы знаменательных слов, т.е. референциальная связность, SSS – синтаксическое сходство предложений, CELEX – средняя частота встречаемости всех

слов. В то время как формула Флеша-Кинкейда является показателем читабельности, коррелирующим с конкретным возрастом читателя, CML2 рассматривается разработчиками как признак, отражающий когнитивные и психолингвистические способности, необходимые для понимания текста.

Средний уровень читабельности в изучаемых текстах составил 7,9 по TI и 7,0 по CM, что соответствует 8 или 7 годам обучения соответственно (См. Рис). Среднее значение CML2 составляет 17,2, в то время как диапазон между самым низким (6,29) и самым высоким (27,69) составляет более 20. Здесь мы должны подчеркнуть, что читабельность учебника не должна ограничиваться одним уровнем читабельности. Предполагается, что она включает в себя зону ближайшего развития ученика, обеспечивающую комфортное чтение, при котором текст не является ни слишком трудным или слишком легким. Зона ближайшего развития, то есть «фактический уровень развития, определяемый способностью самостоятельно решать проблемы», и «потенциальное развитие, определяемое способностью решать проблемы под руководством взрослых или в сотрудничестве с более развитыми сверстниками» [Выготский, 1978, с. 81].

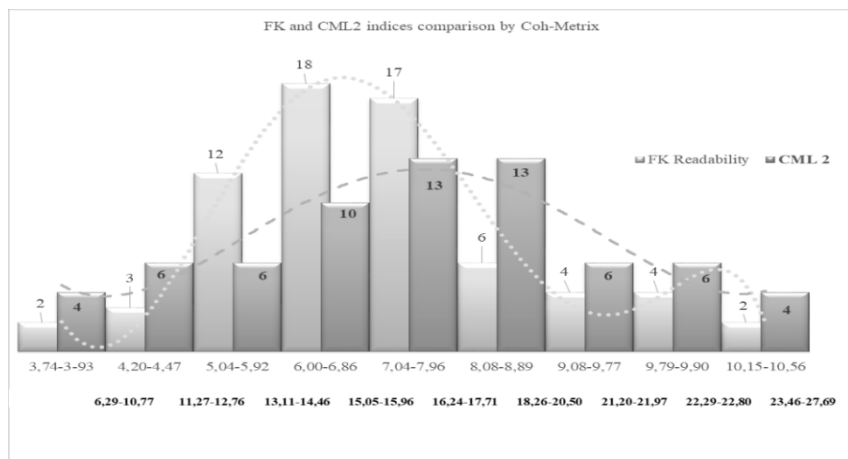

Рис. 3. Сравнение индексов FK и CML2 методом Coh-Metrix

Мы также проверили последовательность читабельности текстов, измеренную с помощью FKGL и CML2 в текстах G1 – G24 [Гудкова, Терентьева, 2020], обработанных с помощью CM (см. рис.4).

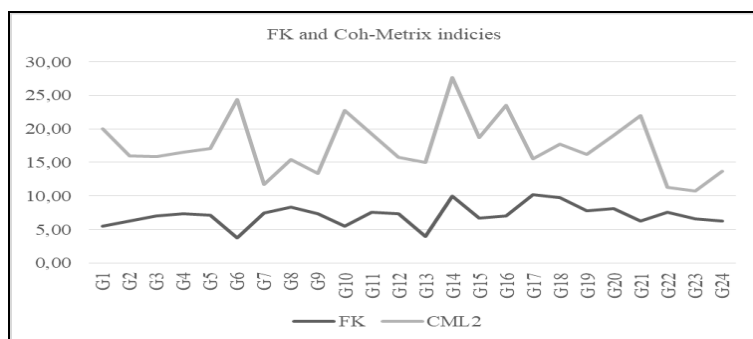

Рис.4. Читабельность текстов пособия [Гудкова, Терентьева, 2020]

Как видим, диапазон FKGL исследуемых текстов колеблется от 3,74 в тексте G6 до 10,15 в G17, что делает его более широким, чем любая естественная зона

проксимального развития. Эти данные свидетельствует о том, что тексты потенциально демотивируют студентов, так как читабельность не увеличивается постепенно, а колеблется случайным образом.

Морфологические и лексические особенности

Количество глаголов и существительных оценивалось с помощью Text Inspector.

Отношение глаголов к существительным (VNR), условно именуемое нарративностью, вычислялось вручную по формуле:

$$VNR = V:N * 100, \quad (3)$$

где V обозначает глаголы, N – существительные (см. рис. 5).

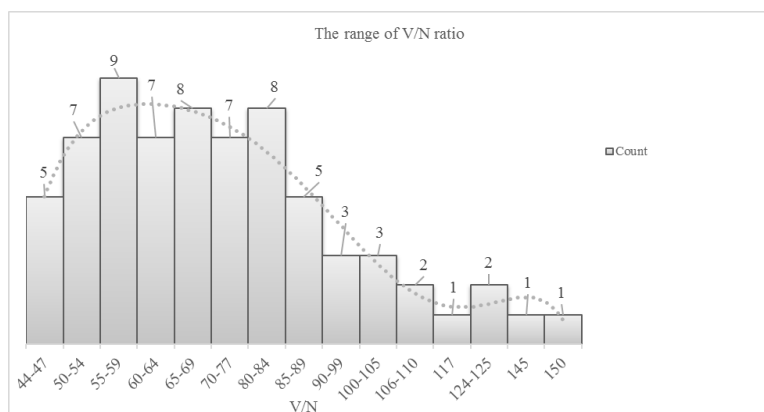

Рис.5. Отношение глаголов к существительным

Полученные результаты показывают, что среднее значение VNR, характерное для данного типа текстов, колеблется от 50 до 85. Тексты со степенью нарративности, 99 – 150, т.е. с резко отклоняющимися значениями представляют значительно меньшую трудность для тестируемых и их следует исключить из данного типа.

Лексические параметры также оценивались с помощью TI и CM. Лексическое разнообразие демонстрирует, насколько лексически "богат" текст. Мера текстового лексического разнообразия (MTLD) вычисляется по следующей формуле:

$$MTLD = L/n, \quad (4)$$

где L - число словоформ, n-число строк [McNamara, 2010, с.67].

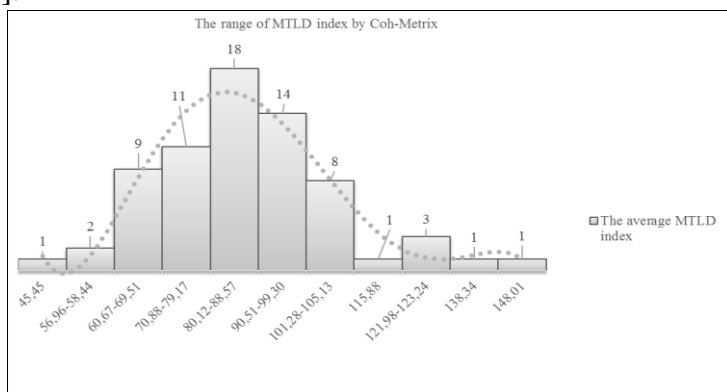

Рис.6. Диапазон индекса MTLD по CM

Индекс MTLD колеблется от 45,45 до 148,01, однако среднее значение, показанное в 41 тексте, имеет тенденцию варьироваться от 80 до 99.

Параметр дискурса, референциальная когезия (содержательное перекрытие слов) учитывает долю слов, пересекающихся между парами предложений [McNamara, 2010, с.20].

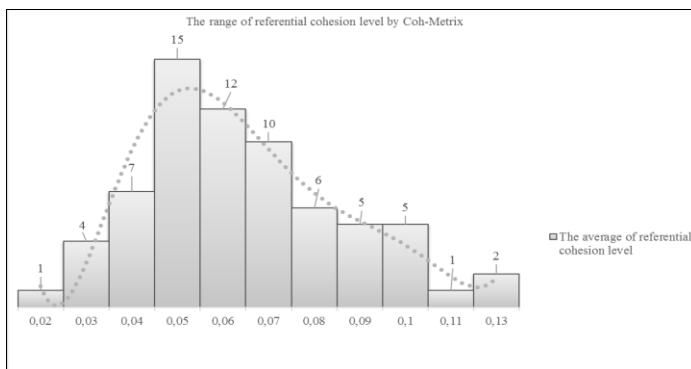

Рис.7. Диапазон референциальной когезии

Метрика колеблется от 0,02 до 0,13, в то время как средние значения будут варьироваться от 0,05 до 0,07.

Таким образом, анализ текстов ОГЭ демонстрируют ярко выраженное ядро метрик предлагаемых параметров, определяющих тип текста «Чтение 2. ОГЭ». Данные метрики позволяют классифицировать тексты по уровням сложности и осуществлять объективный отбор текстов, используемых в тестировании определенного уровня.

Заключение

На основе многофакторного анализа 66 текстов для чтения ОГЭ резюмируем: (1) читабельность текста в них увеличивается нелинейно, но флуктуирует в пределах 7 (FKGL) и 20 (CNL2) уровней читабельности, что приводит к тому, что большая часть текстов находится за пределами «зоны ближайшего развития»; (2) тексты, используемые в задании «Чтение 2. ОГЭ» имеют следующие параметры: читабельность (FKGL) – 7 – 7,9 средняя длина предложения – 14,4-17,0 слов, длина слова – приблизительно 1,44 слога, отношение глаголов к существительным – 50 – 85, референциальная связность – 0,05 – 0,07, лексическое разнообразие (MTLD) – 80 – 99. Текстовые метрики,

рассчитанные с помощью двух онлайн-сервисов, Text Inspector и Coh-Metrix, отличаются незначительно и в целом одинаково определяют тип текста.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-07-00807. Составление корпуса выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 18-18-00436.

Литература

1. *Веселова Ю.С.* ОГЭ. Готовимся к итоговой аттестации: учебное пособие. – М.: Интеллект-центр, 2020. – 128 с.
2. *Гудкова Л.М., Терентьева О.В.* ОГЭ-2020: Английский язык: 30 тренировочных вариантов экзаменационных работ для подготовки к общему государственному экзамену: учебное пособие. – М., 2019. – 106 с.
3. *Солнышкина М.И., Казачкова М.Б., Харькова Е.В.* Инструменты измерения сложности текстов на английском языке // Иностр. языки в школе. – 2020. – № 3. – С. 15-21.
4. ФГБНУ «ФИПИ» [Электронный ресурс] // открытый банк заданий: сайт. М., [2004-2020]. – URL: <http://www.fipi.ru/>_(Дата обращения: 15.04.2020).
5. *Biber D.*, Representativeness in Corpus Design // Literary and Linguistic Computing. – 1993. – Vol. 8. – № 4. – p. 243-257.
6. Coh-Metrix: Analysis of text on cohesion and language. – URL: <https://link.springer.com/article/10.3758/BF03195564>_(accessed: 20.04.2020).
7. *Lukasik M.*, Lexical Mimimum Re(Defined) // Lingwistyka Stosowana. – 2017. – № 23. – p. 47-63.
8. *McNamara D.S., Graesser A.C., McCarthy P.M., Zh.Cai.* Automated evaluation of Text and Discourse with Coh-Metrix. – New York, Cambridge University Press, 2014. – 285 p.
9. *Solnyshkina M. I., Gabitov A. I., Shayakhmetova L. Kh., Ilyasova L.G., Akbarova S.A.* Text Complexity In Russian Textbooks On Social Studies // Revista Publicando. – 2017. – № 4. – p. 597-606.
10. *Solovyev V.D., Ivanov V.V., Akhtiamov R.B.*, Dictionary of Abstract and Concrete Words of the Russian Language:

A Methodology for Creation and Application // Journal of research in applied linguistics. – 2019. – № 10. –p. 215-227.

11. TextInspector: The professional web tool for analyzing texts. – URL: <https://textinspector.com/workflow> (accessed: 20.04.2020).

12. *Vygotsky L.S.* Mind in society: The development of higher psychological processes. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1978. – 159 p.

FLUCTUATIONS OF TEXT COMPLEXITY: THE CASE OF BASIC STATE EXAMINATION IN ENGLISH

The complexity of a text as a research problem is equally relevant to a text theory and linguistics, as its solution will define its correspondence to the potential reader. The research data comprises 66 texts sourced from two textbooks and one electronic resource for ESOL A2 and B1 levels. The study is aimed at identifying the range of text complexity fluctuations in each source and their correspondence to the readership.

Key words: training text, complexity, abstraction, cohesion, readability

Л.К. ВЕРЕТЕННИКОВА

(Московский педагогический государственный университет)

Г.А. ДУГИНА

(Московский городской педагогический университет)

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ УСПЕШНОГО
ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ
СТУДЕНТОВ-ИНОФОНОВ:
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Статья посвящена исследованию субъективной удовлетворенности иностранных студентов университета результатами своего обучения в форме видеоконференции. Отношение обучающихся к видеозанятиям изучалось с помощью онлайн-анкетирования.

Ключевые слова: видеоконференция, удовлетворенность, дистанционное обучение, анкетирование, мотивация

Необходимость исследования особенностей дистанционного обучения обусловлена практической потребностью в изменении методики преподавания при переходе на дистанционное обучение (в апреле 2020 г.). Перенос сложившейся в ходе очного образования схемы преподавания русского языка как иностранного (РКИ) на электронный формат обучения показал, что качество такого учебного процесса снижалось, иностранные студенты высказывали субъективную неудовлетворенность.

Теме дистанционного обучения посвящено большое количество исследований как в отечественной, так и зарубежной науке (Е.Н. Абрамова, А.Н. Бехтерев, В.И. Боголюбов, А.И. Калинина, А.В. Логинова, М.А. Мамед, О.Ю. Тимофеева, С.В. Толоконников, Е. Мауер

Richard, J. Heiser, S. Lonn и др.). Однако методологические, практические аспекты выбора структуры видеозанятия, отбора средств для целей обучения в форме видеоконференцсвязи в сравнении с очным занятием в современной педагогической науке нуждаются в дальнейшем изучении.

Научная основа исследования:

1. Принцип культуросообразности обучения иностранным языкам. Согласно точке зрения Е.Г. Таревой «Родная и иная культуры, находясь во взаимной зависимости (иное познается через свое, свое переоценивается через иное), обуславливают особое содержание образования, которое призвано реализовать на практике диалог культур, сделать его доминантой в сознании личности, познающей свою и иную культурные данности» [Тарева, 2017, с. 304-305].

2. Тезис о необходимости развития творческого потенциала обучающихся [Ускова, 2005, с. 28].

3. Положение о самосознании своих особенностей и готовности к развитию своего творческого потенциала [Веретенникова, Ускова, 2008, с. 132].

4. Принцип обеспечения творческих ситуаций для самореализации личности [Веретенникова, 2019, с. 38].

5. Принцип педагогического сотворчества, творческого сотрудничества в коллективной деятельности [Веретенникова, 2019, с. 38].

6. Положение о развитии способности порождать новые нестандартные идеи [Веретенникова, 2018, с. 44].

7. Положение о необходимости осознания противоречия между задачей и еще не найденным способом ее решения [Веретенникова, Сотникова, Ускова, 2006, с. 117].

Цель проведенного исследования — оценка обучающимися методики организации видеозанятий, отслеживание снижения заинтересованности иностранных

обучающихся в изучении РКИ, коррекция выявленных недостатков в применяемых дистанционных технологиях.

В ходе исследования применялся метод сплошного анкетирования. Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью языка программирования для статистического анализа данных R (версия 4.0.1).

Опрос в форме онлайн-анкеты (на платформе Microsoft Teams) проводился в два этапа – в начале перехода на массовое дистанционное обучение (апрель 2020 г.) и в конце семестра (июнь 2020 г.). Опрошены 25 иностранных студентов, находящихся на момент исследования в России, Китае, Тайване.

Анкета состояла из девяти вопросов (на русском языке) с возможностью выбора нескольких вариантов ответов. Сравнивая распределение ответов на первый вопрос анкеты «Всегда ли Вам интересно на дистанционном занятии?» на первом и втором этапе исследования, отмечаем снижение количества ответов «да» с 60 % до 48 %. Это объясняется общей усталостью студентов к концу семестра, а также тем фактом, что программа обучения, тематика занятий не всегда отвечали ожиданиям обучающихся.

Следующие вопросы показывали, при каких условиях видеозанятие интересно, а при каких – нет. На второй вопрос «Что нравится на дистанционных занятиях?» в начале исследования большинство студентов привлекала доступность учебных материалов, которые загружались к занятию (68 %). В конце исследования многим обучающимся нравилось то, что учиться можно в любом удобном месте (84 %). Изменение предпочтений, возможно, связано с переездом большинства иностранных студентов в родную страну (Китай или Тайвань).

Основные причины недовольства дистанционной формой обучения отражены в третьем вопросе анкеты - «Что не нравится на дистанционных занятиях?». В начале и в конце исследования ответы практически совпадали: не

устраивало плохое качество связи (72 %, 72 %), расписание и время проведения занятий (36 %, 32 %).

В четвертом вопросе анкеты мы выясняли, что не хватает на дистанционном занятии. В начале исследования большинство обучающихся отмечали, что им не хватает наглядности (52 %), присутствует низкая динамичность (36 %). В конце исследования мнение студентов изменилось: увеличилось количество выборов ответа «низкая динамичность» (52 %) и «мало интересных тем для обсуждения» (36 %). Это означает, что увеличение доли наглядных материалов в ходе обучения (презентации, видео, аудио) привели к перенасыщению и желанию живого (очного) общения с преподавателем, что было невозможно.

Оценивая интересные моменты на дистанционных занятиях по русскому языку как иностранному (вопрос № 5 анкеты), большинство студентов в начале и в конце исследования выбрали чтение текстов на разные темы (72 %, 64 %), просмотр видеофильмов (68 %, 72 %) и возможность учиться у носителя языка (60 %, 48 %).

С помощью шестого вопроса выяснилось, в каком виде нужно преподносить информацию, чтобы студенты легко ее запомнили. В начале семестра обучающие отмечали, что им для этого нужны презентации (40%) и пояснения преподавателя, сопровождающиеся визуализацией материала (20%). В конце исследования предпочтения студентов различались: большинство респондентов выбрали пояснения преподавателя (44 %), доля студентов, выбравших презентации и информацию в виде небольших текстов, снизилась до 24% и 16 % соответственно. На уровне значимости $\alpha=0.05$ по критерию Фишера ($p\text{-value} = 0.004693$) данные различия были статистически значимы. Различия в ответах можно связать со спецификой передачи устной и визуальной информации в ходе видеоконференцсвязи.

И в начале, и в конце семестра большинство студентов предпочитали в качестве формы контроля знаний

тесты (52 %, 56 %). В два раза снизилась готовность выполнять задания (с 32% до 16%).

Подавляющее большинство респондентов указали, что были довольны занятием, когда «все услышанное понятно» (92 %, 96 %). Но снизилась с 80% до 68% доля студентов, получавших удовольствие от «веселых, смешных и интересных занятий».

За семестр в 2 раза выросла доля студентов, отмечавших необходимость улучшения технической и организационной составляющей дистанционного обучения. Эти изменения связаны, скорее всего, с отъездом части студентов за рубеж.

Наше исследование подтвердило общую тенденцию к снижению заинтересованности учащихся в дистанционных занятиях, однако позволило определить педагогические условия, позволяющие поддерживать удовлетворенность этой формой обучения на достаточном уровне.

Сформулируем выводы в виде рекомендаций преподавателю РКИ:

- советуем готовить основные и дополнительные (для самостоятельного изучения) материалы;
- все тексты преобразовывать в электронный вид и размещать в специальных хранилищах;
- регулярно чередовать виды деятельности (аудирование, говорение, письмо, чтение), визуализацию;
- продумывать способы фиксации объяснений и сохранения учебной информации занятия.

Полученные в ходе исследования данные дают повод преподавателям для размышлений об изменении методики проведения дистанционных занятий.

Литература

1. *Веретенникова Л.К.* Подготовка будущих педагогов к развитию творческого потенциала обучающихся: монография. – Москва: МПГУ, 2018. –164 с.

2. *Веретенникова Л.К.* Стратегия и концепция формирования творческого потенциала и развития креативности обучающихся в инновационной среде: монография. – Москва: МПГУ, 2019. – 98 с.
3. *Веретенникова Л.К., Сотникова Н.Н., Ускова Г.А.* Психолого-педагогические основы экспериментальной работы в образовательном учреждении: монография. – М.: Горизонт, Ставрополь: Сервисшкола, 2006. – 144 с.
4. *Веретенникова Л.К., Ускова Г.А.* Социальная работа. Психолого-педагогические основы развития творческого потенциала младших школьников: учебное пособие. – Часть I. – М., РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2008. – 158 с.
5. *Тарева Е. Г.* Система культуросообразных подходов к обучению иностранному языку // *Язык и культура*. – 2017. – № 40. – С. 302-320.
6. *Ускова Г. А.* Педагогические условия развития творческого потенциала учащихся начальных классов в школе полного дня: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Москва, 2005. – 219 с.

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR SUCCESSFUL DISTANCE LEARNING OF FOREIGN STUDENTS: RESEARCH RESULTS

The article focuses on the study of foreign students' subjective satisfaction with the results of their education using a video conference. The attitude of students to video lectures was studied using an online questionnaire.

Key words: videoconference, satisfaction, distance learning, questionnaire survey, motivation

К СОЗДАНИЮ НОВОЙ СТРАТЕГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ, УСТРАНЯЮЩЕЙ СТРЕССОВЫЕ УСЛОВИЯ

В статье рассматривается вопрос о создании новой стратегии обучения русскому языку как иностранному в связи с появлением современной технологии и цифровой революции. Это способствовало большим изменениям в обществе и в образовании, что затрудняло реализацию учебного процесса. Предлагаемая стратегия представляет попытку устранять стрессовые условия, тормозящие процесс обучения.

Ключевые слова: новая стратегия обучения, цифровая революция, русский язык как иностранному, общество, образование, стрессовые условия

На протяжении веков языковая деятельность совершала большие подвиги для человечества. Она порождала философию, науку, литературу, искусство и т.п. Она также подарила нам счастья и идеал хорошей жизни, научила нас совместную жизнь, уважение к другим людям, помогала нам обнаружить новые образы жизни. Языковая деятельность открывала скрытый талант творцов и погружала их в рой слов и ярких выражений и радость жизни, но не без переживания и страдания. Процесс производства языковой деятельности – увлекательный, полон страстей, но это бесконечная борьба. Мы обожали труд великих писателей Чехова, Толстого, поэтов Пушкина и Есенина, ученых Менделеева, Столетова и лингвистов Щербу и Костомарова. Мы осознали, что их труд имеет большую заслугу, но мы так же осознали, что языковой

талант и творческий потенциал зависит от степени овладения языком и уровня мотивации, зависит от большой страсти к языковому творчеству. Люди имеющие такие способности совершили чудесные произведения, побудили читателей и раскрыли ценности внутри людей. Благодаря языковому творчеству мы научились как победить страх и терроризм, как устранять диктаторов и как подсаживать любовь, честолюбие, искренность, храбрость, честность и жажду славы. Мы пели симфонию любви, мечтали о вечной жизни и избавились от ненависти.

Однако, подобная языковая деятельность имела свое время, свои эпохи. Преобладало тогда время сентиментализма, романтизма и реализма. Восхищались произведениями великих писателей, поэтов и художников. Такие времена имели свои подходы и методы обучения. Они были адекватными и способствовали развитию уровня овладения языками. Мы же подвержены большим изменениям на всех уровнях, в том числе и в области образования и обучения. Мы уже живем при новых условиях, связанных с понятиями глобализации и современности, при бурном развитии средства массовых информационных. Это в свою очередь способствовало стрессовому характеру жизни и усложнению поведения людей. Из этого вытекала необходимость пересмотреть сложившуюся обстановку, анализируя ее положительные стороны и стремя укрепить их и конечно устранять отрицательные, заменяя их новой стратегией. Подобная стратегия предполагает изучение наследия языкового творчества человечества, способствующего развитию человеческого мышления и степени интеллектуальности людей. Необходимо уделять существенное внимание к культурному компоненту в культурно-языковой дихотомии, указывая на необходимость сосредоточивать на положительный вариант культурного фона на материале

которого строится процесс обучения и реализуется овладения языком.

Одним из важнейших компонентов предлагаемой стратегии является требование современного общества к использованию педагогами современных электронных средств обучения. Следует отметить, что языковое наследие человечества содержит оба культурных фона – положительный и отрицательный, и такое наследие отражается в книгах, учебниках и программах обучения. Изучающим иностранный язык неизбежно сталкиваться с текстами не толерантного фона, поэтому современная методика должна регулировать содержание обучения стремясь к удалению не толерантного фона и сосредоточивать на первую модель гуманитарного характера.

Основой содержания настоящей статьи, безусловно, является создание системной стратегии к обучению иностранным языкам. В связи с этим необходимо анализировать понятия Глобализации и вытекающие из нее Современность и Постсовременность, следствие которых настолько продвигается время столько осложняется жизнь, увеличиваются ее проблемы. Умножается стресс и чувство усталости. Отсюда вытекает необходимость быть в поисках новых способов, чтобы устранить эти препятствия, и давать обучаемому огромное желание для приобретения знаний и овладения профессиональными компетенциями, чтобы он испытывал чувство радости каждый раз он отправляется на урок. Нужно признать, что совокупность традиционных методов пока играет большую роль в процессе обучения иностранным языкам и, они даже необходимы для формирования навыков и умения видов речевой интерактивной стратегии обучения иностранным языкам». Автор глубоко внедрится в объект исследования и вместо стратегии он употребляет концепт «подход» называя его «Интерактивный наслаждающийся подход к обучению иностранному языку» [Муна, 2017, с. 38].

Согласно автору, также «главнейший фактор в осуществлении вышеуказанных целей заключается в том, что процесс обучения происходит на основе новой определенной системы, состоящей из позитивно-психологических компонентов, целью которых является реализация учебного процесса с новым гуманитарным подходом, способствующим установлению и утверждению понятия счастливого обучения, как требуемого направления XXI столетия» [Там же].

Стресс студента, издевательства и депрессия являются одними из наиболее важных вопросов, с которыми сталкиваются наши учебные заведения сегодня. В последние пять лет большинство студентов сообщают, что они были презрены мысленно, словесно или физически. Очень важно, что мы находим практические пути культивировать осведомленность о внутренних силах, повысить эмпатию, и найти связь, которая дает ощущение цели и смысла жизни. Это то, что побудило исследователей создать концепт «счастливого обучения», который обращается к неуловимому отношению человечества со счастьем, а также к некоторым программам, которые принесут инструменты для учителей, родителей и студентов и способствуют счастливому процессу обучения. Среди таких инструментов способы снятия стресса в процессе обучения.

Необходимо, отметить, что тунисские студенты испытывают высокий уровень беспокойства, что создает потенциальные проблемы в процессе изучения русского языка как иностранного. По словам McIntyre & Dewaere [2014], «беспокойство мешает приобретению, удержанию и производству». Таким образом, процесс ввода, обработки и вывода чрезвычайно зависит от беспокойства, что означает, что тревога может отрицательно влиять на общий процесс обучения второму или иностранному языку. Поэтому необходимо больше исследовать проблему беспокойства

среди тунисских студентов-русистов и связанные с ней факторы, чтобы помочь студентам преодолеть эту проблему.

Стресс в настоящее время является обычным и часто встречающимся явлением в образовательных условиях. Учащиеся все временами испытывают его – может быть, когда встают, представляясь в классе, или как повышенную раздражительность или бессонницу во время экзаменационной сессии. Известно, что стрессорами могут быть самые разнообразные факторы: микробы, различные яды, и вирусы. Однако, при современных условиях такими же стрессорами могут быть и любые эмоциогенные факторы, т.е. факторы, влияющие на эмоциональную сферу человека. Это все, что может учащихся взволновать, несчастье, грубое слово, незаслуженная обида, неудобные учебные условия, скучные программы обучения. И это свидетельствует о том, что само возникновение и переживание стресса зависит не столько от объективных, сколько от субъективных факторов, тормозящих, процессов овладения и производства коммуникативных и когнитивных навыков и умений. Следует также отметить, что исследование этих факторов и уделение им особого внимания в процессе обучения поможет предотвратить многие стрессовые ситуации и повысить эффективность учебной деятельности, а также достичь целей организации учебного процесса с минимальными психологическими и физиологическими потерями. В связи с этим стресс является объектом исследования многочисленных исследователей разных специальностей Byrne, D. G., Thomas, K. A., Burchell, J. L., Olive, L. S., & Mirabito, N. S. [2011], Лазарус Р.С. [1989], Леонова А.Б. [2000], Tolan, P., & Grant, K. [2009], Wills, T. A., McNamara, G., & Vaccaro, D. [1995], Tolor, A., & Fehon, D. [1987], Walker, L. S., Smith, C. A., Garber, J., & Van Slyke, D. A. [1997], Ward-Struthers, C., Perry, R. P., & Menec, V. H. [2000].

Академический стресс среди студентов, в частности, был предметом интереса на протяжении многих лет, [Stucky,

Dresselhaus, Dollarhide et al., 2009]. Стресс как общее общественное явление Вещи, которые вызывают стресс, называются стрессорами. Стресс затрагивает всех, молодых и старых, богатых и бедных. Жизнь полна стресса. Стресс – это тот факт, который мы все должны решать. Он имеет все формы и размеры; даже наши мысли могут вызвать у нас стресс и сделать человеческое тело более восприимчивым к болезни. В общем, существует три теории или перспективы в отношении стресса; экологический стресс, психологический (эмоциональный) стресс и биологический стресс [Cohen, Kessler, Gordon, 1995]. Что касается экологического стресса подчеркивается оценка экологических ситуаций, которые обычно связаны с существенными адаптивными требованиями. С точки зрения психологического стресса подчеркивается аспект субъективной оценки людей, их способность справляться с требованиями, предъявляемыми к стрессу определенными ситуациями и опытом. Перспектива биологического стресса подчеркивает функцию определенных физиологических систем в любом организме человека, которые регулируются как психологически, так и физически сложными условиями. Подчеркивается, что не весь стресс имеет отрицательный эффект. Когда организм терпит стресс и использует его для повышения производительности, стресс является положительным, здоровым и сложным. Ганс Селье [Selyes, 1956] назвал эту экстазом. Стресс является положительным, когда он заставляет нас адаптироваться и, таким образом, увеличивать силу наших механизмов адаптации, предупреждает нас о том, что мы неправильно справляемся и что изменение образа нашей жизни необходимо, конечно, если мы хотим поддерживать оптимальное здоровье. Растет озабоченность по поводу увеличения стрессовых расстройств; особенно в отношении к месту работы. «Работал до смерти, падение смерти, работа до тех пор, пока вы не упадете», подчеркиваются «смерть, связанная с работой» в 21 веке.

Страны, известные своими долгими рабочими часами, знают это достаточно хорошо.

Функциональное состояние человека управляется разными психологическими механизмами. В.И. Медведев и А.Б. Леонова отмечают что, «адекватное определение понятия функционального состояния, – должно разрабатываться на основе системных представлений о формировании целостного ответа организма. Это утверждение предполагает, что в основе конкретного вида функционального состояния лежит формирование качественно своеобразной системы».

В основном, для процесса регуляции поведения психический стресс оказывается наиболее важным. Согласно А.Г. Маклакову «принято разделять стресс на два основных вида: системный (физиологический) и психический. Поскольку человек является социальным существом и в деятельности его интегральных систем ведущую роль играет психическая сфера, то чаще всего именно психический стресс оказывается наиболее значимым для процесса регуляции» [Маклаков, 2012, с 458]. Существует другая классификация явления стресса. По мнению Рогова Е.И., «в настоящее время ученые различают эустрессе (положительный стресс, который сочетается с желательным эффектом и мобилизует организм) и дистресс (отрицательный стресс с нежелательным вредоносным эффектом). При эустрессе происходит активизация познавательных процессов и процессов самосознания, осмысления действительности, памяти. Дистресс, возникающий в рабочей обстановке имеет тенденцию распространяться и на нерабочее время. Такое накопившееся последствие трудно компенсировать в часы досуга, нужно компенсировать в рабочее время» [Рогов, 2001, с. 80]. Согласно М. Мескону и др. «во внутреннем квадрате обозначена самая суть нашего существования, которую называют «Я сила», «умственная сила», «психическая

энергия», или «внутренние ресурсы». Это то, что позволяет индивиду преодолевать кризисы жизни, что определяет интенсивность сопротивления стрессу. Снижение ресурса способствует повышению уязвимости к разным, связанным со стрессом, расстройствам, таким как тревога, страх, отчаяние, депрессия» [Мескон, 1994, с. 97].

Стресс в процессе обучения при постреволюционных условий в Тунисе. Преподавание русского языка в Тунисе имеет длительную историю. Но статус русского языка в Тунисе, по-прежнему, испытывает большие трудности. Реформа обучения русскому языку в Тунисе, как нам кажется, необходимой и срочной. Будущее преподавания русского языка в Тунисе после революции будет во многом зависеть от будущей политической власти в стране. Университетские и культурные среды должны бороться за укрепление отношений и расширение сотрудничества с Россией. Они должны привлечь внимание политических партий, общественных организаций, средств массовой информации на необходимость уделить особое внимание к статусу русского языка в Тунисе в связи с коренными изменениями в стране после революции. Открытие новейших перспектив в статусе русского языка в Тунисе способствует повышению морального духа студентов и это, следовательно, снимает стресс и создает у них чувство радости и уверенности в себя. Однако, следует отметить, что это состояние не только русистов касается, но все больше и больше тунисцев плохо в своей коже. Мужчины или женщины, ученики или студенты, менеджеры или сотрудники, все в той или иной степени ощущают эту волну для души, которая влияет на них физически и психически. Тунисское общество, подчеркивают психиатры сразу, претерпевает глубокие изменения. Все находится в разгаре метаморфозы: положение женщин, статус мужчин, роль семьи и общества. В этой изменяющейся среде все участники общества, ученики, студенты, выпускники, менеджеры

связаны обязательством результатов, даже производительности. Ученик должен хорошо выступать в первые годы начальной школы, которому приходится сталкиваться с множеством предметов и напряженным графиком. Ученик средней школы, освобожденный от ограничений экзаменов, видел своего рода расслабление, пока не оказался перед препятствием на подносе. Студент должен хорошо себя вести. Выпускник подчеркивается, потому что нет найма, женщина подчеркивается тем, что ее дважды приглашают в ее семье и профессиональную жизнь.

По словам наших специалистов, стрессоры также объясняются отсутствием четкой модели общества. Семья, школа, общество и телевидение потерпели неудачу в своей роли в создании модели общества. Телевидение, потерянное в магме спутниковых каналов, больше не выполняет свою миссию и не понимает, что никто ее не наблюдает. Добавьте к этому ошеломляющую демократию, глобальные и региональные экономические трудности, а также глобальные и региональные угрозы безопасности. Все это заставляет актеров общества больше не устраивать свою роль. Тунисцы разрываются между девальвацией религиозной идентичности и чрезмерным доступом к поверхностному западнику. Это своего рода шизофрения, которая порождает несчастье и стресс.

Тем не менее, стресс, источник нашего недуга, остается необходимым разблокировать наши энергии и помочь нам двигаться вперед. Но он становится отрицательным, когда он развивает неадекватные и непропорциональные ответы. Например, стресс может побудить ученика лучше подготовиться к его экзамену и, наоборот, вызвать панику у другого ученика, который не сможет работать. Он также может опрокинуть уязвимых людей на алкоголь, наркотики, табак и т. д.

В дополнение к академическим требованиям, отношения с преподавателями и временное давление

являются еще одним источником стресса [Cooley, 1998]. Исследователи обнаружили, что индивидуальные черты студентов включают в себя высоко мотивированные и ориентированные на действия студентов, которые помогают им получить высокие баллы; но те же студенты не могут терпеть чувства беспомощности и зависимости и поэтому более склонны к стрессу или менее способны справиться с этим [Mahajan, 2010], [Bramness, 1991]. Отчеты показали связь высокого уровня стресса среди студентов с различными типами академических стрессоров [Rodolfa, 1995].

Новая технология и цифровая революция в какой-то мере осложняли учебный процесс, слишком большой поток информации стал уже тормозящим фактором для приобретения знаний, навыков и умений, что диктовало необходимость подумать об облегчении условий обучения. Снятие стрессовых моментов в процессе обучения стало необходимой задачей.

TO THE ISSUE OF CREATING A NEW LEARNING STRATEGY FOREIGN LANGUAGES, ELIMINATING STRESS CONDITIONS

The study focuses on a new strategy for teaching Russian as a foreign language in connection with the emergence of modern technology and the digital revolution. This contributed to great changes in society and in education, which made it difficult to implement the educational process. The proposed strategy is an attempt to eliminate stressful conditions that inhibit the learning process.

Key words: new learning strategy, digital revolution, Russian as a foreign language, society, education, stressful conditions

Литература

1. Маклаков А.Г. Общая психология, Издательский дом «Питер», 2012. – 582 с.

2. Мескон М., Альберг М., Хедоури Ф. Основы менеджмента: пер. с англ. – М.: «Дело ЛТД», 1994. – 702 с.
3. Муна Фриха. К вопросу о создании наслаждающей интерактивной стратегии обучения иностранным языкам // Международный аспирантский вестник, Русский язык за рубежом – № 2. – 2017. – С. 36-38.
4. Погов Е.И. Эмоции и воля. – М.: ВЛАДОС, 2001. – 240 с.
5. Cohen S., Kessler R. C., Gordon L.U. Strategies for measuring stress in studies of psychiatric and physical disorders // Cohen S., Kessler R.C., Gordon L.U. A guide for Health and Social Scientists. – Oxford: Oxford University Press; 1995. – 355 p.
6. Cooley E. and Toray T. “Coping in women college students: the influence of experience,” Journal of College Student Development. – Vol. 39. – 1998. – № 3. – Pp. 291-295.
7. Mahajan A. S. “Stress in medical education: a global issue or much ado about nothing specific?” South-East Asian Journal of Medical Education. – Vol. 4. – 2010. – № 2, Pp. 9-13.
8. Rodolfa E., Chavoor S., and Velasquez J. “Counseling services at the university of California, Davis: helping medical students cope,” The Journal of the American Medical Association. – Vol. 274. – 1995. – №. 17. – Pp. 1396-1397.
9. Selyes H. The stress of life. – New York: Mc Graw Hill; 1956. – 515 p.
10. Stucky E. R., Dresselhaus T. R., Dollarhide A. et al., Intern to attending: assessing stress among physicians // Academic Medicine – Vol. 84. – 2009 – №. 2. – Pp. 251-257.

2.1. ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

А. А. МЕЛКОНЯН

(Московский педагогический государственный университет)

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (TALL) В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Статья посвящена изучению языка в цифровую эпоху. Технологии и развитие цифровых медиа могут изменить не только то, как мы изучаем языки, но и то, как учителя иностранных языков учатся преподавать. Управление учебными платформами, эффективное использование обучающего программного обеспечения и образовательных приложений, разработка сложных веб-задач. Это лишь несколько примеров использования цифровых медиа в обучении иностранным языкам современных школ. Цель статьи показать какие виды навыков и знаний необходимы преподавателям иностранных языков для того, чтобы стать грамотными в цифровую эпоху. Также мы остановимся на некоторых проблемах, с которыми сталкивается учитель при обучении иностранному языку.

Ключевые слова: компьютерное обучение языку, компьютерная грамотность, цифровая грамотность, педагогическое образование по иностранному языку, цифровая эпоха, технологическое обучение

Стремительное развитие новых технологий и их повсеместное применение в образовании требуют инновационных методов и подходов в преподавании и изучении языка в цифровую эпоху. Роль технологии в учебном процессе может предложить большие возможности для удовлетворения растущих потребностей студентов.

Технология меняет способ обучения языку, а также наше восприятие и концептуальное понимание.

Более широкое использование технологий открывает возможности для различных стилей обучения и различных способов общения, взаимодействия и понимания. Исследования показывают, что студенты, подвергшиеся воздействию мультимедийных материалов, более склонны размышлять и редактировать свои материалы [Nutta, Feyten, Norwood, Meros, & Yoshii et al., 2002]. Инновационные цифровые устройства и платформы улучшают преподавание и обучение иностранным языкам в классах, а также создают новые пространства внутри и снаружи класса.

Таким образом, для преподавателя иностранного языка первостепенное значение имеет внедрение «цифровых инструментов», которые позволят расширить опыт обучения студентов, расширить их технологическую инфраструктуру. Чтобы стать более компетентными и грамотными в цифровом плане педагогам необходимо развивать специальные знания, набор навыков и позитивное отношение к использованию цифровых медиа. При условии, что учителя обладают навыками и знаниями в области использования технологий, они по-прежнему сталкиваются с проблемой выбора соответствующего содержания и инструментов для своего обучения. Ключ к успешному использованию технологии лежит в педагогическом образовании.

Цифровой инструмент

Существуют различные технологические возможности, которые могут быть реализованы преподавателями. Они должны быть тщательно отобраны в процессе обучения.

Smartboard, интерактивная доска, мотивирует обучение студентов через взаимодействие и способствует готовности участвовать в классах. Его интерактивный проекционный дисплей создает сценарии для изучения языка. Цифровые маркеры позволяют нескольким учащимся

сотрудничать во время рассказывания историй. Заметки могут быть сохранены на компьютере в цифровом формате.

Системы управления контентом (CMS), такие как Moodle, Blackboard, E-learning, Brain Honey, широко используются для средних школ и университетских языковых курсов. Эти CMSs расширяют время обучения и позволяют студентам гибко организовывать свои задания и отслеживать цели обучения вне класса (например, принимая онлайн-викторины, используя дискуссионные доски, журналы и аудиовизуальные текстовые материалы). Кроме того, эти CMSs позволяют студентам использовать ноутбук и смартфон для доступа к учебным планам курса, календарям, дискуссионной доске и их учебнику в любом месте и в любое время [Andrews, Haythornthwaite, 2007; Al-Hashash, 2007].

Мобильные устройства делают изучение языка портативным. Онлайн словари (например, Pleco, PowerWord) позволяют студентам услышать, как произносится слово, увидеть анимацию того, как оно написано, прочитать примеры того, как оно используется в предложениях, а также посмотреть видео того, как оно используется в реальных жизненных ситуациях.

Языковые игры для мобильных телефонов (например, ChineseSkill) позволяют студентам изучать лексику, произношение и предложения, а также развлекать учебный процесс. С помощью опросов текстовых сообщений смартфонов и мобильного голосования преподаватели могут вовлекать студентов в обмен мнениями по темам, быстро оценивать обучение студентов и отображать процентные результаты на экране для немедленной обратной связи. С помощью мобильного голосования учащиеся могут узнать, правильно ли они ответили на вопрос, а учитель также может просмотреть глобальные результаты успеваемости учащихся в классе.

Социальные сети (например, Facebook, Twitter, LinkedIn), блоги, сайты обмена видео и веб-конструкторы

позволяют студентам усваивать обширную аудиовизуальную информацию, а также демонстрировать свою творческую работу. Функция видеочата и текстового чата позволяет изучающим иностранный язык сотрудничать с носителями языка за пределами страны и практиковаться в разговоре онлайн. Беспроводной интернет и камера смартфона также позволяют учащимся передавать видеоизображения в потоковом режиме.

Создатели контента **веб-сайтов**, такие как Weebly, Wordpress, позволяют преподавателям и студентам легко разрабатывать веб-сайты без навыков программирования. Эти типы цифровых программных устройств и приложений также позволяют индивидуализировать и дифференцировать языковое обучение в темпе студента, а также в кооперативных и совместных форматах, особенно в классах FL смешанного уровня.

В цифровую эпоху географические расстояния, которые когда-то были барьерами для очных занятий по иностранному языку, можно преодолеть с помощью онлайн- и дистанционного обучения. Преподаватели, студенты и сотрудники технической поддержки могут посещать один и тот же класс, не находясь в одном и том же географическом месте.

Программное обеспечение для видеоконференцсвязи (Adobe Connect, Zoom, Skype, Microsoft teams) произвело революцию в преподавании и изучении иностранных языков. Видеоконференции предоставляют виртуальные платформы, которые могут быть использованы для практики и укрепления того, что изучается совместно в классе. Она позволяет аутентично изучать язык в тандеме со сверстниками и преодолевает ограничения традиционного класса изучения иностранных языков – возможность приглашать учащихся, неспособных посещать занятия очного обучения. Как мы видим, видеоконференции расширяют сферу межъязыковой коммуникации и

человеческого взаимодействия, а также увеличивают скорость передачи языка (например, развитие новых слов и выражений, заимствование языка и распознавание жестов). Эти непосредственные технологические связи способствуют разнообразию классов и предлагают новые подходы для работы с различными глобальными учащимися.

Массовые открытые онлайн-курсы (МООС) были разработаны для сетевого обучения, связанного с саморегулируемым обучением, обменом опытом и сотрудничеством [McAuley, Stewart, Siemens & Cormier, 2010]. МООС позволяют неограниченным пользователям получать бесплатный доступ к курсу Онлайн для поддержки изучения конкретных тем, а также “предлагают широкое разнообразие, связь и возможности для обмена знаниями” [Mackness, Mak, & Williams, 2010, p. 266].

Из вышесказанного мы видим, что для того, чтобы облегчить всем студентам изучение иностранного языка в цифровую эпоху, тенденция развития новых технологий в 21 веке требует от педагогов свободного владения технологиями. Однако они также должны быть осведомлены о знаниях и опыте своих учеников. Технология должна быть инструментом для улучшения, а не средством для обеспечения того, как учащиеся учатся.

Когда языковые классы становятся глобальными благодаря интернет-технологиям, проектировщикам курсов и преподавателям необходимо учитывать факторы доступности при разработке учебных программ. Онлайн-технология потенциально может обеспечить равный доступ к языку, языку наследия и двойному языку для удаленных и обездоленных учащихся; доступ к учащимся в отдаленных местах через беспроводную сеть или интернет сужает пропасть между теми, кто находится в привилегированных обстоятельствах, и другими из обездоленных ситуаций. Мобильный телефон – это инструмент, который обеспечивает больший доступ к людям и информации, чем

другие источники, такие как компьютеры. Таким образом, цель педагогов состояла бы в том, чтобы использовать этот подход в формальных ситуациях очного и онлайн-обучения, поскольку телефон, как правило, является наиболее доступным и доступным устройством для изучающих язык. Неофициально мобильный телефон соединяет учащихся друг с другом, чтобы поддерживать язык наследия или изучать другие языки с помощью бесплатных приложений, таких как Skype.

Соответственно, преподаватели должны рассматривать предшествующие лингвистические и культурные знания студентов как потенциальные и свободные ресурсы для поддержания языка и аутентичного взаимодействия, которые могут дополнять формальное изучение иностранного языка в классе и вне его.

В корпоративной индустрии признается высокий спрос не только на лингвистические, но и на культурные знания [Grosse, 2004, 2010]. Преподаватели иностранных языков, соответственно, должны признавать различные предшествующие языковые и культурные фоновые знания студентов в качестве потенциальных ресурсов для языковых возможностей [Derderian-Aghajanian & Wang, 2012]. Технологически улучшенные среды расширили возможности использования языкового фона учащихся в качестве потенциальных ресурсов в технологически улучшенных средах обучения. Преподаватели могут создавать онлайн-связи, используя мобильные устройства, между этими подразделениями для улучшения языкового обмена. Предоставление носителям языка онлайн-коммуникативной практики приводит к более доступным и более справедливым возможностям для учащихся, которые находятся в социально-экономическом неблагоприятном положении, но хотят изучать иностранный язык с носителем языка. Онлайн-технологии обеспечивают тандемные форматы для двойного и плюрилингвального языкового

обмена, которые могут даже играть на игровом поле и предоставляют возможности для аутентичного взаимодействия между носителями языка.

После празднования сюрпризов, которые технологии принесли человеческому обществу в 21 веке, педагоги и исследователи должны оглянуться назад на славу менее цифровой стороны человеческого общества. Когда люди слишком заняты изучением новых вещей, у них остается мало времени на размышления о человеческих аспектах, которые могут исчезнуть в цифровую эпоху. Без размышлений о том, как цифровые технологии изменяют человеческое общество, трудно понять, как аспекты языка и культуры могут быть утрачены или заменены

Таким образом, новая цифровая культура и язык могут влиять как на личное, так и на онлайн-социальное взаимодействие. Хотя дети, которые имеют широкий доступ к технологиям (например, Warcraft, Wii, Facebook, YouTube, Youku), могут проводить большую часть времени в общении онлайн, а не в реальной жизни [Gee & Hayes, 2011]. От подростков до взрослых пар мобильные устройства позволяют пользователям наслаждаться цифровой близостью рядом или далеко. Через интернет люди могут заводить друзей по всему миру, зная или не зная личность другой стороны. Технология позволяет застенчивым ученикам анонимно взаимодействовать с людьми. Социальные сети могут отдалить этих пользователей от семьи и друзей. Люди из всех культурных слоев могут быть очарованы тем, что инновационные технологии принесли в жизнь, но могут увязнуть в том, как цифровая культура переопределяет, а иногда и заменяет аспекты их традиционной культуры и способов социализации. Как технология влияет на эволюцию языка?

Есть еще один негативный аспект – формирующая сила технологии на взаимоотношения в человеческом

обществе деконструирует наше традиционное культурное поведение и взаимодействия.

В настоящее время технологии используются в качестве фасилитаторов в различных контекстах изучения языка и занятий в классе. В будущем технологии заменят преподавателя человеческого языка? Где технология определяет роль человека в технологически доминирующем обществе? Поскольку все больше человеческого труда заменяется машинами для производства продуктов, чтобы помочь клиентам проверить в магазинах, роботами для отслеживания телефонных звонков, программным обеспечением, осуществляющим переводы, и виртуальными гидами, посещающими посетителей в музеях, возникают проблемы о том, как и где технология будет управлять ролью человека. Это то, что нас беспокоит, и мы всегда должны помнить о «человеческом факторе» во всех этих аспектах.

Цифровая колонизация: замена человеческого обучения

В то время как технология не заменила человека в языковом образовании, следующее поколение технологий находится в стадии исследования и имеет потенциал заменить человека-преподавателя. С осознанием и самообразованием в области технологии некоторые преподаватели языка могут испытывать колебания в принятии технологии из-за страха быть замененными ею. Школы и университеты предоставляют благоприятные возможности для технологического профессионального развития, так что профессора могут конвертировать свои текущие курсы на кампусе в онлайн-форматы. Это открывает новую особенность технологического образования. Разработка онлайн-языкового курса требует большого опыта и усилий не только в области языка, но и технологических ноу-хау. Курс может быть оснащен яркими видеороликами и анимацией, бесплатными ресурсами для самостоятельного обучения и другими привлекательными технологиями. После

того, как курс разработан, он требует меньше от преподавателя, который может быть необходим только для облегчения и управления курсом, когда технологии отстают от человеческого интеллекта или аспекты программы устаревают, или когда человеческие технологии.

Поскольку хорошо разработанные курсы могут быть разделены, а также назначены тем, кто имеет меньший опыт (например, ассистентам преподавателя), а владение университетом интеллектуальной собственностью курса потенциально может вызвать барьеры в перемещении преподавателя языка или разработчика языка, те, кто вкладывает огромное количество времени и знаний в разработку курсов, могут начать чувствовать себя использованными и недоплаченными за свои усилия. Интеллектуальные права разработчиков курсов не рассматриваются и не защищаются, и они могут считаться устаревшими, как только курс и формат будут введены в действие. Технология построения курсов приносит пользу инсайтам при переходе от образования к бизнесу за счет сокращения бюджета человеческого труда. Поскольку технология может быть продублирована при низких затратах, Время покажет только, как позиции могут быть устранены.

Технологическая индустрия, в которой доминирует вклад корпораций и правительственные решения на макроуровне, ведет образование к неясному будущему. Достижения в области искусственного интеллекта впервые показывают, как ИИ-машина может конкурировать и даже побеждать человека в настольной игре Go, отражая представления о более продвинутых роботизированных способностях, как это было предложено в фильме «Терминатор». В то время как человеку требуется много лет, чтобы выучить язык, роботу может потребоваться всего несколько секунд, чтобы быть запрограммированным или перепрограммированным. Скорость обучения людей может

отстать от скорости обучения будущих технологий. Роботы разработаны с эффективностью, быстрой скоростью, длительностью и даже привлекательным внешним видом, чтобы преодолеть человеческие недостатки. С точки зрения робота, человеческое время, потраченное на отдых, любовь, поощрение и развлечения, может рассматриваться как пустая трата или недостаток в дизайне. Опасность такого механистического мышления состоит в том, что общество может стать дегуманизированным, когда от людей ожидают, что они будут эффективно функционировать как роботы, в то время как роботы функционируют так же автономно и разумно, как и люди. Если люди и компьютерные роботы станут соперниками, возникнет все более широкий разрыв между высоким и облегченным человеком изучением языка и обучением, основанным на технологиях. Потенциальный конфликт человека и ИИ-это всего лишь отражение конфликта человеческого общества. Если люди не могут преодолеть свои собственные недостатки как общество, люди могут перенести те же ошибки в новую область. Когда напряженность в отношении ресурсов и интеллекта возрастает, люди могут потерять больше, чем они ставили.

Что мы можем получить в цифровую эпоху?

Стоя на пересечении истории человеческого языка, мы, читатели, должны отдать должное учителям языка за их время, усилия, терпение, заботу, любовь и другие эмоциональные и интеллектуальные инвестиции в помощь тем, кто является инвалидом, новичком или просто обычным учеником, чтобы стать тем, кем они не мечтали стать. Эти педагоги, учителя и языковые работники являются первыми людьми, которые приветствуют обездоленных детей, таких как беженцы. Их усилия, направленные на то, чтобы эти дети чувствовали себя как дома в новом обществе, бесценны и, самое главное, человечны. Эти человеческие аспекты-то, что передовые технологии вряд ли могут превзойти. Зрительный контакт, улыбка, общение лицом к лицу-эти простые

моменты связывают двух людей эмоционально и невербально. Уникальность чувства заботы и любви не может быть продублирована. Это подлинность человеческого общества, а также оригинальность изучения языка.

Вывод

Технологии могут иметь потенциал для развития человеческого потенциала. Приведенные примеры показывают, как преподавание языка и обучение, поддерживаемое технологией, могут обеспечить подлинны и реальные сценарии взаимодействия человека с человеком, которые приносят пользу и поддерживают языковую практику, развитие и приобретение знаний. Нам просто нужно быть внимательными и не закрывать глаза на потенциал технологий, чтобы обеспечить преимущества для человеческого обучения, сохранения и поддержания языка. И, самое главное, что мы все еще способны обеспечить человеческое прикосновение. Для достижения успеха в обучении иностранному языку через педагогов необходимо внедрять различные технологические средства в учебный процесс. Это облегчит всем студентам изучение иностранного языка в цифровую эпоху.

Литература

1. *Al-Hashash, S.* Bridging the gap between ESL and EFL: Using computer assisted language learning as a medium // *Indian Journal of Applied Linguistics*. – 2007. – Vol. 33. – № 1. – Pp. 5-38.
2. *Andrews, R., & Haythornthwaite, C.* Introduction to E-learning research // R. Andrews & C. Haythornthwaite (Eds.), *The SAGE Handbook of E-learning Research*. – London, England: SAGE Publications, Ltd, 2007. – Pp. 1-53.
3. *Derderian-Aghajanian, A., & Wang, C. C.* How culture affects on English Language Learners' (ELL's) outcomes, with Chinese and Middle Eastern immigrant students // *International Journal of Business and Social Science*. – 2012. – Vol. 3. – № 5. – Pp. 172-180.

4. *Gee, J. P., & Hayes, E. R.* Language and learning in the digital age. – New York, NY: Routledge, 2011. – Pp. 344-345.
5. *Grosse, C. U.* The competitive advantage of foreign languages and cultural knowledge // *Modern Language Journal*. – 2004. – Vol. 88. – Pp. 351-373.
6. *Grosse, C.* Corporate recruiter demand for foreign language and cultural knowledge // *Global Business Languages*. – 2010. – Vol. 3.
7. *Mackness, J., Mak, S., & Williams, R.* The ideals and reality of participating in a MOOC // *Proceedings of the 7th International Conference on Networked Learning*. – 2010. – Pp. 266-275.
8. *McAuley, A., Stewart, B., Siemens, G., & Cormier, D.* The MOOC model for digital practice. – 2010. – URL: http://www.davecormier.com/edblog/wp-content/uploads/MOOC_Final.pdf.
9. *Nutta, J., Feyten, C., Norwood, A., Meros, J., Yoshii, M., & Ducher, J.* Exploring new frontiers: What do computers contribute to teaching foreign languages in elementary school? // *Foreign Language Annals*. – 2002. – Vol. 35(3). – Pp. 293-306.

PSYCHOLOGICAL ATTITUDE AS A MECHANISM FOR THE FORMATION OF MODERN MEDIA DISCOURSE

The article goes along the lines of language learning in the digital age. Technology and the advancement of digital media not only have the potential to change the way we learn languages, but also the way foreign language teachers learn to teach. Managing learning platforms, using learning software and educational apps effectively, designing complex web –based tasks are just a few examples of digital media use in the foreign language instruction of today's schools. The article aims at showing of what types of skills and knowledge language teachers need to become digitally literate. Also we will focus on some challenges that an educator faces while teaching foreign language in the digital age.

Key words: computer language training, computer literacy, digital literacy, foreign language teacher education, digital age, technology training

L. REPKINA

(Bauman Moscow State Technical University)

FEATURES OF A FOREIGN LANGUAGE ACQUISITION AT A TECHNICAL UNIVERSITY THROUGH FUNCTIONAL APPROACH

The present study is concerned with reading as a source of information, the way of studying the vocational environment. The current interest in foreign languages reading lies in general scientific and technical, general humanitarian training of non-linguistic students for the development of informational literacy. In the course of teaching vocational oriented reading to students of non-linguistic specialties, it is becoming extremely important to reveal the substantial conditions for the informational literacy formation and expanding. The performance of this educational work, the informational literacy formation and the development of comprehensive reading system for non-linguistic students, is possible when informational competence implementing. The selected authentic materials with a compulsory link to occupational profiles and strategies directed toward the needs of engineering students are considered as essential condition for the development of informational competence.

Key words: Informational literacy, vocationally-oriented readers, informational competence, functional literacy, functional approach

Introduction

The formation of organizational and methodological conditions for the development of engineering students' information literacy, taking into account the features of their English learning at a technical university, is facilitated by the use of a functional approach. An appeal to the philosophical and psychological foundations of education shows that the functional

approach involves the use of the philosophical views of pragmatism, the provisions of functionalism in linguistics and psychology, the use of formalized methods of obtaining new knowledge [Field, 2004; Galperin, 2011; Markov, 1982; Piaget, 2003; Rumyzytseva, 2004; Sokolov 2013; Zhinkin, 1998; Vygotsky, 1978].

Within the framework of the functional approach to teaching professionally-oriented reading for engineering students, the following methodological principles are taken as a basis according to: student age of learners and their needs; different language proficiency of learners; a small number of hours allocated for the technical oriented English teaching; receptive language activity.

- The principle of communication, the leading generalized principle, which provides for such features of the educational process as: motivation, targeting, differentiation, mental activity, interaction activity, information content, the presence of problem solving, comprehensibility.
- The principle of taking into account the native language of students, which is based on the comparison of linguistic phenomena that are present in the native language with the linguistic phenomena of the target language.
- The principle of vocational oriented English teaching in higher vocational education based on the needs of industry, especially in terms of occupational profiles.
- The principle of taking into account the level of language proficiency allowing for the fact that students have different levels of foreign language competences at technical universities.
- The principle of drawing attention to the functional cues that technical oriented reading materials offer in the process of foreign language teaching reading skills.

- The principle of enhancing analytical-synthetic reading abilities to comprehend professionally-oriented materials focused on specific fields.

On the basis of the principles of the functional approach and levels of information processing, the following types of cognitive objectives are distinguished:

- **Indicative search objectives** aimed at determining the thematic correlation of information and the problems to be solved, at achieving a general comprehension, during which the main semantic connections, the structure of the logical-semantic components of the text are established;

- **Processive search objectives** aimed at detailed processing of the subject content of the text and the selection of the necessary text fragments. The task of categorizing the incoming information and its classification are used as analysis searching objectives.

- **Evaluative search objectives** aimed at generalization of factual information and the complexity of the content of the text due to updating professional skills. The result is a mental model of the situation contained in the text. The evaluative and search objectives are: making judgments based on the content of the text, comparing the extracted information with already known facts and transforming information

1. Functional approach: background, implementation, optimization of teaching vocational oriented reading

The functional approach emerged as the methodological basis of modern scientific fields that study the processes of information transfer and exchange, the organization of systems and subsystems.

1.1. Background

The development of the modern education system is closely related to the most important trends in the history of pedagogical thought, psychology and philosophy, which still retain their relevance. Current pedagogical science ideas of John Dewey, the famous American educator, psychologist,

philosopher, proved to be very useful. It was Dewey who began to study pragmatic ideas, considering it especially important to develop them in the field of education. In designing innovative and sustainable higher education processes, Michael M. Crow and William B. Dabars identified the following goal based on Dewey's pragmatic approach. "This objective resonates with the pragmatist concern, propounded by Dewey, for actionable knowledge exercised in a particular context, time, a place in response to real-world problems" [Crow, Dabars, 2015, p. 218]. "Pragmatists contend that thought and action are indivisible and that ideas should lead to practical action" [Crow, Dabars, 2015, p. 215]. "Because the design aspirations are interrelated and interdependent as well as mutually reinforcing, these pragmatist objectives for knowledge correspond as well to the design aspirations that advocate societal transformation and social embeddedness" [Crow, Dabars, 2015, p. 218]. The modernized pedagogical ideas of John Dewey are highly consistent with the ongoing processes of studying optimization in higher professional education, taking into account the features of training undergraduates in engineering fields that meet the needs of the economic sectors.

John Dewey used the philosophical views of pragmatism and the position of functional psychology in pedagogy in order to enhance the content and methods of teaching. Such formalized methods of obtaining new scientific knowledge as tests, polls, objective observations, statistical methods, modeling, classifications, which have become important sources of scientific information for functional psychology, were further developed in the functional approach to information, and later in the theory of communication.

The starting point for training organization when using the ideas of the functional approach is the concept of function. In psychology, function is considered as any separate mode of activity, any special form of behavior [Vygotsky, 1978]; the philosophical reference book defines a function as an external

manifestation of the object property in a given relations system [Gritsanov, 2003].

In linguistics, a function is viewed, on the one hand, as the use of language, and on the other hand, as a role performed by one formally distinguished part of the structure in relation to the rest of its parts [Bondarko, 2002; Kostomarov, 2005; Kozhina, 1968; Razinkina, 1972; Valgina, 2003; Vinogradov, 2001; Craig, 2015]. The implementation of the functional approach is often associated with the capabilities of functional modeling of cogitateness, taking into account the recognition of the function in each specific area of knowledge.

In education, the functional approach is implemented:

- relying on an awareness of function in psychology, associated with the functional aspects of cogitateness and the possibilities of its functional modeling [Markov, 1982];
- relying on the recognition of function in linguistics, associated with the possibilities of functional analysis of text material [Kozhina, 1968; Razinkina, 1972; Valgina, 2003].

1.2. Implementation

From the point of view of the functional approach, the various internal content of the language system is fully covered in the final expression – the action of the system, considering it from the side of functions that transform language into speech. To function is to act, to work. For a language to work and become a speech, it is necessary to have steady units that carry out the transformation of language into speech. Such units (or units of learning) in a functional approach to learning are communicative functions and concepts, with the help of which content and meaning are conveyed through linguistic structures.

In the course of teaching engineering students to comprehend a professionally-oriented text in English, functional analysis allows us to consider individual components of the text (words, phrases, sentences) from the point of view of their role in organizing the whole text, and the creation of linguistic forms, their acquisition and use in accordance with the communicative

functions, functions of the language in professional communication. When teaching a foreign language based on a functional approach, the facts of the language in their use in speech, which are closely related to the pragmatic focus, are investigated. Training is based on the priority position of communicative functions (definitions, generalizations, naming, reflections, presentation of one's own point of view, and others), since they reflect the content of the engineering-special text. The functional description of the target language is associated with the communicative activity of students, the analysis of professionally-oriented text material.

In special fields of science, a specific description of the knowledge system, sublanguages is formed. The advantage of the sublanguage, undoubtedly, is the elimination of semantic ambiguity, which contributes to the transfer of scientific and technical information and serves as an important direction in the development of formal methods for representing special knowledge. A functional approach to teaching professionally-oriented foreign language reading allows us to consider a scientific and technical text as a kind of block, or a repository of information exchange. Knowledge of a special sublanguage can be represented as a set of techniques for formalizing special knowledge of a given technical field, which must be mastered by the reader in order to understand the scientific and technical information represented by the author.

From the point of view of the functional approach, the various internal content of the language system is fully covered in the final expression - the action of the system, considering it from the side of functions that transform language into speech. To function is to act, to work. For a language to work and become a speech, it is necessary to have steady units that carry out the transformation of language into speech. Such units (or units of learning) in a functional approach to learning are communicative functions and concepts, with the help of which content and meaning are conveyed through linguistic structures.

In the course of teaching engineering students to comprehend a professionally-oriented text in English, functional analysis allows us to consider individual components of the text (words, phrases, sentences) from the point of view of their role in organizing the whole text, and the creation of linguistic forms, their acquisition and use in accordance with the communicative functions, functions of the language in professional communication. When teaching a foreign language based on a functional approach, the facts of the language in their use in speech, which are closely related to the pragmatic focus, are investigated. Training is based on the priority position of communicative functions (definitions, generalizations, naming, reflections, presentation of one's own point of view, and others), since they reflect the content of the engineering-special text. The functional description of the target language is associated with the communicative activity of students, the analysis of professionally-oriented text material.

In special fields of science, a specific description of the knowledge system, sublanguages is formed. The advantage of the sublanguage, undoubtedly, is the elimination of semantic ambiguity, which contributes to the transfer of scientific and technical information and serves as an important direction in the development of formal methods for representing special knowledge. A functional approach to teaching professionally-oriented foreign language reading allows us to consider a scientific and technical text as a kind of block, or a repository of information exchange. Knowledge of a special sublanguage can be represented as a set of techniques for formalizing special knowledge of a given technical field, which must be mastered by the reader in order to understand the scientific and technical information represented by the author.

1.3. Optimization of teaching vocational oriented reading

With regard to the optimization of the process of teaching vocational oriented reading, performing the functional approach

provide the level of functional literacy sufficient for effective work with foreign language information and enable graduates to search, extract, analyze and select the significant information individually for solving vocational tasks based on scientific and technical knowledge. "Individuals with high levels of cognitive skills are able to move from task to task with high fluidity and productivity" [Craig, 2015, p.121]. However, among skilled engineering specialists, there is a lack of knowledge of reasonable techniques of searching and using vocationally-oriented information. "For higher level positions, employers feel graduates are lacking written communication skills, verbal communication skills, critical thinking, and complex problem-solving skills;" [Craig, 2015, p. 124]. This issue is encouraged to address through the use of functional approach in the optimization process of training engineering students' information literacy. The nature of reading changes in the age of information technologies.

In pedagogical research, the content of the concept of "literacy" has received its expansion due to the inclusion of the activity aspect in it, which is expressed in the appearance of the concept of "functional literacy" [Tangyan, 1990; Frolova, 2008]. When teaching students of technical universities, functional literacy is considered both as a personality characteristic and as an integrating connection between vocational education and the future professional activity of an individual. As for teaching professionally-oriented reading for students of technical universities, it becomes extremely important to reveal the comprehensive conditions for the formation of their information literacy. The implementation of this educational task, the formation of information literacy of engineering students, is possible when they implement information competence. Information competence refers to professional competencies in the field focused on vocational and research activities of university graduates. The formation of information competence implies the development of the ability and readiness to read foreign language materials suitable to the students' interests and

needs, to acquire adequate reading skills necessary for encouraged self-reflection, autonomy and critical thinking; to process, to analyze and classify engineering special information.

Considering the development of higher education, modern programs, curricula, Ryan Craig, the author of the book “College disrupted, the Great unbundling of higher education” analyzes the concept of competence. «Curriculum that begins with competencies – defined in association with employers (who are expected to hire graduates) at the program and course levels. Note: while “competencies” is a term often viewed as synonymous with job-related skills, it should be interpreted as “capabilities”, including cognitive capabilities, such as problem solving, numerical reasoning and locating information, as well as behavioral characteristics such as teamwork and accepting feedback” [Craig, 2015, p. 83]. We are seeing the current trends in the educational system and curricula of higher education, the challenges of the 21st century in our global world: “Changes in student curricular choices have been significant” from the social sciences in the 1960s to business, engineering, and law starting in the 1980s an continuing to the present, all with a strong vocational focus” [Bastedo, Altbach, Gumport, 2016, p. 104].

2. Functional literacy development

We relate information competence, which is a part of cognitive abilities group, to such knowledge of the language as the features of functioning in speech, the patterns of vocationally-oriented text composition and the placement of information in the text.

2.1. Cognitive capabilities

In the process of teaching engineering students to read and understand professionally-oriented texts in English, functional cues are essential to focus on the comprehension of a technical text. Functional cues help to master communicative functions that represent the framework of a professionally-oriented text, reveal its content and linguistic entity.

In order to encourage the process of perception and comprehension of a written scientific and technical text in English, the following kinds of functional cues have been identified:

- lexical cues (international terms, terms of Greek-Latin origin, frequent professionally significant vocabulary and informative grammatical features);
- extralinguistic and sociocultural cues (words represented by the names of various educational and scientific institutions, organizations, well-known scientific and technical facts);
- structural cues directed toward a clear structure of the scientific and technical text (simple paragraph sentences, used markers, footnotes, links, diagrams, figures, tables);
- grammatical cues directed toward grammatical meaning and import.

The components of information competence are represented below by sets of students' cognitive skills to comprehend professionally-oriented text in English.

2.2. A set of cognitive skills according to cognitive objectives

To meet indicative search objectives:

- emphasizing international lexical units and thematic elements, to trace the development of the central idea of the text;
- estimating the peculiarities of the text organization, to make a guess about the intended content of the text;
- using background knowledge on the proposed topic, to focus attention on the essence of the requested information;
- focusing on the logical-semantic structure of the text, to recognize the type of written representation, communicative intention.

To meet processive search objectives:

- separating the main things from the secondary ones, to ignore the redundant information;

- analyzing the lexical composition and grammatical structures, to pay attention to the structure paraphrased reflecting thematic line;
- recognizing information of an extralinguistic, sociocultural nature, to use a transferring the skills of the native language into a foreign language;
- focusing on a special text as a compositional and speech block, to summarize the main ideas of the text.

To meet evaluative search objectives:

- forming a whole from the separated elements of the text, to check your guess through its perception, preventing the transformation of prediction into guessing;
- making logical conclusions, to evaluate the importance and the novelty of the information received;
- using the received information, to carry out its semantic summarization, to present it in the form of abstracts, reviews, outlines, research reports, etc.

2.3. Course of action tried out

At the heart of working with the text is a cognitive theory, which represents the process of learning a foreign language, taking into account modern data accumulated in various branches of psychology dealing with the teaching English as a foreign language [Achard, Niemeier, 2004; Ackerman, Goldsmith, 2011; Aebersold, Field, 2002; Dridze, 2009; Lightbown, Spada, 2013; Christesen, Eyring, 2011; Klychnikova, 1983; Korniyenko, 1996]. Cognitive processes underlie the methods of introducing lexical and grammatical material, inductive, deductive, comparative. At the core of the inductive method of teaching foreign languages are transmitting the idea of linguistic unit values directly, in an associative way, by analogy with relying on a model, without the formulation of rules by means of observation. The deductive method of mastering linguistic material is based on the didactic principle of consciousness, which involves a conscious analysis and comparison of linguistic structures and the need to use rules when communicating linguistic knowledge.

Emphasizing the lexical and grammatical resources of the language that are difficult to master guide students to understanding the features of these tools in the vocationally-oriented representation, to the need for language analysis exercises aimed to removing the language difficulties for a more complete and accurate comprehension of the special text. In the process of reading authentic professionally-oriented texts, students observe the connections of linguistic forms and their functioning in this context. The logical conclusion as a result of such observations and comparisons feed students to the independent derivation of the rules, to understand the mechanisms of the functioning of language phenomena according to semantic content of special text.

Thus, students develop the main cognitive strategies:

1) Cognitive strategies proper, which are mental processes aimed at learning, during which the proposed information is perceived and mastered, as well as processed information is extracted from memory. These strategies involve problem-solving tasks. The solution of these tasks is a specific result to be achieved in terms of student vocational activities. The problem has a substantial basis, research and scientific education subject in the course of solving the evaluative search objective. These mental processes provide increased motivation, and cognitive creative and student language activity. They can be quite effective for students with different levels of language proficiency in a non-linguistic university. Each student, when performing such an assignment, uses language tools in accordance with his level of language training. In the exposure and prediction exercises such methodological techniques as guessing and anticipating, establishing logical-semantic connections at the level of a phrase, sentence or text are implemented. Exposure provides against the process of turning predicting into guessing.

The methodological techniques used in the functional approach to the description of vocabulary and its receptive

acquisition activate the elimination of lexical difficulties as the formation of associative links of foreign words.

2) Analytical synthetic reading strategies, which are intentionally used for various purposes and attitudes towards the degree of accuracy and understanding of a foreign language special text. When using the techniques of synthetic strategies, the attention is focused mainly on the content as solving the indicative search objectives. Here, methodological techniques such as prediction and anticipation, making logical-semantic connections at the level of a phrase, sentence or text are implemented.

When using the techniques of analytical strategies, the attention is focused not only on the content, but also on the linguistic means through which information is transmitted. These strategies are used as solving processive search objectives. Methodological techniques are aimed at removing lexical and grammatical difficulties.

2.4. Exercises aimed at the cognitive objectives

Some exercises can be proposed. Materials were selected from authentic specific professional fields.

Exercise aimed to succeed indicative search objectives

For each of these markers (a - d) choose the best list below (1-4).

a) additive markers; b) adversative markers; c) causal markers; d) disjuncts.

1) yet, though, however, nevertheless; actually, as a matter of fact; instead, on the contrary; on the other hand, at the same time; in any case, anyhow, at all events, either way .

2) certainly, obviously, doubtless, presumably, admittedly, rightly, surprisingly, fortunately, more importantly; strictly speaking, briefly, generally, put simply, to be precise.

3) so, hence, therefore, for, thus, consequently; for this reason, on account of this, it follows, because; as a result, arising from this, so... that; with this in mind, to this end, in order to, so that; if, unless, otherwise, in that case, that being so.

4) moreover, furthermore; incidentally, in passing; likewise, similarly.

Exercise aimed to succeed processive search objectives

Decide which of the organization ideas (a,b,c) best describes each of the following sentences.

Sentence 1.

X-ray computed tomography is becoming increasingly important among the non-destructive inspection techniques for applications where the three-dimensional nature of the phenomena is important, or where the evolution of critical features is of interest, either during manufacturing or under in-service conditions.

Sentence 2.

In the field of composites, these are both important attributes: the heterogeneity and architecture of composite materials often require 3D assessment, while understanding the nucleation and evolution of defects is critical to the structural integrity of the composite.

Sentence 1 is

a) Complimenting, evaluating, reinforcing, explaining;

b) Evaluating, reinforcing, explaining, predicting;

c) Warning, reinforcing, explaining, predicting.

Sentence 2 is

a) Asserting, apologizing, evaluating, classifying;

b) Asserting, evaluating, classifying, exemplifying;

c) Apologizing, classifying, complaining, suggesting.

Exercise aimed to succeed evaluative search objectives

Write an abstract on the text so that include at least two markers and the following words and phrases.

The author considers (presents, studies) ...;

The particular concern in the work is ...;

The main ideas analyzed (treated, developed) in the work are ...;

The detailed analysis of reveals (shows, demonstrates)...;

The author comes to a conclusion (makes a conclusion) that

3. Discussion and Conclusion

By optimizing the process of teaching vocationally-oriented foreign language activity to students of technical universities, we encourage the adaptation process of a young specialist to modern labor market conditions [Inozemtseva, Troufanova, 2018; Ivanova, Margaryan, Nikolaeva, Borodina, 2018; Repkina, 2018].

The employers note the necessary qualities for the successful social and professional adaptation of graduates such as professional mobility, communication skills, responsibility and independence in making important decisions. A young specialist is able to demonstrate these qualities as a result of well-formed cognitive skills. The form of work with information flows of the engineering environment is also driven by selected objectives. Identified cognitive objectives provide stage-by-stage processing and comprehension of the growing information flow using functional cues. In the course of solving indicative search objectives the students practice a great deal of knowledge, expectations, assumptions, questions (top-down strategies) for extensive processing of information. In the course of solving processive search objectives the students practice scanning, skimming, selecting, predicting, searching, regressing, decoding (bottom-up strategies) for intensive processing of information. To meet evaluative searching objectives, the students practice both bottom-up and top-down strategies for critical processing of information.

It was interesting to view how well these strategies support the vocationally-oriented reading of English language texts, enable the average learner to comprehend vocational special text materials adequately without major difficulty. The average vocationally-oriented reader was becoming familiar with

the strategies in terms of the functional approach, which provides fairly good readiness to solve vocational tasks based on scientific and technical knowledge. Reading target language texts outside academic hours may be crucial in that the strongest learners who reported reading on their own were those who achieved the best level of understanding, using the received information, to carry out its semantic summarization.

The research reported here are based on the information gathered with group of junior and senior students of Bauman Moscow State Technical University. This research may not have been delicate or comprehensive enough, which limits the adaptability of these strategies in terms of functional approach. More research activities with carefully ascertained student groups are required to better determine the strong points of functional approach oriented toward the needs of engineering students in various technical fields.

In this paper essential attention was directed toward the materials and the techniques used to teach reading vocationally-oriented English materials in a technical university for the purpose of information competence development. The proposed techniques of working with information flows based on a functional approach allows to organize the learning process effectively and increase the motivation of students for self-reflection, autonomy and critical thinking in the information environment. The students are also encouraged to learn from each other's experience by sharing their job-related knowledge and practical learning.

References

1. *Achard, Michel, Niemeier, Susanne*, ed. Cognitive linguistics, second language acquisition, and foreign language teaching. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2004.
2. *Ackerman, R., & Goldsmith, M.* Metacognitive Regulation of Text Learning: On Screen Versus on Paper //Journal of Experimental Psychology: Applied. – 2011. – Vol. 17. – № 1. – Pp.18-32.

3. *Aebersold J., Field M.* From reader to reading teacher. – Cambridge.: Cambridge university press, 2002.
4. *Bastedo Michael N., Altbach Philip G., Gumpert Patricia J.*, ed. America higher education in the twenty-first century: social, political, and economic challenges. 4th ed. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2016.
5. *Bondarko, A.V.* Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noy grammatiki: Na materiale russkogo yazyka. Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN. – Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. – 736 p.
6. *Christesen, Clayton M. and Eyring Henry J.* The innovative university: changing the DNA of higher education from the inside out. – San Francisco: Jossey-Bass, 2011.
7. *Craig, Ryan.* College disrupted: the great unbundling of higher education. – New York: Palgrave Macmillan, 2015.
8. *Crow, M. M., Dabars W. B.* Designing the new American university. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2015. – 360 p.
9. *Dridze T.M.* Yazyk i sotsialnaya psihologiya. – Moskva: URSS, 2009. – 240 p.
10. *Field J.* Psycholinguistics: the key concepts. – London, New York: Oxford University press, 2004. – 366 p.
11. *Frolova P.I.* Formirovaniye funktsional'noy gramotnosti kak osnova razvitiya uchebno-poznavatel'noy kompetentnosti studentov tekhnicheskogo vuza v protsesse izucheniya gumanitarnykh distsiplin: Dis. kand. ped. nauk. – Omsk, 2008.
12. *Galperin, P.Ya.* Lektsii po psikhologii: uchebnoye posobiye. – Moskva: KDU, 2011. – 399 p.
13. *Gritsanov A.A.*, red. Noveyshiye filosofskiy slovar'. 3-ye izd. – Minsk.: Knizhnyy Dom, 2003. – 877 p.
14. *Inozemtseva, K., Troufanova, N.* ESP Tertiary Teachers' Perceptions of How They Comply with Requirements of Cross-disciplinary Education // Proceedings of EDULEARN18 Conference, 2nd-4th July 2018, Palma, Mallorca, Spain. – 2018. – P. 6427-6434.
15. *Ivanova, L.I., Margaryan T.D., Nikolaeva N.S., Borodina T.Yu.* Shaping Skills Of Reasoning In Esp Course At Technical University// The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS), 28-30 November 2018, St.Petersburg: Peter

- the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia. – 2018. – P. 1687-1697.
16. *Klychnikova, Z.I.* Psihologicheskiye osobennosti obucheniya chteniyu na inostrannom yazyke. – Moskva: Prosveshcheniye, 1983. – 207 p.
 17. *Korniyenko, E.R.* Smyslovoye vospriyatiye i ponimayiyey inoyazychnogo teksta. – Moskva: GPI “ISKONA”, 1996.
 18. *Kostomarov V.G.* Nash yazyk v deystvii. Ocherki sovremennoy russkoy stilistiki. – Moskva: Gardariki, 2005. – 287 p.
 19. *Kozhina M.N.* K osnovaniyam funktsional'noy stilistiki. – Perm', 1968. – 251 p.
 20. *Lightbown, Patsy M., and Spada, Nina.* How Languages are Learned. 4th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2013.
 21. *Markov YU.G.* Funktsional'nyy podkhod v sovremennom nauchnom poznanii. – Novosibirsk: Nauka: Sib. otd-niye, 1982. – 255 p.
 22. *Piaget, J.* Psihologiya intellect. – M.: Piter, 2003. – 191 p.
 23. *Razinkina N.M.* Stilistika angliyskoy nauchnoy rechi. – Moskva, 1972. – 168 p.
 24. *Repkina, L.I.* Globalization influence on the development of students' skills to translate professional guided materials. – Tula: Izvestiya Tula State University, 2018. – № 3. – P. 106-110.
 25. *Rumzytseva I.M.* Psihologiya rechi i lingvopedagogicheskaya psihologiya: novyyeologii obucheniya inostrannym yazykav. – Moskva: PERSE, 2004. – 316 p.
 26. *Sokolov E.* The psychophysioogy of consciousness. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 232 p.
 27. *Tangyan S.A.* Novaya gramotnost' v razvitykh stranakh. // Sovetskaya pedagogika. – 1990. – № 1. – P. 3-17.
 28. *Valgina N.S.* Teoriya teksta. – Moskva.: Logos, 2003. – 250 p.
 29. *Vinogradov V.D.* Funktsional'naya grammatika sovremennogo russkogo yazyka: Ucheb. posob. po sovremennomu russkomu yazyku dlya inostrannykh studentov-filologov. – N.Novgorod: Izd-vo NGPU, 2001.
 30. *Vygotsky, L.* Mind in society. – Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1978. – 160 p.
 31. *Zhinkin, N.I.* Yazyk – Rech – Tvorchestvo: Issledovaniye po semuitike, psiholingvistike, poetike. – Moskva: Nauka, 1998. – 366 p

2.2. MOOCS И ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Г.К. НУРЛЫБАЕВА

*(Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации)*

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ»

На основе исследования практики создания учебно-тренировочных программ в области развития иноязычных профессиональных компетенций будущих государственных служащих – студентов Института общественных наук Академии народного хозяйства и государственного управления при Президенте России (РАНХиГС) – автором было проанализировано текущее состояние уровня языковой подготовки студентов. Методология исследования включала в себя теоретические, аналитические, эмпирические исследования (анкетирование и опросы 80 студентов ИОН РАНХиГС), а также методологию сравнительных исследований. По результатам анализа были сделаны определенные выводы и намечены пути совершенствования программ по формированию и развитию иноязычных профессиональных компетенций будущих государственных служащих.

Ключевые слова: государственное управление, студенты, иноязычные профессиональные компетенции, анализ

состояния языковой подготовки, рекомендации для преподавателей

1. Введение

Государственная политика в сфере образования и подготовки государственных служащих во всех странах мира связана с решением проблем, отражающих общие цели и задачи государственной службы. В XXI веке – веке интернационализации экономики и глобальных вызовов человечеству – стало ясно, что для полной реализации стратегических целей государственного управления, а также достойного представления интересов государства на международном уровне государственные служащие должны обладать высокими иноязычными профессиональными компетенциями. Этот факт подчеркивается в ряде международных и российских документов, в частности, в Стратегии устойчивого развития государств до 2030 года, принятой ООН в 2015 году [The Concept of Sustainable Development until 2030, adopted by UNO in 2015]. Данный факт подчеркивается и в подготовленной Минэкономразвития РФ Стратегии инновационного развития России до 2020 года. В ней сказано, что «в квалификационные требования для занятия должностей государственной службы старшей и высшей группы будет включено знание иностранного языка на уровне, позволяющем обеспечивать прямое общение с иностранными коллегами» [Стратегия инновационного развития России до 2020 года]. Из всего упомянутого следует, что в нынешнюю эпоху проблема формирования и развития иноязычных компетенций будущих государственных служащих приобретает особую актуальность.

Ученые, изучающие государственную службу в России, и за рубежом, также неоднократно подчеркивали важность проблемы совершенствования иноязычных

компетенций будущих государственных служащих. В частности, В. Карева пишет следующее: «Учреждениям государственного сектора, таким, как различные правительственные органы, министерства, местные органы власти, государственные предприятия, суды и общественные организации, необходимы государственные служащие, обладающие хорошими коммуникативными навыками на английском языке. Это необходимо для осуществления контактов с международным сообществом и представителями международных организаций по темам, связанным с вопросами государственного управления и политики» [Kareva, 2013, pp.1477-1481]. Для осуществления вышеуказанных целей процесс формирования и развития иноязычных профессиональных компетенций студентов, обучающихся по специальности «государственное управление», требует тщательного исследования и совершенствования.

Целью данного исследования явился анализ текущего состояния уровня языковой подготовки будущих государственных служащих – студентов, магистрантов и аспирантов, определение и постановка задач, целей для повышения качества их владения иностранным языком (в частности, в нашем случае английским языком). Вклад автора в создание учебно-методической базы для формирования и развития иноязычных профессиональных компетенций студентов, обучающихся по специальности «государственное управление», позволит повысить качество языковой подготовки будущих государственных служащих. Исследование также может быть полезным для установления и совершенствования квалификационных требований к государственным служащим, совершенствования методического сопровождения обучения иностранным языкам в вузах, готовящих государственных служащих, создания учебников и учебных пособий для решения вышеуказанных задач.

Тема «Формирование и развитие иноязычных профессиональных компетенций студентов, обучающихся по специальности «государственное управление»» была рассмотрена в статьях Е.В. Абрамовой, Ж.В. Дмитриевой, В. Каревой, К. Конноли Нокс, О. Б. Корецкой, А.Г. Красюк, О.Н. Касторновой, И.Б. Короткиной, Г.К. Нурлыбаевой, Д. Ю. Рогозина и других. Однако данная тема разработана не в полной мере и требует значительной доработки с учетом современных требований Концепции устойчивого развития до 2030 года, принятой ООН в 2015 году.

Объектом исследования явились студенты, магистранты и аспиранты – будущие государственные служащие, обучающиеся по специальности «Государственное управление» в Институте общественных наук (ИОН) РАНХиГС, Москва. Используемые методы исследования включили в себя анализ литературы и теоретических исследований по указанной теме, аналитические методы исследования, методологию эмпирических исследований, методы компаративных исследований и т. д.

2. Теория и практика развития иноязычных профессиональных компетенций студентов, обучающихся по специальности «государственное управление»

2.1. Необходимость практического подхода к созданию программ обучения иностранным языкам в университете, готовящем будущих государственных служащих

Проанализировав литературу по вышеуказанной теме, мы определили основные цели и масштабы исследования, а также методы, которые мы должны использовать в его ходе. Был сделан вывод, что использование учебников иностранного языка, содержащих только сведения об истории государственного управления в

разных странах, о теоретических проблемах функционирования государственного управления в разное время, а также обсуждение проблем использования делового английского языка на занятиях не являются достаточными для решения современных задач государственного управления. Существует разрыв между реальными практическими потребностями государственных служащих в области владения ими иностранными языками и преподаванием иностранных языков в ходе языковой подготовки на факультетах государственного управления университетов. По нашему мнению, преподавание английского языка для специальных целей (ESP – English for Special Purposes) и развитие иноязычных компетенций студентов факультетов государственного управления требует особого внимания и более практического подхода. Программы ESP не должны включать в себя только общую информацию о государственной службе, как это часто происходит сейчас. Программы обучения иностранным языкам в университете необходимо создавать специально для будущих государственных служащих. Хотя в языковые программы также могут быть включены некоторые общие теоретические и исторические сведения о государственной службе, программы не должны ограничиваться лишь такой информацией и должны учитывать практические потребности будущих государственных служащих. Практический подход к созданию программ должен применяться, в первую очередь, тогда, когда в ходе занятий необходимо, прежде всего, в ряду других иноязычных компетенций, развивать коммуникативные навыки студентов.

2.2. Анализ развития иноязычных компетенций студентов – будущих государственных служащих – в Институте Общественных наук РАНХиГС

Далее приведено описание некоторых изученных автором аспектов развития иноязычных компетенций

студентов, а также изложены практические меры, предпринятые в области развития иностранных языковых компетенций в Институте общественных наук (ИОН) РАНХиГС, Москва, в течение 2018/2019 учебного года. По результатам анализа были сделаны определенные выводы, которые, по нашему мнению, могли бы помочь преподавателям вузов, работающим в сфере образования в области государственного управления, улучшить как процесс преподавания иностранного языка, так и его результаты.

Иноязычные профессиональные компетенции иностранных языков основаны на интеграции четырех языковых областей: аудирования, говорения, чтения и письма. Предполагается, что слушатели получают эти знания при изучении своей учебной дисциплины к моменту получения ими диплома [Dual Language Professional Competencies Performance Outcomes and Performance Indicators, 2013]. Набор данных иноязычных компетенций касается обучения студентов, их академических результатов, а также создания профессиональной готовности студентов к их будущей деятельности. По окончании учебы учащиеся должны продемонстрировать все вышеупомянутые компетенции в области знания иностранных языков, которые могли бы позволить им успешно работать в сфере государственной службы.

Кафедрой английского языка Института общественных наук РАНХиГС, Москва, были составлены таблицы оценочных критериев и степеней формирования и развития иностранных языковых компетенций для студентов-бакалавров и программы изучения английского языка в ИОН в течение четырех лет обучения. Для каждого этапа изучения английского языка были перечислены оценочные критерии. Анализ потребностей студентов показал, что больше внимания в процессе обучения следует уделять развитию коммуникативных навыков студентов, а также навыков академического письма [Korotkina, 2017,

р. 229]. Выпускные экзамены студентов ИОН РАНХиГС, Москва, включали в себя также такие части, как «Общественно-политическая лексика», онлайн-курсы со специфической профессиональной лексикой, Project Design (для 3-го курса обучения). Вклад в окончательную оценку успеваемости каждого студента вносили и такие факторы, как посещаемость, участие в работе во время занятий и т. п.

Мы проанализировали работу студентов в течение первого и второго семестров 2018/2019 гг. в четырех студенческих группах направления Liberal Arts (80 студентов) и выяснили, что в течение года с использованием нового подхода к обучению был достигнут определенный прогресс. Это было выявлено при помощи сравнения успеваемости в начале и в конце учебного года.

2.3. Актуальная профессиональная лексика – главное, что необходимо для эффективного общения государственных служащих

В статье К. Конноли Нокс в журнале «Public Administration Education» можно прочитать следующее: «Administrators not only need to know about communications, they need to be able to communicate» («Административным сотрудникам не только нужно знать все о коммуникации, они должны уметь общаться») [Connolly Knox, 2013, p. 515-536]. Первое, что необходимо для эффективного общения и понимания – это общая профессиональная лексика. Поэтому обучение студентов профессиональной лексике иностранного языка так важно при обучении будущих государственных служащих. Курс «Общественно-политическая лексика», проводимый в ИОН РАНХиГС, Москва, частично выполняет эти задачи, и лексика этого курса может быть в будущем включена в «Международный английский Словарь в области государственного управления» как его часть. Автор полагает, что данный курс должен совершенствоваться и расширяться в течение следующих лет обучения с учетом тщательного анализа

потребностей и целей учащихся. При этом очень важно создавать учебные программы с помощью преподавателей профильных дисциплин. Они должны помочь преподавателям иностранного языка подключить к преподаванию необходимую и, что важно, актуальную лексику из сферы государственного управления. Подобный опыт присутствовал в учебном процессе, организуемом кафедрой английского языка ИОН РАНХиГС, в 2018/19 учебном году. Очень важны при этом для студентов навыки академического письма. Ими должен использоваться профессиональный иностранный язык, ориентированный на конкретную аудиторию, который позволит им во время будущей профессиональной карьеры не только общаться с соответствующей аудиторией, но также создавать и предоставлять гражданам грамотно написанные документы. Для этого выпускники факультетов и кафедр государственного управления должны обладать ориентированными на аудиторию хорошими навыками письма, а также понимать дискурс правительства и некоммерческого сектора публичного администрирования. [Korotkina, 2017, 229].

2.4. Использование современных технологий преподавания иностранного языка для развития иноязычных компетенций будущих государственных служащих

Как уже отмечалось, для того, чтобы государственные служащие могли в полной мере владеть иностранным языком в четырех областях (аудирование, говорение, чтение и письмо), их знания необходимо развивать в соответствии с современными технологиями преподавания иностранного языка. Среди них – электронное (в том числе дистанционное) обучение, инновационные методы и технологии такие, как модульные технологии обучения, ролевые игры, коллективное решение проблем, групповые дискуссии и т.д.

В исследовании было установлено, что одним из наиболее эффективных способов развития языковых

компетенций является метод «case study» – исследование кейсов. В данном случае все вышеупомянутые компетенции студенты приобретают посредством тщательного изучения конкретных материалов из передовой практики государственного управления. Как говорит исследователь В. Карева [Kareva, 2013, pp.1477-1481], преподаватели должны создавать эффективную учебную среду, используя в кейсах для обучения конкретную терминологию. Большим подспорьем в освоении коммуникативных навыков учащихся являются такие формы обучения иностранному языку, как коллективное решение проблем, групповые дискуссии. Главная цель применения всех этих форм обучения состоит в том, чтобы побудить учащихся свободно говорить на ту или иную тему при постановке четких коммуникативных задач. Метод «решения проблем» требует от учащихся формулирования и предложения решений с использованием лексики и терминов, характерных для конкретной дисциплины обучения. Данный метод требует, чтобы учащиеся понимали предлагаемые идеи, задавали вопросы и отвечали на них, выдвигали свои собственные идеи и объясняли свой процесс мышления. Во время применения метода «решения проблем» развиваются такие языковые компетенции, как чтение и письмо. Этот метод может также сочетаться с командной работой, которая развивает, в первую очередь, такие языковые навыки, как аудирование и говорение. Командная работа способствует также развитию таких навыков, как чтение и понимание профессиональных текстов, умение отбирать необходимую информацию из большого разнообразия источников, содержащих как письменные тексты, так и визуальную информацию.

Среди современных технологий развития языковых компетенций следует также упомянуть такую форму обучения, как Project Design (проектирование), широко используемую в ИОН РАНХиГС во время обучения на третьем и четвертом курсах. Создание проекта помогает

студентам развивать свои компетенции по нескольким направлениям: Project Design развивает их творческие навыки и специальные компетенции по изучаемой теме, помогает в развитии их исследовательских и коммуникативных навыков, и, конечно, существенно помогает в развитии иностранных языковых компетенций, поскольку в большинстве случаев вышеупомянутые проекты должны быть написаны на английском языке. О результатах своих исследований студенты докладывают на студенческих конференциях, представляя свои проекты.

2.5. Использование при обучении студентов иностранному языку технологий электронного обучения и цифровых технологий

Использование при обучении студентов иностранному языку технологий электронного обучения и цифровых технологий помогает им получать необходимую информацию, решать профессиональные проблемы, составлять проекты, общаться друг с другом на актуальные темы, делать домашнюю работу и т.д. Кроме того, оно поможет будущим государственным служащим получить необходимые навыки для реальной работы, ведь цифровые средства коммуникации становятся все более популярными в работе государственной службы и в ее работе с гражданами. Преподаватели иностранного языка должны предоставить возможность студентам пользоваться специальными компьютерными программами для онлайн-обучения и оказывать всестороннюю помощь студентам в овладении данными программами. Это особенно важно при использовании дистанционного обучения иностранным языкам, которое все больше и активнее входит в практику преподавания иностранного языка в связи с вызовами пандемии.

Хорошую практику для своей будущей работы студенты получают, принимая участие в онлайн-курсах, предлагаемых преподавателями во время обучения студентов

профессиональному иностранному языку. Внедрение онлайн-курсов в процесс обучения английскому языку в ИОН РАНХиГС, Москва, в качестве дополнительного метода преподавания, может рассматриваться как новое направление развития иностранных языковых компетенций. Онлайн-курсы включены в общий процесс электронного обучения в Академии. Данная форма работы была применена ИОН РАНХиГС, Москва, в 2018/2019 гг., и она постоянно совершенствуется и дополняется. Онлайн-курсы создаются для таких направлений обучения в ИОН, как Liberal Arts, Психология, Менеджмент, Политология и некоторых других. Еще одной важной задачей является адаптация студентов к электронному обучению в вузе и облегчение процесса обучения. Студенты используют технологические инструменты и цифровые носители, относящиеся к их дисциплине обучения, для доступа к информации, для ее обработки, для решения проблем, управления проектами и общения с преподавателями во время обучения. Результаты работы студента в онлайн-среде учитываются при оценивании его работы во время выпускных экзаменов, поэтому студенты должны уделять электронному обучению в целом и работе с онлайн-курсами, в частности, особое внимание.

3. Заключение

Наше исследование показало, что развитие иноязычных компетенций и практически ориентированное изучение профессионального английского языка в ИОН РАНХиГС, Москва, позволяет студентам ближе подойти к достижению реальных целей государственного управления, лучше выполнять свои профессиональные задачи после окончания Академии. Все новые части программ включены в процедуру оценки во время выпускных экзаменов, а результаты экзаменов демонстрируют степень готовности учащихся к использованию английского языка в целях общения друг с другом и с гражданами во время дальнейшей

работы в качестве государственных служащих. На факультетах государственного управления и факультетах иностранных языков вузов должна проводиться дальнейшая работа по формированию и развитию иноязычных компетенций студентов, и мы надеемся, что наши исследования помогут преподавателям иностранного языка создать эффективную учебную среду для будущих государственных служащих.

Литература

1. Стратегия инновационного развития России до 2020 года. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-innovatsionnogo-razvitiya-rossiyskoy-federatsii-na-period-do-2020-goda-otsenka-adekvatnosti-trebovaniyam-vremeni> (Дата обращения 24.10.2020)
2. Крупченко, А.К. Иноязычное образование в условиях глобализации и интернационализации // *European Social Science Journal*. – 2014. – № 9. – Т. 1.
3. Короткина И. Б. *English for Public Policy, Administration and Management*. М: Издательство Юрайт, 2017. – 229 с.
4. Нурлыбаева Г. К. Система обучения в магистратуре Лондонского столичного Университета (Великобритания) по программе «Государственное и муниципальное управление»: информационно-аналитические материалы. М.: Академия управления МВД России, 2014. – 51 с.
5. The Concept of Sustainable Development until 2030, adopted by UNO in 2015. – URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/development-agenda/> (Дата обращения 24.10.2020)
6. Connolly Knox. C. Teaching Grammar and Editing in Public Administration: Lessons Learned from Early Offerings of an Undergraduate Administrative Writing Course // *JPAE*. – 2013. – 19 (3). – Pp. 515–536.
7. Dual Language Professional Competencies. Performance Outcomes and Performance Indicators© Discipline-Based Dual Language Immersion Model AGMUS Ventures, Inc. 2013© December 16, 2013.

8. Kareva V. English for Specific Purposes: Public Administration and Political Sciences // Procedia - Social and Behavioral Sciences. – 2013. – 70. – Pp. 1477-1481.

THE PROBLEM OF THE DEVELOPMENT OF FOREIGN LANGUAGE PROFESSIONAL COMPETENCIES OF PUBLIC ADMINISTRATION STUDENTS

The author analyzed the current state of the level of foreign language training of the students at the Institute of Social Sciences (ISS) of the Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russia (RANEPA) basing on a study of the practice of creating training programs for the development of foreign-language professional competencies of future public servants. The methodology of the study included the methodology of theoretical, analytical, empirical research (the questionnaire and the survey of 80 students of ISS, RANEPA) as well as a comparative research methodology. Some conclusions were made based on the results obtained, and the ways to improve programs for formation and development of foreign-language professional competencies of future public servants were outlined.

Key words: public administration, students, foreign-language professional competencies, the analysis of the state of language training, recommendations for teachers

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-СЛОВАРЕЙ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ
НА ЯЗЫКОВОМ ФАКУЛЬТЕТЕ**

В статье рассматриваются онлайн-справочники предметной области «Еда и напитки» и их внедрение в учебный процесс на занятиях по английскому языку на языковом факультете.

Ключевые слова: словарь, глоссарий, помета, иллюстрация.

В настоящее время активно развиваются различные информационные технологии. Всеобщая компьютеризация наблюдается в различных областях науки, в том числе, в лексикографии. Появляются электронные и Интернет-справочники. Возникает термин «кибернетическая лексикография», изучению которой посвящены труды как отечественных (О.М. Карпова, С.А. Маник и др.), так и зарубежных исследователей (Bergenholtz H., De Shryver G.M. и др.). В Интернете представлены общие и специальные лингвистические словари, энциклопедии, терминологические и нетерминологические справочники и др. В центре данного исследования находится проблема использования словарей предметной области «Еда и напитки» на занятиях.

При изучении лексической темы «Еда и напитки», а также сопутствующих тем (например, национальная кухня страны) могут использоваться различные обучающие средства (учебные пособия, рабочие тетради, карточки и т. д.). Словарь также может стать одним из средств формирования лексических навыков обучающихся, а также способствовать формированию навыков говорения.

Первым изданием для проведения анализа становится кулинарный глоссарий *Cooking Glossary. Food Industry Terminology*. Словник организован в алфавитном порядке и включает: **наименования блюд** (*adobo, cabanossi, calabaza*), **напитков** (*café noir, malt, Kahlua, Kefir*), **кухонных принадлежностей** (*absorbent paper, kitchen paper*), **посуды** (*caldero, flameproof, kettle*), **названия ингредиентов и продуктов питания, фруктов и овощей, используемых при приготовлении** (*aceite de oliva, acidulated water, feijoa, filberts, Maguey*), **слова, обозначающие процесс приготовления еды** (*ice, pan-broil, restock, roast*) и другие.

Микроструктура включает входную единицу, дефиницию и этимологическую помету, позволяющую узнать информацию о происхождении лексической единицы:

a la Greque (a la Grecqua) [French] means "in the Greek manner". Term describes vegetables cooked in a mixture of oil and vinegar, or lemon juice, with seasoning added [<https://theodora.com/food/index.html>].

На наш взгляд, такой глоссарий может быть полезен студентам, изучающим тему «Еда и напитки» на первых курсах. Дефиниции, представленные в издании, носят исчерпывающий и подробный характер. Однако в издании отсутствует широкий набор помет, а также иллюстративные примеры, что определяется лексикографической формой глоссария. Для студентов старших курсов особое значение играет развитый аппарат семантико-функциональной характеристики слова (включение орфоэпической, грамматической, региональной помет), а также примеров, демонстрирующих функционирования лексемы в речи.

Поскольку у современных студентов ярко выражено визуальное восприятие реальности, особое значение придается полиграфическому наполнению справочника. В трудах отечественных лексикографов (например,

О.М. Карповой) появляется термин «полиграфическая семиотика». Согласно О. А. Германовой, под этим термином понимается совокупность шрифтов, цветовых обозначений, эмблем, способствующих успешной работе с лексикографическим пособием [Германова, 2011, с. 52-53].

В словари Р.Р.К. Хартманна и Г. Джеймса *Dictionary of Lexicography* приводится следующее определение понятия «иллюстрация»: это рисунок, диаграмма или фотография, целью которых является раскрыть значение понятия [Hartmann, James, 1998, p. 71].

Лексикографы также дают определение понятию *illustrated dictionary* (иллюстрированный словарь). Согласно справочнику, иллюстрированный словарь включает графические изображения для определенных слов и фраз [Ibid, p. 71].

Подобные справочники популярны и издаются ведущими зарубежными изданиями: Cambridge, Oxford University Press, Pearson Education, Collins и др.

Одним из подобных словарей по данной тематике становится *Visual Dictionary Online. Food and Kitchen* издательства Merriam-Webster. Словник разделен на две части: *Food* и *Kitchen*. Отдельно рассмотрим каждый раздел.

Словник раздела *Food* организован следующим образом: сначала приводится общее понятие, обозначающее ту или иную группу продуктов (например, *грибы*, *фрукты*, *овощи* и др.). Нажимая на общее понятие, пользователь получает доступ к входящим в данную категорию лексемам: это наименования специй, приправ, злаковых культур и др.

Таким образом выглядит микроструктура к лексеме «Фрукты»:

Fruits

Usually sweet vegetables, primarily consumed at breakfast, as a snack or for a dessert, and used extensively in pastry and candy making [http://visualdictionaryonline.com/food-kitchen/food/fruits/citrus-fruits_2.php].

Далее следуют несколько разделов, которые в свою очередь подразделяются на подразделы: *Berries* (gooseberry, currant, bilberry, strawberry, blackberry), *Stone Fruits* (nectarine, apricot, peach), *Dry Fruits* (walnut, coconut, almond), *Citrus Fruits* (orange, pomelo, grapefruit) и т.д.

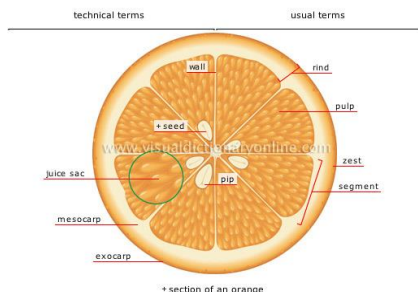
Микроструктура включает входную единицу, дефиницию, произносительную помету (звуковой аудиофайл), а также графическую иллюстрацию:

orange 🗣️

section of an orange widely available, it is often eaten plain or in juice, and it goes well with duck; it yields a flavour essence and an essential oil.

Если нажать на ссылку *section of an orange*, то появится графическое изображение внутренней части апельсина с указанием названий компонентов данного фрукта. К каждому компоненту в свою очередь приводится дефиниция, а также звуковая дорожка, нажав на которую пользователь получит информацию о произношении единицы.

Вторая часть словаря называется *Kitchen*. Словник включает лексемы, обозначающие способ приготовления пищи, кухонную утварь (например, *glassware, kitchen knives*, и др.).

Плюсом справочника становится тематическая организация материала. Слова по теме «Еда и напитки» расположены по группам. Такая организация способствует быстрому запоминанию и усвоению лексического материала. Еще одним достоинством становится добавление произносительной пометы. Визуальная наглядность способствует формированию лексических навыков студента.

При углубленном изучении темы «Еда и напитки» на языковом факультете следует обратить внимание на толковые словари. В толковых онлайн-словарях английского языка ведущих британских издательств встречаются тематические разделы. Например, словарь *Cambridge Dictionary Online* включает списки под названием *Smart Vocabulary: Related Words and Phrases*. Слова формируются в облако по тематике. Нажав на ту или иную единицу в облаке, пользователь получает доступ к словарной статье.

Additives in food & drinks

SMART Vocabulary: related words and phrases

The SMART Vocabulary cloud shows the related words and phrases you can find in the Cambridge Dictionary that make up this topic. Click on a word to go to the definition.

Таким образом представлено облако к теме «Добавки к еде и напиткам». Поскольку это толковый словарь, то микроструктура включает не только входную единицу и дефиницию, но также пометы (произносительная, региональная, грамматическая (указание части речи), тематическая), иллюстративный пример и графическое изображение. Словарная статья содержит указание уровня с

точки зрения владения языком по европейской шкале (в приведенном ниже примере это A1 – начальный уровень).

salt *noun* US /sɑ:lt/ UK /sɒlt/ A1

a common white substance found in sea water and in the ground, used especially to add flavor to food or to preserve it:

Can you pass the salt, please?

[<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/salt?q=salt+>].

Подобный словарь является идеальным справочников для студентов, изучающих английский язык на высоком уровне. Включение информационных категорий, иллюстративных примеров позволяет познакомиться с разными сторонами лексемы и понять контекст ее употребления.

Таким образом, анализ Интернет-словарей английского языка тематической группы «Еда и напитки» показал, что такие издания могут использоваться на занятиях по иностранному языку в вузе. На первых курсах обучения можно использовать глоссарии, словарная статья в которых включает лексему и дефиницию. На более серьезных ступенях предпочтение следует отдать толковым словарям с развитой системой информационных категорий. Лучшему визуальному восприятию информации и запоминанию лексики способствует использование иллюстрированных словарей.

Литература

1. Германова О.А. Иллюстрированные и иллюстративные словари: формирование, развитие, современное состояние: дис. ...канд. филол. наук. – Иваново, 2011. – 261 с.
2. Cambridge Dictionary Online. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/us/> (Дата обращения: 09.10.2020).
3. Cooking Glossary. Food Industry Terminology. – URL: <https://theodora.com/food/index.html> (Дата обращения: 08.10.2020).
4. Hartmann R.R.K., James G. Dictionary of Lexicography. – London and New York: Routledge, 1998. – 176 p.

5. Merriam-Webster Visual Dictionary Food and Kitchen. – URL:<http://www.visualdictionaryonline.com/food-kitchen/food.php> (Дата обращения: 08.10.2020).

THE USE OF INTERNET ENGLISH DICTIONARIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS AT THE LANGUAGE FACULTY

The problem of Internet English dictionaries use in the studying process at the lessons of English at the foreign languages department is taken into account.

Key words: dictionary, glossary, label, illustration.

Е.В. ДУМИНА

*(Московский государственный лингвистический
университет)*

С. СУАРЕС КУАДРОС

(Гранадский университет, Испания)

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ С ПОМОЩЬЮ АУТЕНТИЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

Данная статья посвящена вопросу развития умений иноязычной письменной речи у студентов-юристов на основе аутентичных Интернет-ресурсов, при использовании которых создаются оптимальные условия не только для знакомства с письменными формами профессионального общения, но и формируется и совершенствуется межкультурная иноязычная коммуникативная компетенция учащихся.

Ключевые слова: аутентичность, аутентичный материал, Интернет-ресурсы, межкультурная письменная коммуникация, язык для профессиональных целей, студенты юридических специальностей

Введение

Одним из основных требований к иноязычной подготовке современных выпускников юридических факультетов является формирование и комплексное развитие всех компетенций, необходимых для успешной интеграции российских молодых специалистов в мировое профессиональное сообщество и осуществления международного делового сотрудничества в условиях глобального мира. В этом контексте нельзя не учитывать еще один, на наш взгляд, существенный фактор – востребованность юридических кадров на современном рынке труда и успешность их профессиональной деятельности во многом зависят:

- 1) от уровня готовности к деловому иноязычному общению с разными категориями граждан – субъектами-носителями иной правовой культуры и правового воспитания, определенного национального менталитета и языка;
- 2) от понимания особенностей речевого взаимодействия и выбора поведенческих стратегий в каждой конкретной ситуации иноязычного общения;
- 3) от степени заинтересованности в результате межличностной коммуникации в различных сферах жизни: общественной, профессиональной, научной.

Заметим при этом, что в результате широкого использования современных технических средств коммуникации, таких как мобильный телефон, электронная почта, Интернет, существенно изменились не только способы получения и передачи самой разнообразной информации, но и открылись иные возможности для обмена

опытом и актуальными знаниями внутри профессионального юридического сообщества. Так, информатизация общества привела к созданию единого информационно-коммуникационного пространства, неограниченному доступу к информационным ресурсам, увеличению объема создаваемых данных. Как следствие, появились новые направления профессиональной деятельности и расширились деловые межкультурные контакты в юридической среде. Одновременно переход к обмену правовыми документами в электронном виде разных форматов способствовал активизации письменной коммуникации на иностранном языке – важной составляющей трудовой деятельности юриста нового поколения. Умение грамотно, логично, точно записывать и передавать профессионально-релевантную информацию, излагать свои мысли и суждения в письменной форме, а также составлять и интерпретировать юридические тексты, в первую очередь правовые документы на иностранном языке, очень высоко ценится в современном мире и играет немаловажную роль в обеспечении исполнения профессиональных обязанностей современного юриста.

Согласно Н. В. Абрамовой, выпускник юридического вуза может считаться подготовленным к самостоятельной речевой деятельности «не только при наличии правовых знаний, умений, навыков, усвоенных правовых традиций и стереотипов поведения, но и сформированной культуры иноязычного делового общения» [Абрамова, 2013, с. 89]. Это значит, что свободное владение иностранным языком в сфере юриспруденции в целом и навыками иноязычной продуктивной письменной речи в частности следует рассматривать как атрибутивные качества юриста-практика, отражающие уровень его речевой культуры и коммуникативной грамотности, более того, служащие проявлением его компетентности и профессионализма.

Особо отмечая практическую значимость развития коммуникативных способностей у студентов-юристов, мы считаем, что формирование и совершенствование умений в области письменной речи требуют постоянного внимания в процессе обучения языку специальности. А это, в свою очередь, диктует настоятельную необходимость поиска новых подходов к профессиональной подготовке юридических кадров и остро ставит вопрос о модернизации информационно-технологического обеспечения высшего лингвистического образования.

Аутентичные материалы как важное методическое условие формирования умений иноязычной письменной речи

Вне всяких сомнений, внедрение в образовательный процесс аутентичных Интернет-ресурсов позволяет перейти на качественно новый уровень в обучении иноязычному профессиональному общению и становится эффективным средством формирования навыков и умений межкультурной письменной коммуникации у студентов юридических специальностей.

Интегрирование аутентичных ресурсов Интернета в процесс преподавания иностранных языков способствует погружению обучающихся в особую информационно-лингвистическую и профессиональную среду, что, безусловно, ведет к усилению практической направленности иноязычной подготовки будущих юристов, повышению их познавательной активности и интереса к языку специальности. При обучении межкультурному общению мы обращаемся к аутентичным материалам, созданными носителями языка и спроецированными на носителей изучаемого языка, тем самым, «создавая иллюзию участия в повседневной жизни страны» [Савинова, Михалева, 2007, с. 117].

Благодаря своим лингвистическим и экстралингвистическим особенностям аутентичные Интернет-ресурсы компенсируют отсутствие естественной языковой среды, начиная с ранних этапов обучения письменной речи, поскольку в качестве дидактического средства мы используем страноведческие и юридические тексты преимущественно в неадаптированном виде. Многие авторы считают вполне оправданным использовать аутентичные тексты для аудиторной и внеаудиторной работы на всех этапах изучения иностранного языка в неязыковом вузе. Принимая во внимание данный аспект, задача преподавателя состоит в том, чтобы упорядочить взятый из оригинальных Интернет-источников материал, который изначально не был предназначен для учебных целей, и путем методической обработки преобразовать его в учебный, при этом в полной мере сохраняя все параметры аутентичности – жанрово-стилистическую подлинность языка (повседневного и юридического), достоверность социокультурных сведений, авторскую индивидуальность, представление текстов в оригинальной форме [Воробьев, 2019]. По нашему мнению, при дидактизации данных средств допустимо вносить лишь незначительные методические правки, и только в том случае, если «живой» речевой материал представляет правовую, языковую, культурно-историческую или воспитательную ценности, которые помогут успешному становлению и развитию профессиональной личности юриста. В противном случае лучше в полном объеме исключить непосильный для усвоения материал, поскольку негативные моменты, связанные с языковыми и / или содержательными трудностями, приводят к появлению отставания и неуспеваемости по предмету и снижают мотивацию к углубленному изучению языка специальности.

В виду разнообразия источников получения информации (видео-, аудио-, печатные, электронные

материалы, предметы реальной действительности и др.) наибольшую трудность представляет отбор иноязычных Интернет-ресурсов, поскольку аутентичных материалы должны соответствовать уровню владения иностранным языком учащихся, их индивидуальным возможностям и социальным потребностям, а значит содержать профессионально значимую, актуальную и достоверную информацию в данной предметной области [Бартош и др., 2018]. Казалось бы, имея постоянный и неограниченный доступ к любой информации в Интернете, преподаватель без особого труда сможет найти подходящий материал, который по содержанию и уровню языковой сложности целесообразно использовать на каждом конкретном этапе обучения письменной речи. Однако основная проблема для организатора учебного процесса заключается не в систематизации большого потока информации, а в объективном определении дидактической ценности и надежности предлагаемого иностранными ресурсами материала. Ввиду отсутствия четких ориентиров, однозначного понимания возможностей применения аутентичных Интернет-ресурсов в педагогических целях, по сути, вся ответственность за уместность, качество и методику их использования на практических занятиях по иностранному языку ложится на преподавателя. Думается, что прежде чем интегрировать информационные технологии в процесс преподавания иностранных языков, следует очертить весь круг возможных проблем, связанных с активным использованием аутентичных Интернет-ресурсов [Azri, Al-Rashdi, 2014]. В связи с чем берем на себя смелость утверждать, что начать необходимо с тщательного изучения существующих иноязычных ресурсов, а именно, с оценивания авторитетности источника сообщения, а также исследования ценностно-идеологических позиций и мировоззренческих ориентаций авторов материалов и издательств в Интернете.

Далее необходимо провести глубокий критический анализ отобранных аутентичных Интернет-ресурсов, обращая внимание, в первую очередь, на коммуникативную специфику юридической профессии, в частности, учитывая важность владения навыками и умениями продуктивной письменной речи на иностранном языке как средством межкультурного делового общения специалистов в рассматриваемой сфере. На основании полученных данных преподаватель разрабатывает стратегию формирования профессиональной письменной коммуникативной компетенции у студентов с разноуровневой языковой подготовкой, поскольку аутентичные материалы позволяют индивидуализировать процесс обучения и создают максимально благоприятные условия для самообразования, самоконтроля и самооценки [Хромов, Каменева, 2015].

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, добиться стабильно высоких результатов освоения учебный дисциплины «Иностранный язык в сфере профессионального общения» можно лишь в том случае, если каждому учащемуся предоставить возможность самому выбирать из числа рекомендованных преподавателем аутентичных Интернет-ресурсов:

1) способ восприятия информации (аудиальная / слуховая или визуальная / зрительная);

2) форму предоставления информации (текстовая, звуковая, графическая, числовая информация, видеофайлы);

3) проблемные задания, направленные на формирование и совершенствование навыков иноязычной письменной речи с учетом индивидуальных способностей и личного интереса.

В качестве примера аутентичного Интернет-ресурса приведем [http: www.juris.de](http://www.juris.de) – сайт юридической тематики, который содержит подборку нормативных документов по всем отраслям права Германии, каталоги ссылок на другие официальные правовые ресурсы, правовые новости,

экспертно-аналитические материалы по актуальным проблемам права и правоприменительной деятельности. Также несомненный интерес и значимость для изучающих немецкий язык и германское право могут представлять юридические вебинары, регулярно проводимые на портале «Де-юре». Поскольку докладчиками онлайн-семинара, как правило, выступают ведущие специалисты-эксперты в сфере юриспруденции, отдельный учащийся или группа учащихся имеют возможность смотреть и слушать ученых-правоведов или практикующих юристов с большим опытом судебных разбирательств, а после в письменной форме дать правовую оценку ситуации, выразив свое собственное аргументированное мнение по сформулированной проблеме.

Заключение

Таким образом, в зависимости от уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции, уровня теоретической и практической профессиональной подготовки и общего культурного уровня учащихся преподаватель разрабатывает комплекс заданий на развитие и совершенствование навыков и умений, необходимых для создания высказываний и реализации речевой интенции в письменном юридическом дискурсе на иностранном языке. Мы разделяем точку зрения П. В. Сысоева и В. В. Завьялова относительно того, что «овладение материалом через практическую деятельность по интерпретации и созданию студентами иноязычного письменного юридического дискурса позволит им быстрее и качественнее овладеть необходимыми компетенциями» [Сысоев, Завьялов, 2018, с. 321].

В заключение добавим, что для развития информационно-аналитических умений воспроизведения и создания различных видов письменных текстов профессиональной тематики на основе исходного языкового материала следует отметить важность системной работы с

аутентичными Интернет-ресурсами в процессе обучения иностранному языку студентов нелингвистических специальностей. Наш опыт работы на факультете международного права и правосудия МГЛУ полностью подтверждает эти выводы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00466.

Литература

1. *Абрамова Н. В.* Подготовка будущих юристов к деловому иноязычному общению в теории и практике высшего образования // Известия Саратовского государственного университета. Нов. серия. – 2013. – Т. 13. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 1. – С. 88-91.
2. *Бартош Д. К., Гальскова Н. Д., Контелова А. В., Харламова М. В.* Технология электронного обучения иностранным языкам: состояние и перспективы. – М. : МГПУ, 2018. – 262 с.
3. *Воробьев Ю. А.* Использование аутентичных текстов профессиональной направленности в процессе формирования лингвострановедческой компетенции у студентов неязыковых вузов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. Ассоциация Профессиональные аналитики аутопойэйзисных систем. – Тольятти. – 2019. – Т. 8. – № 3 (28). – С. 72-74.
4. *Савинова Н. А., Михалева Л. В.* Аутентичные материалы как составная часть формирования коммуникативной компетенции Н.А. Савинова, Л.В. Михалева // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 294. – С. 116-119.
5. *Сысоев П. В., Завьялов В. В.* Обучение иноязычному письменному юридическому дискурсу студентов направления подготовки «Юриспруденция» // Язык и культура. – 2018. – № 41. – С. 308-326.
6. *Хромов С. С., Каменева Н. А.* Методика использования аутентичных Интернет-ресурсов для обучения английскому языку. // Современные исследования социальных проблем. – 2015. – № 7. – С. 275-284.
7. *Azri R. H., Al-Rashdi M. H.* The effect of using authentic materials in teaching // International journal of scientific & technology

research. – 2014. – Vol., Iss. 10.– [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ijstr.org/final-print/oct2014/The-Effect-Of-Using-Authentic-Materials-In-Teaching.pdf> (Дата обращения 25.09.2020).

TEACHING WRITING IN A FOREIGN LANGUAGE TO LAW STUDENTS USING AUTHENTIC INTERNET RESOURCES

The article is devoted to the development of foreign language writing skills among law students on the basis of authentic Internet resources, which create optimal conditions not only for acquaintance with written forms of professional communication, but also form and improve the intercultural foreign language communicative competence of students.

Key words: authenticity, authentic material, Internet resources, intercultural written communication, language for professional purposes, law students

М.А. РУДНЕВА, Н.Г. ВАЛЕЕВА

(Российский университет дружбы народов)

СМЕШАННОЕ ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ-ЭКОЛОГОВ АКАДЕМИЧЕСКОМУ ПИСЬМУ

Исследование посвящено проблеме обучения студентов неязыковых специальностей академическому письму с применением онлайн-курса зарубежного университета. Автор рассматривает модель смешанного обучения и проводят анализ восприятия подобного формата обучения студентами. В ходе исследования были выявлены как положительные аспекты внедрения онлайн-компонента в традиционный курс по академическому письму, так и факторы, требующие более пристального внимания исследователей.

Ключевые слова: MOOK, академическое письмо

В последние годы массовые открытые онлайн-курсы (MOOK) получают все более широкое распространение. Первоначально они задумывались как автономные курсы, призванные полностью заменить занятия в аудитории [Hill, 2012]. Однако со временем все больший интерес исследователей привлекает возможность комбинирования очных и онлайн-занятий, построенного на принципе взаимодополнения. По мнению исследователей [Aukok et al, 2002], смешанный или гибридный формат обучения способствует системному переходу от традиционной фронтальной модели обучения к более самостоятельному и индивидуальному обучению, что, в свою очередь, должно неизбежно привести к повышению уровня мотивации учащихся [Browen et al, 2012]. На заре разработки MOOK все компоненты смешанного курса разрабатывались одним преподавателем. Однако, из-за высокой стоимости производства онлайн-курсов, все чаще преподаватели задумываются о возможности использовать в качестве онлайн-компонента курсы, разработанные ведущими мировыми университетами [Zhang, 2013].

В данной статье представлено исследование, проведенное в Российском университете дружбы народов. Курс академического письма преподается студентам 4-го курса бакалавриата, магистратуры и аспирантуры в рамках учебной программы по профессиональному иностранному языку. Из-за ограниченного количества часов, выделяемых на очное обучение, было решено использовать существующие образовательные ресурсы и включить MOOK по академическому письму в качестве автономного модуля. Было выработано несколько критериев для выбора MOOK для онлайн модуля:

- корреляция между содержанием MOOK и существующей учебной программой;
- временные ограничения – курс должен был полностью принять участие в первом семестре 2018-2019 учебного года;
- краткое последовательное изложение.

Курс был предложен 3 группам студентов (всего 48 человек), обучающихся по программе академического письма. Уровень владения языком студентов составлял B2-C1 в соответствии с CEFR и основывался на ранее сданных экзаменах на Кембриджский сертификат. Студентам было рекомендовано зарегистрироваться на курс *How to write and publish a scientific paper* от École Polytechnique, который был предложен на coursera.org в ноябре-декабре 2018 года. Курс включает в себя 5 модулей. В каждом модуле есть набор видеолекций и набор обзорных вопросов, предназначенных для предоставления необходимых знаний научным сообществам о том, как построить исследовательскую работу. Этот курс описывается как курс, подготовленный аспирантами для аспирантов. Слушатели должны были записаться и пройти курс на платформе Coursera – посмотреть видеолекции, пройти тесты и письменные задания. Участие в дискуссионных форумах было необязательным. После выполнения онлайн-заданий студентам было предложено сделать скриншоты и отправить их по электронной почте преподавателю, их результаты внесли свой вклад в общий семестровый балл по предмету. Преподаватель уделял время обсуждению модулей MOOK на очных занятиях. Студенты должны были пройти онлайн-курс в течение 8 недель, что вдвое медленнее, чем предлагалось учебной программой, для более детальной проработки всех аспектов курса. В таблице 1 приведена структура смешанного курса по академическому письму.

Таблица 1

Неделя	Очное занятие	Дистанционный модуль
1	Academic vocabulary: key nouns, verbs, adjectives and adverbs.	Why publish a research paper? Who is your scientific community?
2	Academic vocabulary: word combinations.	How journals work? Communication with editorial board. Copyright issues.

3	Ways of talking about sources, facts, evidence and data, numbers and statistics.	Finding good literature. Managing your references. Tools for storing references.
4	Ways of talking about graphs and diagrams, cause and effect, ideas, reporting what others say, analysis of results.	Research design: formulating a research question. Coherence of research: literature, methodology, research question and conclusion, enriching comprehension of literature.
5	Talking about meaning. Talking about points of view. Presenting an argument.	Structure of paper: key components, do I write in linear order?
6	Summarizing and paraphrasing.	How to write an abstract. Bibliography styles.
7	Organizing your writing. Describing research methods. Classifying.	After writing: checklist before submitting a paper.
8	Evaluation and emphasis. Summary and conclusion.	Managing reviews, introducing corrections and re-submitting.

По завершении модуля академического письма студентам было предложено оценить учебный курс по шкале Лайкерта. Студентам также было предложено представить неформальные анонимные замечания об их отношении к смешанному обучению. 45 студентов из 48 завершили опрос, получив 93% ответов. В целом студенты продемонстрировали положительное отношение к смешанному обучению и высоко оценили онлайн-составляющую курса. Среди положительных моментов они отметили:

- четкую структуру курса;
- привлекательную презентацию, понятный стиль изложения;
- удобство самостоятельного обучения;
- полезную информацию о международных стандартах публикации.

Участники сочли очные занятия очень полезными, они отметили, что корректирующая обратная связь необходима для лучшего понимания академической лексики, домашние задания были описаны как сложные, но полезные,

70% студентов были очень довольны очным учебным модулем, 17% удовлетворены и 13% выразили нейтральное мнение.

Тем не менее, совмещение очного и онлайн модулей создало несколько проблем для учащихся. Основной проблемой, на которую указывали студенты, была относительная корреляция еженедельных заданий. Они отметили, что предпочли бы большую степень интеграции материала, охватываемого онлайн-курсом, в очные занятия, хотя обе части курса являются ценными и информативными, они выиграют от лучшего согласования.

С точки зрения преподавателя, существует несколько положительных аспектов внедрения смешанного обучения:

- знания, которые студенты получают в рамках MOOK, не охватываются программой курса по академическому письму, но являются важными и полезными для начинающих ученых;
- несовершенства интеграции онлайн-курса в учебную программу отчасти компенсировались обсуждениями в рамках очных занятий.

В целом опыт прохождения смешанного курса является положительным, однако, целый ряд аспектов требует дополнительного исследования.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 17-34-10303, № 20-012-22046.

Литература

1. *Aycock A., Garnham C., Kaleta R.* Lessons learned from the hybrid course project //Teaching with technology today. – 2002. – Т. 8. – №. 6. – Pp. 9-21.
2. *Bowen W. G. et al.* Interactive learning online at public universities: Evidence from randomized trials // Ithaka S+ R. – 2012. – Т. 10.
3. *Hill P.* Online educational delivery models: A descriptive view // Educause review. – 2012. – Т. 47. – №. 6. – Pp. 84-86.

4. Zhang Y. Benefiting from MOOC // EdMedia+ Innovate Learning. – Association for the Advancement of Computing in Education (AACE), 2013. – Pp. 1372-1377.

TEACHING ACADEMIC WRITING TO ECOLOGY STUDENTS: A BLENDED LEARNING APPROACH

The study investigates the problem of teaching academic writing to non-linguist students in a blended mode. The author considers the model of blended learning and analyzes the perception of such a format by students. The study identified both positive aspects of implementing the online component in a traditional course on academic writing, as well as potential limitations of the research.

Key words: MOOC, academic writing

2.3. РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Л.Н. ТАЛАЛОВА

(Государственный университет управления)

О МОТИВАХ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО ВНЕ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ

В статье рассматривается наметившаяся тенденция повышения интереса среди иностранной аудитории к изучению русского языка как иностранного вне среды его естественного функционирования. В этой связи интерес представляют как причины, побуждающие иностранца начать изучать русский, так и сам контингент обучающихся ввиду его разноплановости, где последняя расширяет границы мотивов.

Ключевые слова: среда функционирования языка, билингвы, иноязычная среда, культурный код, культурная доминанта, язык-посредник

Наметившаяся в последние годы тенденция повышения интереса к изучению русского языка вне среды его естественного функционирования обусловливается общественно-политическими и экономическими факторами, которые, в свою очередь, отражают прагматический характер этого интереса. В этой связи интерес для специалистов представляют как причины, побуждающие иностранца начать изучать русский, так и сам контингент обучающихся ввиду его разноплановости, которая, соответственно, расширяет границы мотивов. Последний представлен группами: 1) взрослых, 2) студентов, 3) детей и подростков.

Первая группа – взрослые, которых условно можно разделить на три подгруппы. Первая подгруппа – взрослые, для которых русский язык необходим по роду их деятельности. Это преимущественно бизнес, туристический, в первую очередь; финансовая деятельность; область права; др. Без знания русского языка бизнесмену, связанному делами с Россией, стало невозможно вести свой бизнес. Вторая подгруппа взрослых, она же – самая многочисленная, и доля их постоянно растет, это мигранты, активно ищущие рабочие места в сфере обслуживания (преимущественно гостиничный и ресторанный бизнес), а эта сфера деятельности требует активной коммуникации. И официант, и бармен, и работник на стойке регистрации должны говорить в рамках тематики на нескольких языках, русский среди них – обязательный.

Помимо сферы обслуживания, где требуется невысокий уровень владения языком и ограниченный вокабуляр, мигрантов все чаще можно заметить и в качестве экскурсоводов (для русских групп) – музейных и туристических гидов, работа которых предполагает качественно иной уровень знания языка. При этом речь идет

не о мигрантах, являющихся выходцами из стран Восточной Европы, хотя и о них тоже, для которых русский язык ближе, чем, например, для малазийских мигрантов. Процент осваивающих русский язык мигрантов – выходцев из Азиатско-Тихоокеанского региона и других неевропейских стран поступательно растет. Обе эти подгруппы взрослых в своем стремлении учить русский объединены исключительно прагматическими интересами. Но есть еще одна подгруппа взрослых, практически выпадающая из этого списка (с точки зрения их интересов при изучении русского). Это взрослые разных возрастных категорий, интересующиеся Россией и ее культурой (назовем их условно *culture-oriented*), доля их ничтожно мала, но она присутствует, не включить их в перечень было бы несправедливо. Для них прагматика в выборе ими русского для изучения, если и в каком-то виде присутствует, то все равно вторична.

Вторая группа, она же самая многочисленная, – студенты. В нее можно включить относительно небольшое количество студентов-лингвистов, выбирающих русский как второй язык, и большое число студентов нелингвистического профиля, планирующих работать в сфере, так или иначе связанной с необходимостью владения языком, знания российских реалий и менталитета русских. Прагматика при выборе языка студентами очевидна. Здесь уместно уточнить, что, небольшая по численности доля студентов-лингвистов (в сравнении со всем студенчеством) редко берет русский в качестве первого языка, что объяснимо. Иначе это – *пассионарность*. А вот выбор ими русского как второго носит почти массовый характер.

Третья, и тоже многочисленная, группа – дети и подростки, условно являющиеся билингвами/полилингвами, родившимися в большинстве своем в принимаемом обществе в межнациональных и межрасовых браках, а также дети, являющиеся этнически русскими, но не являющиеся билингвами, т.е. не владеющие русским языком. В изучении

детьми русского языка заинтересованность (и вновь прагматическая) – за родителями, многие из которых стремятся так закрепить русскую лингвокультурную идентичность.

Соотечественники, живущие в дальнем зарубежье, именно так представляют механизмы вхождения своих детей в русскоязычную среду и принятия ее культурного кода. Будучи сами привязанными к русскому культурному коду (при этом они не обязательно русские по своему этническому происхождению), они зачастую воспринимают инокультурную и иноязычную среду как своего рода давление. Их связи с бывшей родиной (касается не только России, но и СНГ), как правило, не утрачены, и ассимиляция в принимаемом обществе проходит крайне тяжело или вовсе не проходит. Иначе, родители движимы желанием сохранить русскую культурную доминанту (даже в другой национальности) и русский язык как язык-посредник или как родной у своих детей [Талалова, 2017], чья мотивация к изучению русского может быть крайне низкой.

Лишние тому подтверждения – страница сайта, например, посольства Российской Федерации в Великобритании, где длинным списком указаны контакты всевозможных (разной направленности) русскоязычных организаций и ассоциаций, ориентированных на живущих в стране русскоговорящих [Contact details]. Или число русских школ (около 10) в одном только Лондоне – при имеющемся 70-тысячном русскоязычном сообществе.

Резкое увеличение в последние годы численности русскоязычной диаспоры за рубежом без тенденции к ее размыванию в стране проживания, сохранение большого потока русских туристов без знания иностранного языка (хотя пандемия внесла здесь свои коррективы), необходимость вести бизнес-проекты и ряд других явлений жестко детерминируют возрастание спроса на русский язык среди иностранной аудитории, мгновенно реагирующей в

условиях конкурентного рынка на открывающиеся возможности в плане реализации своих профессиональных интересов.

Литература

1. Талалова Л. Н. Русскоязычная среда для детской полилингвальной аудитории вне России // Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность: Сб. ст. I Междунар. конгресса преподавателей и руководителей подготовительных факультетов. 19–21 октября 2017 г. – В 2-х ч. Ч. 2. – М.: Изд-во РУДН, 2017. – С. 284-288.
2. Contact details of Russian-speaking community associations in Great Britain // Embassy of the Russian Federation to the United Kingdom of Great Britain and the Northern Ireland. – URL: <https://www.rusemb.org.uk/orgnationals/> (Дата обращения 22 октября 2020).

ON THE RUSSIAN LANGUAGE LEARNING MOTIVES OUTSIDE OF THE LINGUISTIC MILIEU

The ascending interest towards the reasons which tend a foreigner to start learning Russian as well as to the cohorts of learners themselves is valid. The latter while determining these reasons are very representative for the analysis. Exploring all these reasons necessitates the precise study of each one taken separately.

Key words: language functioning milieu, bilinguals, foreign language milieu, cultural code, cultural dominant, intermediary language

М.А. ДРОГА

*(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет)*

АРСЕНАЛ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ РКИ В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В работе речь идет о новых условиях, в которых происходит процесс обучения русскому языку как иностранному в вузе. Преподаватель находится в состоянии поиска новых форм работы, в том числе и в дистанционном формате. Вызов времени стимулирует к созданию инновационных разработок и переходу к качественному новому витку образовательных технологий. Задача педагога высшей школы – отвечать требованиям и совершенствовать свой потенциал.

Ключевые слова: новая реальность, русский язык как иностранный, преподаватель, дистанционный формат, онлайн-урок

В последние несколько месяцев очень популярным стал термин «новая реальность». Под ним понимают новую форму действительности, к которой приспособляются, привыкают. Но самое главное, что такая действительность меняет угол зрения, заставляет искать инновационных подходов, в том числе в обучении. В статье речь пойдет об арсенале преподавателя русского языка как иностранного в условиях дистанционного обучения.

Сегодня «мы явились свидетелями наиболее масштабного образовательного эксперимента в истории человечества, охватившего 90% детских садов, школ, колледжей и университетов мира. Общий охват учащихся превысил 1,75 млрд человек, плюс более 200 млн педагогов» [Кондаков, 2020].

При словосочетании «дистанционное обучение» внутри скрывает страх, потому что каждый из педагогов столкнулся с трудностями и неопределенностью. Старые форму обучения иностранных студентов не приносят желаемого результата. Это происходит в силу ряда причин: ухудшение контингента приезжающих иностранцев, низкий уровень грамотности, тяжелые условия адаптации, а также отсутствие стимула в дальнейшем обучении. Из-за, а во многом, благодаря сложившейся эпидемиологической ситуации стало возможным по-другому посмотреть на процедуру обучения русскому языку как неродному.

Шаблонным, стандартным долгое время считался метод запоминания, повторения за педагогом, проговаривания, «заучивания» новой лексики. Положительное влияние также оказывала языковая среда. Студенты, а вместе с ними и преподаватель, оказались «за пределами» этой среды. Мы резко перестали находиться в отношениях живого общения. Как и в любой сложности попробуем разобрать ситуацию на «минусы» и «плюсы».

Немного истории. В арсенале преподавателя РКИ отсутствовал навык бесконтактной передачи информации. Мы работали с мелом и доской, с помощью прописных букв объясняли азы русского письма. На тернистом пути работы всегда остро чувствовался дефицит учебных пособий, наглядных материалов, отсутствовал язык-посредник. Группы слушателей на подготовительном факультете формируются в соответствии с выбранным профилем, а не по возрасту, национальности или времени прибытия. Вследствие этого мы работаем в интернациональной аудитории с представителями различных языков. Перевод на английский язык имеет негативные последствия: студенты начинают привыкать, теряют интерес к запоминанию новых слов, упрощается модель формирования понятия о предмете. Также в данной ситуации невыгоден учебник с переводом на английский язык. Практика показывает, что носители

вьетнамского, китайского, арабского, португальского, языка перси не владеют английским даже в объеме элементарного уровня. Кроме того, наличие двух программ обучения – 9-месячной и 1.5-годичной не позволяет использовать универсальное учебное пособие, учитывающее все особенности иностранных студентов.

С первого дня занятий преподаватель проводит колоссальную работу: адаптационная деятельность, социально-воспитательная работа, консультативная помощь, оформление визовых документов, наблюдение и контроль за состоянием здоровья студентов. Кураторская работа всегда шла рядом с учебной деятельностью. Осознание неразрывности этих видов работы пришло со временем. Это огромный труд, совмещающий все виды услуг: учебных, медицинских, консультативных, юридических, но самое главное – человеческих. Такое положение дел существовало в 80-х годов, сейчас мы начинаем возвращаться к этой системе, но с новыми реалиями: не куратор, а тьютор, не кураторская работа, а тьюторская.

Преподаватели РКИ не успевают адаптироваться к нововведениям: компьютерное тестирование, онлайн-курсы, интерактивные доски. Чувствуется недостаток визуальной информации при работе в аудитории. Отметим и проблему острой нехватки кадрового состава: опытные педагоги переходят рубеж пенсионного возраста, молодых выпускников языковых специальностей привлекает высокооплачиваемая работа за границей, а средний возраст в коллективе сотрудников отсутствует как таковой. Трудовая деятельности с почасовой оплатой, внештатная работа не является востребованной.

К плюсам отнесем и трансформацию содержания предметов в списке дисциплин. Так, язык специальности переименован в русский язык (профессиональный модуль), изучение которого происходит параллельно с освоением грамматики русского языка. Сокращение часов по

спецдисциплинам привело к неуспеваемости учащихся. Этот факт открыл педагогам путь к дистанционным форматам, к разработке видеокурсов. Известно, что «онлайн-обучение – не просто долговременный тренд, а свершившийся факт нашей жизни. Сегодня у многих пользователей сложился стереотип, что онлайн-образование – это неизбежное скучание у компьютера, мучительные испытания для детей и семей. А зря! Самое интересное и важное ждет нас в ближайшем будущем» [Кондаков, 2020]. Ситуация новой реальности диктует применение принципиально новых подходов к отбору содержания образования.

Реформа цифровизации образования заключается в оснащении образовательных учреждений высококачественным обеспечением, например, информационными системами, открывающими доступ к образовательным ресурсам, результатам современных исследований и разработок, электронным научным библиотекам на различных языках. Однако для этого в первую очередь необходимо обеспечить учреждения современными технологиями. «Наиболее выдающимся из них можно считать онлайн-обучение, которое включает в себя как смешанные формы обучения, то есть сочетание просмотра лекционного видео онлайн и семинаров в университете, так и непосредственно онлайн-курсы – МООС (Massive Open Online Courses)» [Куксин, 2018, с. 40]. В нашем университете подобные курсы и платформы существуют, начинают приносить первые плоды.

Одним из основных преимуществ развития образовательных технологий, в том числе, дистанционных, является путь преподавателя к самосовершенствованию. Желание двигаться вперед, приобретая новые навыки, важно стабильно поддерживать. Ведь все педагоги, начиная свой преподавательский опыт, инициативны, заряжены энергией, обладают интересом к процессу обучения. Но у этого «заряда» через 2-3 года исчерпывается ресурс, важно не

растерять отработанные на практике умения, сохранив эффективные методы в банке знаний. В связи с этим требуются поддержание интереса преподавателя к преподаваемым дисциплинам: обращение к более опытным источникам информации, повышение квалификации, глубокое погружение в материал, поиск методических новшеств.

Надо не забывать и о том, что для иностранного человека процесс получения документа о знании языка (сертификата, диплома, удостоверения и т.п.) – формальность. Слушателей из разных стран мира не заботит точность выполнения домашних заданий так, как советского студента. Многие из иностранных слушателей и вовсе не знакомы с правилами нахождения в коллективе, процессом обучения в группах. Современная молодежь старается быстро получить информацию, с помощью всемирной паутины освоить разговорный курс, пообщаться в мессенджерах с друзьями. Для этих целей необязательно ехать в Россию и тратить много денег. Привлечь большое количество обучающихся – еще одна из задач преподавателя. Так называемая профориентационная деятельность стала неотъемлемой частью в арсенале средств преподавателя РКИ. Небольшой эксперимент, проведенный до начала пандемии, показал, что иностранные студенты высоко оценивают роль педагога в процессе освоения русского языка, подчеркивают важность живого общения и системы заданий от него в целом.

Большинство прагматиков высказываются о том, что виртуальная реальность вряд ли заменит традиционные методы работы в ближайшие годы и даже десятилетия. Но неизбежным является тот факт, что педагоги за последние четыре месяца работы прошли колоссальный путь, по-новому оценили свою роль в процессах учения и обучения, возможности новых технологий как в повседневной педагогической практике, так и стратегически, овладели

первичными навыками цифровой грамотности. «Школьный класс изменился, и мы ощущаем преимущества изменений, которые постепенно стали нормой нашей жизни – новой нормальностью» [Кондаков, 2020].

Литература

1. *Кондаков А.* Уроки пандемии: новая реальность – URL: https://vogazeta.ru/articles/2020/6/26/Iniciativa_FGOS_40/13654-uroki_pandemii_novaya_realnost (Дата обращения 07.09.2020).
2. *Куксин И.Н.* Цифровое образование – новые реальности // Экономика. Право. Общество. – 2018 – № 1 (13). – С. 36-41.

RUSSIAN AS A FOREIGN TEACHER'S ARSENAL IN THE NEW REALITY

This paper deals with the new conditions of the teaching process (Russian as a foreign language) in higher school. The teacher is searching for new forms of work, including remote work. Time's challenge encourages the creation of innovative developments and the transition to a high-quality new round of educational technologies. The task of a high school teacher is to meet the requirements and improve own potential.

Key words: new reality, Russian as a foreign language, teacher, remote format, online lesson.

3. ОСНОВЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

И.В. ВАШУНИНА

*(Российский университет Дружбы народов;
Московский государственный лингвистический
университет)*

М.В. ЗИМИНА

*(Нижегородский государственный педагогический
университет имени Козьмы Минина)*

МЕХАНИЗМЫ ИНТЕРСЕМИОТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

В статье определяется семантика визуальных характеристик, выявляются возможности визуального представления вербальных характеристик, дается характеристика механизмов интерсемиотического перевода.

Ключевые слова: экспериментальное исследование, семантический дифференциал, креолизованный текст, семантика, вербальные характеристики, визуальные параметры.

Сочетание вербального текста и изображения (креолизованный текст – КТ) должно рассматриваться с точки зрения возможности передачи определенного содержания средствами, рассчитанными на разные модальности восприятия (слова и картинки). В связи с этим остро встает вопрос о корреляции вербальных номинаций и определенных визуальных характеристик. Созданный исследователями невербальный семантический дифференциал [Bentler, La Voie, 1972], более поздние исследования в этой области [Петренко, 2005; Смирнов,

2006] доказывают наличие регулярной связи между вербальными и визуальными характеристиками. Однако на сегодняшний день существует мало таких исследований, и практически весь словарный состав языка является не охваченным в ракурсе возможностей его визуального представления.

Целью настоящего исследования является обнаружение регулярных корреляций вербальных номинаций (прилагательных *холодный, спокойный, светлый, яркий, приятный*) и определенных параметров изображений, а также характеристика механизмов интерсемиотического перевода. Исследование проходило с применением метода сематического дифференциала, что предполагало оценивание креолизованных текстов по пятибалльным шкалам. Испытуемым (по 25 человек на каждый текст) в ходе двух экспериментов предлагалось оценивать креолизованные тексты по шкалам сематического дифференциала [Осгуд, 1972]. Креолизованные тексты составлялись из различных вербальных и визуальных конститuentов. Сравнение оценок текстов с одной и той же вербальной составляющей, но разными визуальными составляющими позволило выявить параметры изображения, которые влияли на оценку текста по определенной шкале. Следовательно, семантика этих визуальных характеристик может быть описываться с помощью имени шкалы.

В статье представлены результаты обобщения оценок по нескольким шкалам, которые позволяют утверждать наличие связи между рассматриваемыми вербальными характеристиками и визуальными параметрами.

Нами было обнаружено четыре механизма интерсемиотического перевода [Вашунина, 2018]: импрессивный, экспрессивный, конструктивный/когнитивный и собственно интерсемиотический.

Основой импрессивного механизма является психофизиологическое воздействие визуальных параметров

(стимулов) на органы чувств человека. Экспрессивный механизм базируется на эмоциональном восприятии параметров изображения (часто на основе ассоциаций). В случае действия конструктивного / когнитивного механизма происходит оценка содержания изображения. По критерию образности оценки (прямая или метафорическая) выделяются два подвида этого механизма: интеллектуальный и символический. При действии интеллектуального механизма содержание изображения оценивается логически, в прямом смысле. Действие символического механизма основано на образной оценке содержания текста. Вербализация визуальных характеристик относится к сфере действия собственно интерсемиотического механизма.

Шкала холодный. Ощущение холода передается с помощью использования минорной цветовой гаммы (оттенков синего). Такие КТ всегда оцениваются как более холодные, чем КТ с иллюстрациями в мажорной цветовой гамме. Это действие импрессивного механизма, в результате чего создаются температурные ощущения.

Как наиболее холодные оцениваются КТ, в которых сочетаются темно-печальная эмоционально-смысловая доминанта вербального текста и минорная цветовой гамма. Наиболее теплые КТ, в которых светло-веселая эмоционально-смысловая доминанта поддерживается мажорной цветовой гаммой. Оба темно-печальных вербальных текста оцениваются как более холодные, чем два светло-веселых текста, оценивающихся как более теплые. Описанная разница в оценках объясняется действием экспрессивного механизма: печальное ощущается более холодным, а веселое – более теплым.

Если сравнивать оценки креолизованных текстов с оценками вербальных текстов, то почти во всех случаях креолизованные тексты оцениваются как более холодные, чем вербальный. Очевидно, что такая разница в оценках не связана с температурными ощущениями. Вероятно, при этом

задействован другой механизм интерсемиотического перехода, интеллектуальный, в результате действия которого актуализуется значение *холодный* как «равнодушный, бесстрастный» [Ожегов, 2007].

Шкала *приятный*. По данным одного из экспериментов в трех случаях из четырех КТ с иллюстрациями в минорной гамме оцениваются выше, чем КТ с иллюстрациями в мажорной гамме. И в этих группах как максимально приятный оценивается вербальный текст. Это результат действия импрессивного механизма – объект вызывает приятные ощущения. Исключение составляет группа текстов, в которой вербальный текст содержит наиболее неприятное описание, слово «отвратительный». В таком случае, вероятно, вступает в действие неприятие содержания [Вашунина, 2007]. Тогда максимально неприятен наиболее естественный текст (в нашем случае вербальный, который не содержит иллюстраций в неестественной цветовой гамме). Это действие интеллектуального механизма.

Тексты с темно-печальной вербальной составляющей оцениваются ниже, чем тексты с светло-веселой вербальной составляющей, что мы относим на счет действия экспрессивного механизма.

Шкала *яркий*. Результаты экспериментов показывают довольно сложную зависимость оценок по этой шкале от параметров текста. В группах текстов с темно-печальной эмоционально-смысловой составляющей максимальные оценки получают КТ с мажорной иллюстрацией. Это действие собственно интерсемиотического механизма. В группах текстов с светло-веселой доминантой максимально оцениваются вербальные тексты, а КТ с мажорной иллюстрацией ниже, чем КТ с минорной. То есть налицо действие не собственно интерсемиотического механизма (что подразумевается при вербализации визуальных характеристик), а экспрессивного механизма, в основе

которого лежит эмоциональная оценка. Хотя иллюстрация очевидно делает любой текст более ярким в прямом смысле, реципиенты оценивают яркость в другом значении слова («сильный и впечатляющий» [Ожегов 2007]), что приводит к более высокой оценке текстов без иллюстраций.

Сходные данные получены и по шкале *светлый*.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы. Добавление к вербальному тексту иллюстрации в неестественной цветовой гамме приводит к оценке получившегося креолизованного текста как более холодного, чем вербальный текст. Как холодные оцениваются также тексты, оставляющие реципиентов равнодушными. Минорная цветовая гамма иллюстрации создает ощущение холода и спокойствия, а мажорная – тепла.

С большой осторожностью можно делать выводы о воздействии параметров креолизованного текста на оценку по шкале *приятный*. Как наиболее общее и претендующее на универсальность может рассматриваться положение (которое можно было бы вывести и дедуктивно), что тексты со светло-веселой эмоционально-смысловой доминантой более приятны, чем тексты с мрачно-печальной смысловой доминантой.

Получены данные, свидетельствующие о связи естественного и приятного.

Уже неоднократно [Вашунина, 2007] получало подтверждение действие параметра «Неприятие содержания текста», поэтому можно считать его влияние реально существующим.

Что касается цветовой гаммы, которая воспринимается как приятная, то на этот вопрос сложно ответить однозначно. Исследователи выявляют оценку разных цветов как приятных. Часто мнения бывают противоположными. Казалось бы, мы получили результаты о влиянии цветовой гаммы на восприятие креолизованного

текста: КТ с минорными иллюстрациями обычно оцениваются выше, чем КТ с мажорными изображениями. Однако результаты оценки самих изображений противоположны. Значит, дело в сочетаемости вербальной и иконической составляющей. Верным будет только утверждение, что на нашем материале сочетание вербального текста с минорной иллюстрацией (определенных тонов) более приятно, чем сочетание этого текста с мажорной иллюстрацией (определенных тонов).

Анализ оценок по шкалам *яркий* и *светлый* показывает, что, если налицо предпосылки для действия собственно интерсемиотического механизма (т.е. соответствующая семантика слова), он не обязательно должен быть задействован в каждом случае. При оценке возможно переключение на другие значения слова-имени шкалы, и тогда начинают влиять другие параметры текста.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00652.

Литература

1. *Вашунина И.В.* Взаимодействие визуальных и вербальных составляющих при восприятии креолизованного текста. – Н. Новгород, 2007. – 421 с.
2. *Вашунина И.В., Матвеев М.О., Тарасов Е.Ф.* Влияние качеств креолизованного текста на его смысловое восприятие // Вопросы психолингвистики. – 2018. – № 4. – С. 34-50.
3. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. – М.: Оникс, Мир и Образование, 2007.
4. *Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П.* Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствометрия. – М.: Мир, 1972. – С. 278-297.
5. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. – СПб., Питер, 2005. – 480 с.

6. *Смирнов Л.М.* Базовые ценности и абстрактные графемы // История и современность. – 2006. – №1. – С.45-71.
7. *Bentler P.M., La Voie A.L.* An extension of semantic space // J. of Verbal Learning and Verbal Behaviour. – Vol. 11. – 1972. – P. 174-182.

MECHANISMS OF INTERSEMIOTIC TRANSLATION

The article defines the semantics of visual characteristics, identifies the possibilities of visual representation of verbal characteristics, and describes the mechanisms of intersemiotic translation.

Key words: experimental research, semantic differential, creolized text, semantics, verbal characteristics, visual parameters.

3.1. ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ КАК НАУКА О ПЕРЕВОДЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЦИФРОВОМ МИРЕ

Л.А. ЕГОРОВА

(Российский университет дружбы народов)

М.Э. РЯБОВА

(Российский новый университет)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ПРАГМАТИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

В статье обсуждается проблема прагматической обусловленности рекламных текстов в переводоведении. Было установлено, что переводной и исходный элокутивно маркированный тексты обладают своим отличительным прагматическим потенциалом, причем выбор приема

перевода зависит от поставленной задачи и функции переводного текста.

Ключевые слова: прагматика, элокуция, реклама, цифровизация, фигуры речи

1. Введение

С развитием цифровой инфраструктуры, переходом на сетевые принципы коммуникации, вовлечением всех стран в международные рыночные процессы возрастающую важность приобретает качество перевода рекламных текстов на разные целевые языки. Учитывая, что коммуникативная успешность рекламных текстов структурирована в большей степени элокутивной составляющей, внимание ученых сосредоточено на максимальном сохранении прагматического эффекта на языке перевода. Проблема передачи элокутивной организации рекламного текста с языка оригинала актуальна как для русского, так и для мирового контекста.

2. Предмет и методы исследования

2.1. Рекламный текст в контексте перевода

Лингвистические исследования в области перевода рекламных текстов начались относительно недавно и подготавливались работами конца XX-начала XXI веков.

Ряд авторов обратил внимание на существование проблемы передачи специфики рекламных текстов. Например, И.С. Алексеева отмечает необходимость включенности рекламного текста в «культурную среду языка перевода», чтобы быть «заново пересозданным» [Алексеева, 2008, с. 132]. К. Райс обращает внимание на разное восприятие рекламных текстов разными этническими коллективами [Райс, 1978, с. 203] и разрабатывает вместе с Х. Фермеером «скопос-теорию», рассматривающую рекламный текст в контексте культурной адаптации [Reiss, Vermeer, 1991]. В последующем теорию скопос применительно к рекламным текстам развивает К. Норд

[Nord, 2005], акцентируя антропологический фактор. Тем самым, основополагающей при переводе рекламного текста учеными выдвигается идея создания равноценного по коммуникативной направленности текста. Следовательно, критерием качества перевода рекламного текста выступает прагматический компонент.

Прагматический подход позволяет выявить функциональный дуализм рекламного текста: наличие прагматического содержания и средства его эксплицитного выражения. Цель исследования заключается в выявлении средств выражения элокуции в русскоязычных рекламных текстах и эффективных способов ее передачи на английский язык.

2.2. Элокутивные средства рекламного текста в информационной культуре современности

Информационная культура сегодняшнего общества обусловила переход лингвистики к новой коммуникативной парадигме, где преобладает многообразие корреляций с кодами различных семиотических систем. Безусловно, наисложнейшими элементами при переводе становятся именно элокутивные средства, обладающие «предметно-логическим (денотативным) или коннотативным значением» [Зубкова, 2018, с. 91], которые необходимо выстроить в переводном тексте так, чтобы воспроизвести необходимые смысловые связи. Традиционно основу элокуции составляли образные фигуры речи, эмоционально украшающие текст. Однако далеко не все они могут употребляться в русскоязычном рекламном тексте и его переводе на английский язык с целью украшения, заменяясь на приемы, оказывающие психологическое давление и манипулятивные действия.

Системное осмысление закономерностей элокутивов предлагает И.В. Пекарская, разработавшая теорию элокуции [Пекарская, 2020б] и подчеркнувшая, что лишь элокутивы способны удержать внимание в сознании человека

[Пекарская, 2000а, с. 72]. Придерживаясь позиции приоритета функционального подхода, следует обратить внимание на стремительно увеличивающийся разрыв представлений о переводе в традиционном смысле, когда переводчик эквивалентно передает текст с одного языка на другой, и инновационных взглядов, когда переводчик креативно локализует иноязычный текст в релевантный для реципиента. Думается, что в случае рекламного текста такая творческая адаптация скорее оправдана и правомерна.

2.3. Методы

Материал исследования представляет собой 146 рекламных текстов, которые были классифицированы по типу целевой аудитории. Среди них были отобраны основные виды рекламных текстов (пресс-релиз, ньюслеттер, биография, имиджевая статья), из которых было отобрано 768 примеров элокутивных средств в исходном русскоязычном тексте. Далее анализировалось их представление во вторичном тексте и комментировалось переводческое решение.

В рамках коммуникативного подхода основным методом исследования явился сравнительно-сопоставительный метод, наряду с этим использовались методы сплошной выборки и прагматической интерпретации компонентов текста.

3. Результаты

Полученные результаты мы свели в обобщающие таблицы 1 и 2, наглядно представляющие частотность использующихся элокутивных средств в русскоязычных рекламных текстах и их англоязычных переводах.

Таблица 1. Статистика употребления элокутивных средств
в англоязычных переводных текстах

№	Элокутивные средства	Виды рекламных текстов				Всего
		Биография	Пресс-релиз	Ньюс-леттер	Имиджевая статья	
1.	Аллюзия	0	8	4	46	58
2.	Антитеза	0	13	9	28	50
3.	Градация	35	3	22	10	70
4.	Идиома	1	5	6	26	31
5.	Лексический повтор	76	22	14	18	130
6.	Метафора	17	25	34	47	123
7.	Олицетворение	2	35	78	114	229
8.	Эпитет	46	9	7	15	77

Таблица 2. Статистика употребления элокутивных средств
в русскоязычных исходных текстах

№	Элокутивные средства	Виды рекламных текстов				Всего
		Биография	Пресс-релиз	Ньюс-леттер	Имиджевая статья	
1.	Аллюзия	0	10	6	42	58
2.	Антитеза	0	14	11	25	50
3.	Градация	35	3	22	10	70
4.	Идиома	1	5	6	26	31
5.	Лексический Повтор	77	22	19	21	139
6.	Метафора	17	25	31	50	123
7.	Олицетворение	2	34	74	110	220
8.	Эпитет	46	9	7	15	77

Сравнительный анализ количественных подсчетов (см. таблицы 1 и 2) показал, что элокутивные средства переводных и исходных рекламных текстов практически совпадают, наблюдаются лишь незначительные расхождения. Отметим, что, хотя в качестве элокутивных средств использовались разнообразные фигуры речи, чаще всего используются олицетворение, лексический повтор, метафора, эпитет и градация. При их передаче с русского языка на английский преобладает метод замены.

4. Выводы

Собранный материал позволяет сделать выводы о тенденции расширения круга проблем при переводе элокуции в рекламных текстах. На авансцену выходит социокультурная специфика переводимого материала, элокутивные средства которого обладают жанрообразующими свойствами. Элокутивные средства несут определенный смысл лишь в контексте коммуникативного поля в сочетании с другими элементами текста. Элокуция в рамках рекламного дискурса приобретает особую значимость как особая совокупность средств экспрессивности, отражающих систему ценностей и традиции целевой аудитории. В случае несовпадения элокутивных средств исходного и переводного текстов на смысловом уровне, в большинстве случаев переводческим решением был метод замены. Однако несмотря на замену лексического значения одного элокутивного средства другим, переводческий прием полностью соответствует заданному в исходном тексте прагматическому содержанию. Доминантной стратегией перевода явилась локализация.

Литература

1. *Алексеева И.С.* Текст и перевод: вопросы теории. – М.: Международные отношения, 2008. – 184 с.

2. *Зубкова Ю.В.* Стратегии реализации прагматического потенциала в англоязычных PR-текстах международных компаний // Организационная психолингвистика. – 2018. – № 4. – С. 86-103.
3. *Пекарская И.В.* Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. – Ч.1. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2000а. – 248 с.
4. *Пекарская И.В.* Сдвиг-фигура в теории элокуции: логика и алогизм // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2020б. – № 1 (31). – С. 87-91.
5. *Райс К.* Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 202-228.
6. *Nord C.* Text analysis in translation: theory, methodology, and didactic application of a model for translation-oriented text analysis. – Amsterdam, New York: Rodopi, 2005. – 274 P.
7. *Reiss K., Vermeer H.* Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. – Tübingen, 1991. – 256 p.

TRANSLATION OF PRAGMATICALLY ORIENTED ADVERTISING TEXTS: METHODOLOGICAL ASPECTS

The article aims at identifying the means of expressing elocution in Russian advertising texts and effective ways of conveying it in English. It was found that each elocutive means has its own distinctive pragmatic potential and the choice of translation technique depends on the task of the secondary text.

Key words: pragmatics, elocution, advertising, digitalization, figures of speech

3.2. ПЕРЕВОД XXI ВЕКА: ЧЕЛОВЕК VS МАШИНА

Е.С. КРАМНАЯ

(Ярославский государственный технический университет)

М.А. РУДНЕВА

(Российский университет дружбы народов)

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

В данной статье выделены и охарактеризованы три подхода к оценке качества специального перевода: научный, нормативный и формализованный.

Ключевые слова: оценка качества, специальный текст, научный подход, нормативный документ

Оценка качества специального перевода – комплексная проблема, над решением которой работают как исследователи, так и практикующие переводчики. Сложность универсального решения этой задачи заключается в необходимости учесть многообразие специальных текстов и вариантов их предъявления, разные задачи и подходы к их переводу, а также критическое значение качества перевода для его конечного получателя. Особенно актуальна эта проблема на этапе обучения будущих переводчиков и формирования у них представления об эталонном переводе. Цель данной работы – охарактеризовать современные практические и научные подходы к оценке качества специального перевода и создать систему их представления студентам, обучающимся переводу специальных текстов.

В данной работе выделены три основных подхода к оценке качества: научный, нормативный и формализованный.

Научное видение проблемы оценки качества перевода описано в работах Комиссарова В.Н. [Комиссаров, 2009], Швейцера А.Д. [Швейцер, 1988], Сдобникова В.В. [Сдобников, 2007] и многих известных теоретиков перевода. Главные объекты исследований в этой области – эквивалентность и адекватность. Комиссаров В.Н. считает, что эквивалентность перевода – это «общность содержания текстов оригинала и перевода» [Комиссаров, 1990, с.47]. Также он указывает, можно определить «максимально возможную смысловую близость разноязычных текстов... а также определить минимальную близость к оригиналу» [Комиссаров, 1990, с. 47]. Он выделяет несколько уровней эквивалентности, то есть смысловой близости текстов ИЯ и ПЯ, обусловленных конкретным коммуникативным контекстом. Комментируя этот подход, Сдобников В.В. делает вывод: «выбор уровня эквивалентности ... определяется задачей достижения адекватности перевода.» [Сдобников, Петрова 2007, с. 209-210].

А.Д. Швейцер считает: «если эквивалентность отвечает на вопрос о том, соответствует ли конечный текст исходному, то адекватность отвечает на вопрос о том, соответствует ли перевод как процесс данным коммуникативным условиям» [Швейцер, 1988, с. 94]. Анализируя актуальные трактовки этих двух понятий, В.В. Сдобников делает вывод о том, что соотношение адекватности и эквивалентности в переводе зависит от разных факторов, при этом если эквивалентность может определяться в разной степени, то у адекватности существует лишь два варианта: адекватный или не адекватный перевод. Как видно из приведенных точек зрения, исследователи трактуют эти два понятия достаточно близко, но при этом единого мнения нет. Так же нельзя не отметить, что при всей

разработанности критериев и уровней, эквивалентность и адекватность остаются субъективными. Они должны быть в основе оценки, но не могут быть единственными, определяющими качество перевода специальных текстов.

Под нормативным подходом в данной статье подразумевается использование различных отраслевых регламентных документов, а также правил, рекомендаций и прочих разработок практикующих переводчиков и организаций. Отраслевые стандарты, исходят из того, что качественный продукт может быть получен только при правильной организации процесса его производства. Так регламент «ASTM F2575-14» должен «... способствовать четкому взаимопониманию, чтобы избежать потенциальных издержек времени, денег и качества во время проекта» [ASTM F2575-14, 2014], а стандарт «ISO 17100:2015» определяет аспекты, «непосредственно влияющие на качество и оказание переводческих услуг» [ISO 17100:2015, 2015]. Российский «ГОСТ РЕН 15038—2014», идентичен еще одному европейскому регламенту «EN 15038:2006 Services to the population — Translation services — Service requirements» и посвящен организации процесса перевода и отношениям переводчика (поставщика переводческих услуг) и заказчика перевода. Оценке качества выполненного перевода посвящены «Правила оказания переводческих и особых видов лингвистических услуг» (далее – Правила); они указывают на необходимость соответствия содержания текстов ИЯ и ПЯ, соблюдения норм языка ПЯ и системного использования терминов [ПР.50.1.027-2014, 2014].

Методические материалы, разработанные практикующими переводчиками, организациями, предоставляющими переводческие услуги и профессиональными объединениями, также вносят свой вклад в создание системы оценки качества. Прежде всего здесь стоит отметить издание «Письменный перевод - Рекомендации переводчику, заказчику и редактору» (далее –

Рекомендации). Рекомендации не являются государственным стандартом и включают Основную часть и 17 приложений. В основной части рассматривается организация процесса перевода и называются предметные требования к выполнению самого перевода. Приложения к Рекомендациям касаются разных ситуаций, возникающих в практике: от шаблона резюме, до систем транскрипции и пересчета размерностей; особенно стоит отметить проверочный лист переводчика и рекомендации редактору. Рекомендации используются в как основа для разработки внутренних стандартов качества.

Формализованный подход – это инновационное решение, продиктованное внедрением цифровых технологий. Он заключается в математическом описании процесса перевода и сопоставлении текстов ИЯ и ПЯ. Наиболее разработанные на сегодняшний день модели описаны в «Правилах оказания переводческих и особых видов лингвистических услуг» и в Приложении 17 к Рекомендациям [Тишин, 2015]. В них используется индекс TQI (Translation Quality Index), который учитывает количество ошибок и их значимость. Каждая ошибка оценивается в баллах и затем, по определенной формуле рассчитывается индекс качества, с тем чтобы дальше принять решение о пригодности перевода. Эффективность такого метода зависит от проработанности критериев оценки и квалификации экспертов. В то же время существуют и готовые классификаторы, например международный SAE J2450 используется для оценки переводов в автомобильной промышленности. В «Правилах ...» представлена более универсальная классификация ошибок письменного перевода по степени тяжести и по группам. Все ошибки делятся на малозначительные, существенные, грубые и дополнительные, а решение о пригодности перевода предлагается принимать, учитывая соотношение полученного TQI и объем выполненного перевода [ПР.50.1.027-2014, 2014, п. 9.2]. автоматизированный перевод. Очевидно, что

подобный подход объективен, но достаточно трудоемок, особенно на этапе выявления и маркировки ошибок, если эта работа выполняется вручную. Однако дальнейшая его разработка – это, в перспективе, автоматизация процесса оценки качества, которая возможна именно при работе с определенными видами специального текста, такими как инструкции, техническая документация и пр.

Научный подход позволяет оценить качество перевода в целом. Такие основополагающие критерии, как эквивалентность и адекватность помогают сделать вывод о том насколько полно выполнен перевод и насколько он функционален. Однако он оценивает переведенный текст в целом и не уделяет пристального внимания решению отдельных трудностей, характерных для специального текста. Нормативный подход нацелен на решение задач организации процесса перевода, но также он учитывает и работу с особенными элементами технического перевода, такими как размерности, обозначения и т.п. Применимо к таким отдельным аспектам, нормативный подход достаточно объективен, так как в рекомендациях и стандартах прописаны четкие критерии, не оставляющие пространства для оговорок. Формализованный подход с математической обработкой ошибок переводчика, возможно, станет самым объективным и сможет достаточно полно оценивать качество перевода именно специальных текстов, однако на данный момент основным недостатком является его трудоемкость, а также невозможность оценить функциональность перевода.

Как следует из представленного обзора, несмотря на усилия исследователей и профессионального сообщества, вопрос эффективных критериев оценки качества перевода остается открытым. Даже с учетом специфики технических текстов, основа оценки состоит из критериев эквивалентности и адекватности. Надлежащая организация процесса перевода, включая соблюдение четко установленных требований к текстам ИЯ и ПЯ, позволит

получить качественный перевод, пригодный для использования по назначению в конкретной отрасли. Тщательно настроенная формализованная оценка позволяет беспристрастно описать отношение к результату процесса перевода и избежать конфликтных ситуаций. Представление и реализация всех трех подходов и их сочетания в процессе обучения будущих переводчиков может иметь синергетический эффект и способствовать формированию правильного представления об эталонном качестве специального перевода.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-34-10303.

TRANSLATION OF SPECIAL TEXTS: MODERN APPROACHES TO QUALITY EVALUATION

This article highlights and describes three approaches to quality assessment for special translation: scientific, normative, and formalized.

Key words: quality assessment, special text, scientific approach, regulations

Литература

1. *Дупленский Н.К.* Письменный перевод. Рекомендации переводчику, заказчику и редактору. 3-я редакция – М.: Р.Валент, 2015. – 176 с.
2. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
3. ПР.50.1.027-2014 «Правила оказания переводческих и особых видов лингвистических услуг». – Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. – М.: Стандартинформ, 2014.

4. Сдобников В.В., Петрова О.В Теория перевода: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 448 с.
5. Тишин Д. О приемах формализованной оценки качества перевода // Письменный перевод. Рекомендации переводчику, заказчику и редактору. – 3-я редакция – Приложение 17. – М.: Р.Валент, 2015.
6. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М: Наука, 1988. – С.92-99.
7. ASTM F2575 – 14 Standard Guide for Quality Assurance in Translation. – URL: <https://www.astm.org/Standards/F2575.htm>.
8. ISO 17100:2015(en) Translation services. – URL: Requirements for translation services-[tps://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:17100:ed-1:v1:en](https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:17100:ed-1:v1:en).

А. НИЦЗЯТИ

*(Huawei Technologies Co. Ltd; Российский университет
дружбы народов)*

И. С. КАРАБУЛАНОВА

(Российский университет дружбы народов)

Ю. ЛИНЬ

*(Северо-Восточный университет КНР; Российский
университет дружбы народов)*

Ф.Б. САУТИЕВА

(Ингушский государственный университет)

СЛОЖНОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РУССКО-КИТАЙСКОМ ДИАЛОГЕ: КОГНИТИВНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ ИЛИ ЯЗЫКОВАЯ ИГРА?

Авторы рассматривают проблемы межкультурной коммуникации при общении русских и китайцев. Многочисленные примеры рекламы на русском языке, представленные на территории Китая, давно стали «вирусными» в сети Интернет. Авторы предлагают дифференцировать когнитивные и искажения на

1) специально спланированную языковую игру и 2) на недостаточную компетентность в использовании иностранного языка.

Ключевые слова: менталитет, Китай, Россия, Северный Кавказ, межкультурная коммуникация, когнитивные искажения, языковая игра.

Не секрет, что китайская культура привлекает многих людей своей загадочностью в силу того, что она также, как и культура народов Северного Кавказа, значительно закрыта для тех, кто не является носителями этого языка и культуры.

Однако если когнитивные искажения, связанные с восприятием народов Кавказа обусловлены, прежде всего, с нормами социального поведения, то когнитивные искажения, обусловленные разницей с китайским менталитетом, обозначаются гораздо ярче и четче. Например, некоторые путешественники по Северному Кавказу изумляются тому, что во многих малых населенных пунктах встречаются вывески и объявления на лобных местах у магазинов, что имамы и члены их семей обсуживаются бесплатно, что товары им отпускаются бесплатно. Такого рода объявления не укладываются в картину мира носителя русской культуры, вызывая когнитивный диссонанс с родным менталитетом «товар – деньги», «без хабара (подарка) нет базара (разговора)». Вместе с тем на Кавказе имам является не столько и не только представителем конфессии, сколько учителем и наставником, к которым идут за советом.

В этом плане китайский менталитет имеет некоторые параллели с кавказским менталитетом, поскольку нацелен на уважение народных традиций, в том числе и в использовании принципов этнопедагогики и педагогической практики [Саутиева, 2019]. В китайской традиции слово учителя имеет также беспрекословный авторитет перед учениками. В связи с этим этнопсихолингвистический подход [Nakisbaev et al, 2017] видится нам весьма уместным для рассмотрения

заявленной проблемы. Уважение к опыту старших поколений, акцент на позитивных моментах истории, прославление мужества, стойкости и героизма, внимание к родной традиционной культуре, природе и домашнему очагу, сплоченность в преодолении трудностей, полиэтнический состав малых народов – всё это сближает такие отстоящие далеко друг от друга народы Китая и Кавказа. При этом и китайцы, и представители народов Кавказа находятся в поиске эффективных средств межкультурной коммуникации, которые позволили бы выстраивать успешные стратегии взаимодействия с другими народами России на основе русского языка.

Проблема интерпретации языковой игры и когнитивных искажений между народами России, Кавказа и Китая возникает неизбежно, поскольку эти культуры обладают раритетными лакунами, которые невозможно заменить адекватными эквивалентами в культуре народов-контактеров. Например, передача смысла китайского иероглифа будет весьма приблизительной для носителей звукобуквенного письма, также и обучение гортанным и загортанным звукам многих кавказских языков будет весьма проблематичным для носителей тонового языка и для носителей русского языка, для которых такие звуки не являются характерными. В то же время широкая, четкая артикуляция русского произношения может стать проблемой для интонирования носителям китайского и кавказских языков.

В этой сложной ситуации восприятия иного языка естественно возникают некоторые сложности при передаче смыслов родного языка на чужом языке и для носителей чужого языка, где языковая игра может сыграть и позитивную, и негативную роль. Так, И.С. Янченкова и А.В. Карпова определяют языковую игру как эффективную модель специфического лингвокреативного речевого поведения [Янченкова, Карпова, 2018] инициатора

сообщения, в котором преднамеренно изменены социальные, языковые и речевые стереотипы с целью привлечения внимания адресата речи и трансформацией вербально-паравербальной реакции последнего.

Некоторые китайские и российские исследователи подчеркивают, что разного рода недоразумения и когнитивные искажения могут выступать как преднамеренно продвигаемые неверные интерпретации [周礼全 2001; Дубкова, Линь Мэй, 2015].

В русскоязычном сегменте Интернета большое распространение получили ставшие «вирусными» фотографии вывесок с ярко выраженными ошибками на русском языке китайских производителей товаров, продавцов и магазинов. Например: «Интим оптом с фабрики» (секс-игрушки от производителя), «Супермаркет Боли» (в смысле клиника лечения боли), «Лечебный центр слепых докторов у Лилия и Саши» (подразумевается массаж у незрячих массажистов), «Профессиональный салон для похудения Нина» (в смысле клиника снижения веса), аптека «Простолюдин» (аптека бюджетных цен), «Дон Джу – Центр заботливых глаз» (т.е. оптика), магазин «Бульон с коровьими костями «Брат и сестра»» (магазин говяжьего мяса на кости), магазин «Толстых людей монополия» (магазин одежды для полных людей) и т.д. Аналогичные примеры есть и среди продавцов, представителей народов Кавказа, Средней и Центральной Азии. Например: «анОнас суЩОный», «реДКа зельОный» и т. п.

Как правило, такие ошибки встречаются в местах интенсивного контакта представителей разных языков и культур [Карабулатова, 2015]. Мы полагаем, что эти так называемые ошибки наследуют традицию взаимоотношений «покупатель – продавец», которая была выработана в эпоху Великого Шелкового Пути [Марозиков, 2018], но получила свое развитие на новом этапе развития торговых взаимоотношений между странами-контактерами [Кобзева,

2013; Карабулатова, Рязанцев, Маньшин, Вазиров, 2017] в ситуации формирования транскультурной языковой личности [Карабулатова, Эбзеева, 2017], что заставляет нас более тщательно подходить к выбору языкового инструментария при обучении иностранным языкам [Валеева, 2018].

Таким образом, сталкиваясь с такими примерами, мы неизбежно встаем перед выбором внутренней оценки таких ошибок. Действительно ли перед нами неосознаваемая ошибка, или мы имеем дело с языковой игрой как традицией продвижения товара или услуги для потенциального потребителя, носителя инокультурной среды?

Некоторые исследователи склонны считать, что перед нами яркая иллюстрация недостаточных компетенций [Дубкова, Линь Мэй, 2015; Ли Минь, 2010]. На первый взгляд, это действительно так, тем более эта позиция подкрепляется такими примерами вывесок с применением кириллицы в китайских городах, как «НРПСТСПРТСУОЖОПР», «ТСАТР ПЗН ПЗН», «МУСУЛЬМАНСКАЯ ЕЛА» и т. п.

Однако мы полагаем, что надо дифференцировать несуразное использование кириллицы (в виде нечитабельного набора букв), ошибки, обусловленные влиянием кяхтинского пиджина [Ма На, 2015], аттрикцией языка [Поливара, Карабулатова, 2019] и продвинутую коммуникативную стратегию, нацеленную на привлечение потенциального клиента (типа: «Пожар Обслуживание», «Магазин Бензина» и т.п.).

Нельзя не согласиться с В.В. Коломенской, которая утверждает, что когнитивные искажения присущи китайским рекламным объявлениям и вывескам на русском языке [Коломенская, 2010], что позволило отметить тенденцию развития русско-китайского пиджина [Оглезов, 2007]. При этом большинство исследователей говорит о наличии искаженного коллективного портрета китайца в современном

русском языковом сознании [Дзюба, Чжао Линь, 2015; Ду Лиюань, 2017], что требует определенных усилий как для китайских русистов, так и русских китаистов, а также преподавателей РКИ.

На наш взгляд, этот процесс обучения должен идти с обеих сторон, поскольку для Китая, с давних времен известного своими торговыми и маркетинговыми коммуникативными стратегиями, привычно использовать языковую игру с применением смеховой культуры, поэтому такие примеры, как «Жирискусство БУЛОЧКА», создают яркий и запоминающийся образ в сознании реципиента, потенциального клиента. В последнее время такие примеры «на грани фола» стали активно проникать и в русскую рекламу [Ильясова, Амири, 2018]. Не случайно, что преднамеренное когнитивное искажение было выделено в ходе анализа суггестивного влияния на покупательскую способность и неосознаваемого поведения потенциального покупателя или клиента в работах по мотивации в маркетинге [Канеман, 2016; Koryakovtseva et al, 2016]. Однако в большинстве случаев когнитивное искажение трактуется как постоянно воспроизводимая ошибка в мыслительном процессе, что создает некие параллели с пониманием ошибок вследствие невежества или недостаточностью компетенций.

Российская культура в этом плане противопоставлена китайской, поскольку является прямолинейной, а применение так называемых «восточных макаронизмов», «витиеватостей» воспринимается как нечестная игра, недостаточность компетенций. В то же время китайская традиция активно использует контекстуальную двусмысленность, поскольку этот прием является ключевым в достижении успеха в языковой коммуникации. В этом плане метафоричность двусмысленности контекста имеет параллели с традициями ведения переговоров представителями Кавказа, что объединяет их в единый

кластер восточной ментальности в противопоставлении русской. Однако все эти три культуры относятся к так называемой цивилизации исторической памяти в противовес ежеминутной культуре Запада [Зарубина, 2017], что дает основание для формирования единой платформы по выравниванию стратегий межкультурной коммуникации.

В нарочито искаженных примерах русского языка в китайских объявлениях и вывесках мы видим применение смехового приема языковой игры, направленной на облегчение осуществления межкультурной коммуникации. Этот маркетинговый ход расслабляет реципиента в сторону принятия соглашения, выгодного продавцу товара или услуги. Кроме того, имеющаяся ограниченность лексической сочетаемости вследствие дифференциации этнокультурных норм также создает благоприятную почву для использования нестандартных приемов создания мотивации у потенциального клиента.

Так, для китайской коммуникации характерно использование специфических триггеров, которые обладают потенциалом двусмысленности, а потому зачастую используются в межкультурной коммуникации, что позволило Н.П. Мартыненко говорить о нейросемиотических особенностях китайской письменной культуры и неполного соответствия в применении категориального аппарата и инструментария европейской лингвистики к анализу иероглифических понятий китайского языка [Мартыненко, 2007].

Вместе с тем мощный потенциал успешной коммуникации в русско-китайском диалоге обеспечивается, в том числе, грамотным использованием смеховых приемов языковой игры, продвигая философию легкости общения вне зависимости от изначального языка и ментальности коммуникантов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-04-00607-ОГН.

Литература

1. *Валеева Н. Г.* Теория перевода: культурно-когнитивный и коммуникативно-функциональный аспекты. – М.: Изд-во РУДН, 2018. – 247 с.
2. *Дзюба Е.В., Чжао Линь.* Этноспецифические особенности лингвокогнитивной категоризации в русском и китайском языковом сознании // Педагогическое образование. – 2015. – № 11. – С. 185-194.
3. *Дубкова О. В., Линь Мэй.* Когнитивные основания логических нарушений в письменной речи китайских русистов // Коммуникативные исследования. – 2015. – № 3 (5). – С. 129-136.
4. *Ду Лиюань.* Языковая личность носителя китайского языка (в представлении русских и китайцев). – Челябинск: ЮУрГУ, ЛМ-261, 2017. – 65 с.
5. *Зарубина Н. Н.* Историческая память как источник знаний о цивилизационной специфике России// Общественные науки и современность. – 2017. – №2. – С. 52-63.
6. *Ильясова С. В., Амири Л. П.* Язык СМИ и рекламы: игра как норма и как аномалия. - М.: Флинта: Наука, 2018. – 328 с.
7. *Канеман Д.* Думай медленно. Решай быстро. – М.: АСТ, 2016. – 653 с.
8. *Карабулатова И. С.* Русский язык в российско-китайском приграничье как стержень общей лингвоментальной базы народов-контактеров // Миграционные процессы в АТР: история, современность, практики взаимодействия и регулирования: сборник трудов международной научно-практической конференции, 10-12 ноября 2015 г. – Владивосток: ДФУ, 2015. – С. 219-222.
9. *Карабулатова И., Рязанцев С., Маньшин Р., Вазиров З.* Китайская миграция в страны Таможенного Союза в контексте региональной безопасности // Центральная Азия и Кавказ. – 2017. – Т. 20. – № 2. – С. 60-68.
10. *Карабулатова И.С., Эбзеева Ю.Н.* Транскультурная личность в миграционных процессах Таможенного Союза// Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 5. – С. 189-195.

11. *Кобзева О. П.* Роль Оренбурга в установлении торговых и дипломатических связей со среднеазиатскими ханствами и в попытках возрождения Великого Шелкового пути // *Культура Оренбургского края: история и современность. Научно-образовательный и культурно-просветительский альманах.* – Оренбург, 2013. – 535 с.
12. *Коломенская В. В.* Китайская реклама на русском языке: к вопросу о языковой специфике (на материале русских вывесок г. Хэйхэ КНР) // *Слово: фольклорно-диалектологический альманах.* – 2010. – №8. – С. 31-37.
13. *Ли Минь.* Типовые ошибки китайских студентов, изучающих русский язык, и пути их коррекции: вопросительные предложения// *Педагогическое образование в России.* – 2010. – № 4. – С. 98-105.
14. *Ма На.* Харбинский русско-китайский пиджин первой половины XX века и его языковые особенности// *Преподаватель XXI век.* – 2015. – № 1. – С. 345-354.
15. *Мартыненко Н. П.* Специфика семиотического изучения древнекитайских текстов. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2007. – 39 с.
16. *Марозиков А. А.* Из истории торговых связей среднеазиатских ханств с Россией // *Проблемы Науки,* 2018. – № 12 (132). – С. 73-76.
17. *Оглезова Е.А.* Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2007. – 264 с.
18. *Полиvara З.В., Карабулатова И. С.* Языковая личность в трансформирующемся сообществе: этнолингвистические дифференциации татар-билингвов в иноэтническом окружении: монография. – 3-е изд., стер. – Москва: Флинта, 2019. – 152 с.
19. *Саутиева Ф. Б.* Педагогические возможности устного народного творчества в процессе организации эстетического воспитания школьников// *Проблемы современного педагогического образования.* – 2019. – № (65-2). – С. 213-216.
20. *Янченкова И. С., Карпова А. В.* Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ// *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки.* – 2018. – №2 (32). – С. 64-70.
21. *Koryakovtseva, O.A., Doronina, I.I., Panchenko, T.M., Karabulatova, I.S., Abdullina, Z.M.* Research of category “Motivation”

as a basic tool of personnel management // International Review of Management and Marketing. – 2016. – Vol. 6. – № S 1. – Pp. 293-299.

22. *Nakisbaev D., Dubinina N., Karabulatova I., Levshits A., Krivoshlykova L.* Actual Ethnopsucholinguistic Methods of Foreign Languages teaching in Higher Education // Man in India. – 2017. – № 97 (23). – Pp. 389-396.

23. *周礼全逻辑—正确思维 and 成功交际的理论.*

北京：人民出版社, 2001. – 211.

DIFFICULTIES OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE RUSSIAN CHINESE DIALOGUE: COGNITIVE DISTORTIONS OR LANGUAGE GAME?

The authors consider the problems of intercultural communication when communicating between Russians and Chinese. Numerous examples of advertising in Russian presented in China have long gone viral on the Internet. The authors propose to differentiate cognitive and distortions into 1) a specially planned language game and 2) insufficient competence in the use of a foreign language.

Key words: mentality, China, Russia, Northern Caucasus, intercultural communication, cognitive distortions, language game

СОДЕРЖАНИЕ

1. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики в междисциплинарном аспекте в эру высоких технологий.....	3
<i>Карабулатова И.С.</i> Проблемы создания цифровой библиотеки для оценки потенциально опасных текстов (пот) в современном новостном дискурсе.....	3
<i>Катермина В.В., Гнедаш А.А.</i> Лингвистические модели социальной и политической коммуникации в online-пространстве: когнитивно-прагматический аспект.....	12
<i>Колмогорова А.В., Калинин А.А.</i> Радикальность оценки эмоциональной тональности как измеряемая величина в сентимент-анализе текстовых данных.....	17
<i>Терентьева Е.В., Милованова М.В., Павлова Е.Б., Вендт Н., Кадерова Р.Г.</i> Немецкоязычные и русскоязычные политические блоги как актуальная протестная практика	22
<i>Ребрина Л.Н., Шамне Н.Л., Елтанская Е.А., Вендт Н.</i> Онлайн-петиции как актуальная протестная практика в России и Германии: общие и лингвосоциокультурно специфичные системно-коммуникативные характеристики.....	31
<i>Giuliodori L.</i> Art translated into poetry: the surrealist ekphrasis.....	45
1.1. Теория языка и сопоставительные исследования в современной лингвистике.....	52
<i>Ильина В.А.</i> Подходы к описанию содержания ценностей и антиценностей.....	52
<i>Чурунина А.А., Солнышкина М.И., Гафиятова Э.В., Заикин А.А.</i> Сложность текста как функция лексических параметров (на материале учебных текстов на русском языке).....	57

<i>Тюкина Л.А., Бабаян В.Н., Лазович М.</i> Лингвистический анализ юмористического диалогического дискурса (на материале немецко-, англо- и русскоязычного бытового анекдота).....	68
<i>Чиршева Г.Н.</i> Межъязыковое дублирование в речи детей билингвов.....	74
<i>Ломакина О.В.</i> Понятие веры в системе ценностных координат народа (на паремиологическом материале русского, турецкого, русинского и алтайского языков).....	81
<i>Мельникова К.А., Закирова Ю.Л.</i> Лингвистический анализ политкорректного дискурса (на материале англоязычных СМИ)	86
<i>Малахова В.Л., Копиукова Е.В.</i> Лингвопрагматический потенциал креолизированных текстов англоязычных международных экзаменов дистанционного формата.....	92
1.2. Вопросы когнитивной лингвистики	
в междисциплинарном аспекте.....	97
<i>Волкова Я.А.</i> Когнитивная лингвоэкология как методологический подход к исследованию деструктивной коммуникации.....	97
<i>Малюга Е.Н., Мадиян Е.И.</i> Культурно-маркированные коллокации в новозеландском варианте экономического дискурса.....	104
<i>Хервилья Э.К., Моисеенко Л.В., Викулина М.А., Ускова Т.В.</i> Некоторые особенности формирования ассоциативно-вербальных связей в области правовой коммуникации на иностранном языке у студентов юридических специальностей.....	115
<i>Маслова И.Б.</i> Имена собственные в немецкоязычных СМИ (методические перспективы и новые возможности)	124
<i>Рыжкина Е.В.</i> Алгоритмы метафорических новообразований по аналогии в современном английском языке.....	131

1.3. Прагматические исследования в языке XXI столетия	137
<i>Боженкова Н.А., Каличкина Т.И.</i> Поликодовая ирония в современном медиаполитическом пространстве	137
<i>Мардиева Л.А.</i> Визуальная прецедентность: теоретические и прикладные аспекты.....	143
<i>Молодыхенко Е.Н.</i> Метапрагматика и жанр: необходимый аналитический симбиоз в эру онлайн-медиа?.....	149
<i>Самыличева Н.А.</i> Словообразовательные неологизмы как социокультурные доминанты в русском и чешском языках новейшего периода.....	156
1.4. Корпусные исследования в лингвистике	162
<i>Малышева О.П., Рябченко Н.А.</i> Опыт применения методов сетевой лингвистики для исследования цифровой социально-политической повестки дня.....	162
1.5. Дискурсивная парадигма лингвистического знания: антропоцентризм, междисциплинарность, поликодовость	169
<i>Гуслякова Н.И., Гуслякова А.В.</i> Англоязычный медиадискурс в эпоху цифровизации: психологические механизмы функционирования.....	169
<i>Шехи Э., Карабулатова И.С., Ниязова Г.М.</i> Специфика поликодовых новостных текстов о COVID-19 с включением имен собственных (ИС) в электронном социально-политическом дискурсе в мифолингвистическом аспекте: на материале разноструктурных языков.....	179
2. Вопросы методики преподавания и обучения иностранным языкам в информационную эпоху	189
<i>Гизатулина Д.Ю., Исмаева Ф.Х., Мартынова Е.В., Солнышкина М.И., Ярмакеев И.Э.,</i> Флуктуации сложности учебного текста (на материале англоязычных текстов уровней А2–В1).....	189

<i>Веретенникова Л.К., Дугина Г.А.</i> Педагогические условия успешного дистанционного обучения студентов-инофонов: результаты исследования.....	201
<i>Зэкри М.</i> К созданию новой стратегии обучения иностранным языкам, устраняющей стрессовые условия.....	207
2.1. Преподаватель иностранного языка в цифровую эпоху: профессиональные вызовы	218
<i>Мелконян А.А.</i> Технологическое обучение иностранному языку (TALL) в цифровую эпоху	218
<i>Repkina L.I.</i> Features of a foreign language acquisition at a technical university through functional approach.....	230
2.2. MOOCs и инновационные методики преподавания и изучения иностранных языков.....	248
<i>Нурлыбаева Г.К.</i> К вопросу о формировании и развитии иноязычных профессиональных компетенций студентов, обучающихся по специальности «Государственное управление».....	248
<i>Григорьева Е.М.</i> Использование Интернет-словарей английского языка в учебном процессе на языковом факультете.....	261
<i>Думина Е.В., Куадрос С.С.</i> Обучение студентов-юристов иноязычной письменной речи с помощью аутентичных интернет-ресурсов.....	267
<i>Руднева М.А., Валеева Н.Г.</i> Смешанное обучение студентов-экологов академическому письму.....	276
2.3. Русский язык как иностранный в эпоху цифровизации.....	281
<i>Талалова Л.Н.</i> О мотивах изучения русского языка как иностранного вне языковой среды.....	281
<i>Дрога М.А.</i> Арсенал преподавателя РКИ в новой реальности.....	286
3. Основы перевода и переводоведения на перекрестке цифровых технологий.....	292
<i>Вашунина И.В., Зимина М.В.</i> Механизмы интерсемиотического перевода.....	292

3.1. Переводоведение как наука о переводе: перспективы развития в современном цифровом мире.....	298
<i>Егорова Л.А., Рябова М.Э. Методологические аспекты перевода прагматически ориентированных рекламных текстов.....</i>	<i>298</i>
3.2. Перевод XXI века: человек vs машина.....	305
<i>Крамная Е.С., Руднева М.А. Оценка качества перевода специальных текстов: современные подходы.....</i>	<i>305</i>
<i>Ницзяти А., Карабулатова И.С., Линь Ю., Саутиева Ф.Б. Сложности межкультурной коммуникации в русско- китайском диалоге: когнитивные искажения или языковая игра?.....</i>	<i>311</i>

Научное издание

**ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ
ЛИНГВИСТИКИ И ИЗУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ЭПОХУ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Е.В. Попова*
Дизайн обложки *М.В. Рогова*

Подписано в печать 04.12.2020. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 19,07. Тираж 100 экз. Заказ 1537.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41

